PG 3312
.Z5G7
1861

LIBRARY OF CONGRESS
00017027001

Class PGR 623
Book .G1
1861
YUDIN COLLECTION

Grot, Iakov Karlovich

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА.

1773 — 1777 г.

Dieiatel'nost' i perepiska Derzhavina

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕПИСКА ДЕРЖАВИНА ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ИЗВЛЕЧЕНО ИЗЪ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ

Я. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

PG3312
.Z5G7
1861

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 15-го сентября 1861 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Изъ VII кн. Ученыхъ Записокъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. До кончины Бибикова 3
II. По смерти Бибикова до поѣздки Державина въ Саратовъ. 38
III. Пребываніе Державина въ Саратовѣ 52
IV. Распоряженія Державина для защиты заволжскихъ колоній отъ Киргизъ-Кайсаковъ 88
V. Распоряженія къ поимкѣ Пугачева и Филарета 113
VI. Непріятности и неудачи по службѣ 122
Приложенія 161

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕПИСКА ДЕРЖАВИНА

ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Пушкинъ, которому мы, не смотря на несовершенство его труда о Пугачевскомъ бунтѣ, такъ много обязаны по исторіи этого эпизода царствованія Екатерины, первый ознакомилъ насъ хотя нѣсколько съ участіемъ Державина въ мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачева. Но матеріалы, которыми пользовался Пушкинъ, особенно по этому частному предмету, были очень недостаточны, и потому не удивительно, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ тутъ о дѣятельности Державина, не только скудны, но отчасти и невѣрны. Онъ помѣщаетъ имя Державина въ числѣ начальниковъ, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій, и думаетъ, что его послали въ Малыковку для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Далѣе Пушкинъ, передавая очень не точно дѣйствія Державина, смѣшиваетъ сверхъ того эпохи, и только о распоряженіяхъ его въ Саратовѣ знаетъ нѣсколько подробнѣе и положительнѣе, хотя и здѣсь его извѣстія далеко не полны. Впрочемъ мы не можемъ строго судить Пушкина за эти ошибки. Изъ одного переданнаго намъ письма вдовы Державина къ К. М. Бороздину (отъ 28 іюля 1834 г.) видно, что Пушкинъ обращался къ Л. Н. Львову съ просьбою достать ему бумаги Державина по Пугачевщинѣ, но что родные покойнаго въ то время находили неудобнымъ отдать въ постороннія руки часть его манускриптовъ.

Получивъ особое порученіе во время Пугачевщины, Державинъ вскорѣ послѣ окончанія бунта написалъ «Журналъ

производству коммиссій лейбъ-гвардіи преображенскаго полку порутчика Державина, касающихся до поиску бунтовщика Пугачева и его сообщниковъ», въ которомъ изложилъ свои дѣйствія помѣсячно отъ декабря 1773 до сентября 1774 года. Когда онъ въ старости писалъ свои Записки, то въ составъ ихъ вошелъ и этотъ журналъ, но съ значительными измѣненіями и дополненіями, какъ видно изъ подлинной тетради Записокъ, куда онъ вшитъ, переписанный постороннею рукою, но испещренный собственноручными поправками Державина. Въ такомъ исправленномъ видѣ этотъ журналъ явился и въ напечатанныхъ недавно Запискахъ его.

Первоначальный журналъ былъ извлеченъ имъ изъ подлинныхъ офиціальныхъ бумагъ, которыя онъ или самъ писалъ, или получалъ отъ разныхъ лицъ во время бунта, на мѣстахъ своего пребыванія. Эти бумаги, благодаря просвѣщенному посредничеству Д. В. Полѣнова, были сообщены намъ родными поэта въ числѣ другихъ рукописей его. Онѣ заключаются въ двухъ толстыхъ листовыхъ (in-f.) тетрадяхъ, изъ которыхъ одна содержитъ ордера, писанные къ Державину, а другая черновые собственноручные отпуски или копіи рапортовъ его и нѣкоторыя другія бумаги, между которыми мы нашли и подлинный его журналъ за время Пугачевщины. На первой страницѣ каждой изъ этихъ тетрадей собственноручное его примѣчаніе: на *первой* — «Здѣсь малая часть моихъ черныхъ отпусковъ находится, ибо въ сей экстренной коммисіи большею частію прямо на бѣло писаны и отправлены были, какъ за неимѣніемъ при мнѣ писарей, такъ иногда и для скорыхъ надобностей». На *второй* же тетради — «Въ сей книгѣ, по ошибкѣ переплетчика, не по порядку времени вплетены ордера; и такъ надлежитъ, ежели ихъ разсматривать, то смотрѣть по подписаннымъ числамъ на нижнихъ краяхъ листовъ, то есть со дня ихъ отпусковъ».

Тщательное сбереженіе этихъ двухъ тетрадей дѣлаетъ большую честь Державину и показываетъ всю его добросовѣстность: сохранивъ для потомковъ подлинныя бумаги, онъ далъ намъ возможность не только повѣрить собственный его разсказъ, но и пересмотрѣть его дѣйствія съ нашей точки зрѣ-

нія, а что онъ самъ именно имѣлъ это въ виду, въ томъ удостовѣряютъ насъ приведенныя надписи его.

Между тѣмъ черновые отпуски Державина писаны часто такъ поспѣшно и небрежно, что разбирать ихъ стоило намъ величайшаго труда, который даже не всегда былъ успѣшенъ [1]), а такъ какъ сверхъ того хронологическій порядокъ въ этихъ письмахъ совершенно перебитъ, то работа еще увеличивалась, тѣмъ болѣе что на весьма многихъ отпускахъ нѣтъ чиселъ, и о времени изготовленія ихъ можно было заключать только по содержанію.

Желая дать и другимъ возможность судить о дѣятельности Державина во время Пугачевщины по подлиннымъ бумагамъ, мы рѣшились представить главныя изъ нихъ цѣликомъ, связавъ ихъ разсказомъ событій, почерпнутымъ частью изъ нихъ же, частью изъ записокъ Державина и изъ другихъ источниковъ, которыя всякій разъ указываемъ.

Предлагая здѣсь результатъ трех-мѣсячныхъ занятій этою эпохою жизни Державина, предоставляемъ себѣ сдѣлать на основаніи настоящаго труда болѣе краткій обзоръ ея для читателей, которыхъ не могутъ интересовать всѣ частности дѣла.

Это тѣмъ нужнѣе, что когда настоящая статья уже поступила въ печать, мы отъискали еще третью большую тетрадь, относящуюся къ Пугачевщинѣ и содержащую частныя письма многихъ лицъ къ Державину, писанныя также въ это время. Покуда мы должны удовольствоваться только нѣкоторыми на нее ссылками.

I. До кончины Бибикова.

Въ концѣ 1773 года слухи объ успѣхахъ Пугачева болѣе и болѣе тревожили дворъ и весь Петербургъ, особливо послѣ того, какъ генералъ Каръ, посланный противъ самозванца, оказался

1) Предполагая, что можетъ быть тѣже бумаги въ окончательномъ ихъ видѣ находятся въ Архивѣ Генеральнаго Штаба, мы обращались и туда. Начальство Архива, желая содѣйствовать Академіи Наукъ въ ея предпріятіи, обязательно открыло намъ доступъ къ матеріаламъ для исторіи Пугачевскаго бунта, но мы не нашли между ними ничего, что прямо относилось бы къ Державину.

*

недостойнымъ этого назначенія. Тогда для распоряженія военными дѣйствіями Императрица Екатерина на мѣсто его избрала Бибикова, который незадолго до того былъ отозванъ отъ поста главнокомандующаго въ Польшѣ и готовился ѣхать въ Турцію подъ начальство не расположеннаго къ нему графа Румянцова. Съ Бибиковымъ же долженъ былъ отправиться также и генералъ-маіоръ князь Петръ Михайловичь Голицынъ, который прежде находился при немъ и въ Польшѣ [2]).

Это было въ концѣ ноября 1773 г. Тогда же въ ассистенты Бибикову назначено было нѣсколько офицеровъ гвардіи.

Державинъ давно желалъ побывать на войнѣ или получить какое нибудь видное порученіе; но гвардіи тогда не посылали въ походъ. Исключеніе было сдѣлано только въ турецкую войну, при посылкѣ на флотѣ командъ въ Архипелагъ; но въ то время Державина не было въ Петербургѣ; для того же, чтобъ ѣхать въ армію волонтеромъ у него недоставало средствъ Не видя возможности осуществить свою мечту, онъ иногда предавался унынію: такъ самъ онъ разсказываетъ. Поэтому, узнавъ, что Бибиковъ ищетъ себѣ помощниковъ, Державинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ. Хотя онъ и не былъ лично знакомъ съ Бибиковымъ, однакожъ, слышавъ уже прежде о его достоинствахъ, рѣшился ему представиться. Явясь къ Бибикову, Державинъ сказалъ ему, что слышалъ о скоромъ отъѣздѣ его въ какую-то секретную коммисію въ Казань: будучи тамошнимъ уроженцемъ и зная довольно хорошо ту сторону, онъ предлагалъ и свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Бибиковъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить его желанія, потому что выбралъ уже извѣстныхъ ему гвардейскихъ офицеровъ. Между тѣмъ однакожъ онъ разговорился съ Державинымъ и, какъ вскорѣ оказалось, получилъ о немъ хорошее мнѣніе. Огорченный своею неудачею, Державинъ, вечеромъ того же дня, съ удивленіемъ прочиталъ въ полковомъ приказѣ, что долженъ опять явиться къ генералу Бибикову, для принятія порученія по Высочайшему повелѣнію. При новомъ свиданіи Бибиковъ приказалъ ему: черезъ три дня быть готовымъ къ отъѣзду.

2) Москвитянинъ 1845, Ч. V, № 9, Пис. I Ек. II къ кн. Волконскому.

Секретная коммисія, составленная подъ начальствомъ Бибикова изъ офицеровъ гвардіи, должна была находиться частью въ Казани, частью въ Оренбургѣ [3]). Назначенные первоначально офицеры [4]) отправились тогда же въ Казань, за ними и Державинъ. Хотя онъ ѣхалъ на-легкѣ въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за 3 р., однакожъ еще на пути въ Москву его обогналъ самъ Бибиковъ, выѣхавшій изъ Петербурга 9 декабря 1773 г. Въ ночь съ 25 на 26-е число, т. е. на второй день праздника Рождества, главнокомандующій, пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Казань, гдѣ находился уже и Державинъ, живя въ домѣ матери и стараясь отъ пріѣзжавшихъ въ городъ сельскихъ обывателей разузнавать о движеніяхъ непріятельскихъ партій и о расположеніи умовъ въ народѣ. Въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ являлись шайки бунтовщиковъ, даже въ 60 верстахъ отъ города уже разъѣзжали толпы вооруженныхъ Татаръ. Передъ пріѣздомъ Бибикова многіе жители Казани, встревоженные слухами, въ томъ числѣ и самъ губернаторъ Брантъ, уже оставили городъ; но общее довѣріе къ присланному генералу было такъ велико, что большая часть разъѣхавшихся теперь опять возвратились. Между тѣмъ войска, назначенныя въ его распоряженіе, только что начинали собираться; 30 числа онъ между прочимъ писалъ женѣ: «Войска мои прибывать начали вчера». Вскорѣ получено было офиціальное извѣстіе, что съ 25 числа Самара занята мятежнической толпой, которую жители и духовенство встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ хлѣбомъ и солью. Первымъ дѣломъ главнокомандующаго было обратить часть пришедшихъ уже войскъ на очищеніе Самары, о чемъ и послано было приказаніе начальникамъ ближайшихъ отрядовъ, маіору Муфелю и подполковнику Гриневу. Для производства же слѣдствія въ Самарѣ, когда она будетъ очищена, Бибиковъ рѣшился употребить Державина. 29 числа, при большомъ стече-

---

3) По смерти Бибикова эта коммисія раздѣлилась на двѣ: на Казанскую и Оренбургскую, и каждая подчинена была мѣстному губернатору.

4) По Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова, это были: кн. Волконскій, Мавринъ, Лупинъ и Кошелевъ. Но здѣсь пропущенъ Кологривовъ, съ которымъ Державинъ переписывался. Въ Зап. его названъ еще Собакинъ. По смерти Бибикова были сверхъ того присланы въ Казань Волоцкой и Горчаковъ (письмо Кологривова, № 33).

ніи Казанскихъ жителей всѣхъ сословій въ соборѣ, прочитанъ былъ манифестъ, напечатанный въ Москвѣ церковною печатью, о злодѣйствахъ Пугачева и назначеніи Бибикова главнокомандующимъ для усмиренія мятежа[5]). По отслуженіи молебна, всѣ дворяне съ преосвященнымъ Веніаминомъ приглашены были въ домъ главнокомандующаго. Бибиковъ, подойдя къ Державину, тихо сказалъ: «Вы отправляетесь въ Самару, возьмите сейчасъ въ канцеляріи бумаги и ступайте». Державинъ, узнавъ наканунѣ о происшедшемъ въ Самарѣ, подумалъ, что Бибиковъ хочетъ только испытать его, и отвѣчалъ: *готовъ*. Взявъ тотчасъ же изъ канцеляріи два запечатанныхъ пакета на его имя съ надписью: по секрету, которые велѣно было открыть не прежде, какъ по удаленіи на 30 верстъ отъ Казани, онъ поспѣшилъ проститься съ матерью и, не сказавъ куда ѣдетъ, поскакалъ.

Распечатавъ въ дорогѣ пакеты, онъ увидѣлъ, что ему предписывалось ѣхать въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ командѣ подполковника Гринева и вмѣстѣ съ нею итти на освобожденіе Самары, а въ то же время наблюдать, въ какомъ состояніи находятся эти отряды, во всемъ ли исправны и каковы, т. е. надежны ли ихъ офицеры, ибо Бибиковъ, по словамъ Пушкина, «сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска». Относительно же Самары Державину предписывалось, когда этотъ городъ будетъ очищенъ отъ бунтовщиковъ, то отъискать виновныхъ въ измѣнѣ, и заковавъ злоумышленныхъ преступниковъ, отправить ихъ въ Казань; «а нѣкоторыхъ, для страху жестоко на площади наказать плетьми при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребыть въ твердости, и живота своего, какъ вѣрные подданные, щадить не долженствуютъ. Сей ордеръ объявить можете командующему въ Самарѣ и требовать во всемъ его вспомоществованія». Если же окажется, что виновные поступили «по страху и не по склонности къ злодѣянію, то взявъ зачинщиковъ и распрося, представить ко мнѣ (Бибикову) на разсмотрѣніе» (№ I) [6]).

---

5) Кажется, это собраніе не было одно и то же съ тѣмъ, которое по Запискамъ о жизни Бибикова происходило 1 января 1774 г., т. е. уже въ отсутствіи Державина. Трудно предположить, чтобъ послѣдній не точно показалъ день своего отъѣзда изъ Казани; да и обстоятельства подтверждаютъ его показаніе.

6) Всѣ бумаги, заключающіяся въ двухъ описанныхъ выше тетрадяхъ, озна-

Любопытны разсказываемыя Державинымъ подробности проѣзда его до Симбирска, куда онъ прибылъ 30 числа: по словамъ его, въ народѣ замѣтенъ былъ духъ злоумышленія; мѣстами не хотѣли ему давать и лошадей, такъ что онъ долженъ былъ требовать ихъ, приставя пистолетъ къ горлу старосты. Не доѣзжая верстъ 5 до Симбирска, онъ увидѣлъ поселянъ, возвращавшихся оттуда порожнемъ, по распродажѣ въ городѣ своихъ товаровъ, и желалъ отъ нихъ узнать, въ чьихъ рукахъ находится Симбирскъ, куда, по близости Самары, также могли проникнуть толпы мятежниковъ. Поэтому онъ приказывалъ стоявшему на запяткахъ слугѣ остановить одного изъ мужиковъ; когда же тотъ, какъ человѣкъ вялый и не проворный, не рѣшался на это, то Державинъ положилъ его на свое мѣсто въ повозку, а самъ, ставъ на запятки и притворясь дремлющимъ, схватилъ мужика: изъ словъ его онъ узналъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но что они ходятъ не въ солдатскихъ мундирахъ, а въ крестьянскомъ платьѣ и собираютъ по городу шубы. Это обстоятельство заставило Державина подозрѣвать, не Пугачевцы ли владѣютъ Симбирскомъ. Одно только показаніе, что у всѣхъ тамошнихъ солдатъ ружья съ штыками, успокоило Державина, потому что бунтовщики не могли имѣть штыковъ. И такъ онъ въѣхалъ въ Симбирскъ. Это было уже часу въ 10-мъ ночи. Воевода объявилъ, что Гриневъ съ своею командою часа за два предъ тѣмъ выступилъ по Самарской дорогѣ для соединенія съ маіоромъ Муфелемъ, шедшимъ туда же. Державинъ поспѣшилъ нагнать Гринева. Они нашли Самару уже занятою Муфелемъ, который выгналъ оттуда толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячь, большею частью Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ. Толпа эта бѣжала въ пригородъ Алексѣевскъ, лежащій въ 25 верстахъ отъ Самары.

Въ Самарѣ Державинъ узналъ, что жители посылали нарочныхъ въ приближавшуюся мятежническую толпу для перего-

---

чили мы нумерами по порядку, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою. Подъ этими нумерами онѣ приводятся и здѣсь въ нашихъ ссылкахъ, при чемъ надо замѣтить, что римскими цифрами означаются бумаги изъ тетради ордеровъ, а арабскими — изъ тетради рапортовъ Державина.

воровъ съ нею и что особенно виновны священники, которые заслуживали бы тотчасъ быть отосланными въ секретную коммисію. Но чтобъ не могли обвинить правительство въ утѣсненіи вѣры, онъ въ рапортѣ Бибикову [7]) просилъ напередъ прислать въ Самару новыхъ священниковъ, а потомъ уже отослать старыхъ куда слѣдуетъ. Въ отвѣтѣ на этотъ рапортъ Бибиковъ (№ III) выразилъ Державину свое удовольствіе. Предложеніе его «о наказаніи пойманныхъ злодѣевъ для устрашенія прочихъ» отдалъ онъ на разсмотрѣніе генералъ-маіора Мансурова, также шедшаго въ Самару, которому предписалъ, «чтобъ нѣкоторыхъ, по важности дѣла, изъ злодѣевъ повѣсить, а другихъ пересѣчь, ибо всѣхъ казнить будетъ много».

Бибиковъ одобрилъ и другое распоряженіе Державина: чтобы имѣть возможность вполнѣ удостовѣриться, каковы на дѣлѣ Гриневъ, его офицеры и команда, Державинъ рѣшился прервать на нѣсколько дней происходившее въ Самарѣ слѣдствіе и принять участіе въ походѣ къ Алексѣевской крѣпости, куда шелъ Гриневъ, чтобъ и оттуда прогнать укрывшуюся шайку. Это было выполнено удачно и Державинъ, видѣвъ на дѣлѣ усердіе команды и ея начальниковъ, донесъ о томъ Бибикову.

Пригородъ Алексѣевскъ былъ населенъ почти весь отставными гвардейскими солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Императора Петра III. Поэтому Державинъ, для примѣра войску, велѣлъ пересѣчь плетьми на церковной оградѣ виновныхъ солдатъ. Это было согласно съ словесными приказаніями Бибикова, и впослѣдствіи одобрено имъ. Изъ подъ Алексѣевска Державинъ вмѣстѣ съ Гриневымъ ходилъ и на селеніе Красный Яръ, которымъ овладѣли было возмутившіеся Ставропольскіе Калмыки [8]): они вышли на встрѣчу подходившему войску, но были разбиты

---

7) Этотъ рапортъ отъ 3 января и слѣдующій отъ 5-го не нашлись въ тетрадяхъ Державина; но онъ о нихъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ.

8) Соотвѣтствующее этимъ строкамъ мѣсто въ Запискахъ Державина (стр. 59) подало П. И. Бартеневу поводъ къ недоразумѣнію, которое легко устраняется при правильной пунктуаціи. Слова, помѣщенныя въ скобкахъ, должно читать такъ: «Куда на дорогѣ проѣзжая, городъ Ставрополь попался въ руки бунтующихъ Калмыковъ» и проч. Г. Бартеневъ отнесъ слова «попался въ руки» къ

и принуждены возвратить взятые ими изъ Ставрополя пять пушекъ. Изъ Краснаго Яра Державинъ написалъ къ Калмыкамъ увѣщательное письмо, которое по переводѣ на ихъ языкъ и было къ нимъ послано. Это увѣщаніе, послѣ представленное Державинымъ Бибикову, было поднесено Императрицѣ и ею одобрено въ собственноручномъ письмѣ къ главнокомандующему. Такимъ образомъ имя Державина тогда уже могло обратить на себя вниманіе Екатерины.

По первымъ дѣйствіямъ Державина мы уже можемъ судить о характерѣ его; видимъ въ немъ энергію, живость, рѣшительность. Онъ самъ въ своемъ разсказѣ называетъ себя рьянымъ на словахъ и назойливымъ. Посылая его въ Самару, Бибиковъ смотрѣлъ ему пристально въ глаза; Державинъ при этомъ замѣчаетъ (Зап., стр. 55): «можетъ быть хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рьянъ на дѣлѣ, какъ на словахъ» и далѣе говоритъ: «генералъ хотѣлъ, можетъ быть, испытать назойливаго офицера». Дальнѣйшія дѣйствія и переписка Державина еще ближе ознакомятъ насъ съ этою стороною его личности.

По возвращеніи въ Самару, Державинъ продолжалъ допрашивать жителей. Чтобы предупредить всякую огласку тайныхъ показаній и дерзкихъ рѣчей противъ верховной власти, онъ долженъ былъ производить это слѣдствіе совершенно одинъ, даже безъ писца, такъ что ему приходилось самому записывать всѣ показанія. Окончивъ допросы и отправивъ важнѣйшихъ преступниковъ въ секретную коммисію, Державинъ дождался въ Самарѣ генерала Мансурова, которому поручена была защита Самарской линіи, и возвратился въ Казань.

Здѣсь Бибиковъ, оцѣнивъ и энергическую распорядительность Державина и способность его къ письменнымъ дѣламъ, сначала хотѣлъ оставить его при себѣ и поручилъ ему двѣ канцелярскія работы: 1) постепенное составленіе алфавитнаго списка какъ всѣмъ главнымъ сообщникамъ Пугачева, такъ и лицамъ, отъ нихъ пострадавшимъ, чтобы легче было наводить

Державину, что видно изъ сдѣланнаго къ этому мѣсту примѣчанія. Неправильность выраженія не можетъ затруднять насъ въ языкѣ Державина; да притомъ и теперь еще слова: *не доходя*, *не доѣзжая* всѣми употребляются въ видѣ нарѣчій. Село Красный Яръ находится на рѣкѣ Соку, верстахъ въ 15 отъ Алексѣевска.

справки и преслѣдовать виновныхъ, и 2) веденіе журнала входящимъ къ Бибикову и исходящимъ отъ него бумагамъ, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ прекращенію бунта.

Сверхъ того Державинъ долженъ былъ поощрять дворянство къ составленію воинскихъ ополченій, пожертвованію, которое оно приняло на себя въ его отсутствіи. Къ 1 января 1774 г. собралось въ Казани дворянство всего уѣзда. Созвавъ его, Бибиковъ произнесъ рѣчь, въ которой живо изобразилъ опасность, угрожавшую всему дворянскому сословію въ случаѣ низпроверженія законнаго порядка и вызывалъ Казанскихъ дворянъ на содѣйствіе правительству. Собраніе, принявъ это приглашеніе съ большимъ одушевленіемъ, въ тотъ же день приступило къ общему между собой совѣщанію и единодушно опредѣлило выставить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ, — по одному человѣку съ двухъ сотъ душъ. Императрица, узнавъ о томъ изъ донесенія Бибикова, и имѣя въ Казанской губерніи дворцовыя волости, пожелала принять участіе въ пожертвованіи тамошняго дворянства и потому отправила къ главнокомандующему слѣдующій рескриптъ: «Александръ Ильичь! Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла, яко *помѣщица* той губерніи, съ дворцовыхъ волостей съ каждыхъ двухъ сотъ душъ вамъ отдать по одному рекруту и обмундировать, и снабдя лошадью велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Января 20 числа 1774 г.» [9])

По полученіи этого рескрипта Бибиковъ 30 января созвалъ опять дворянство въ домѣ предводителя его (въ то время Макарова), обратился къ собранію съ новою рѣчью и прочелъ самое письмо Государыни, которое, какъ легко представить себѣ, произвело глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ Макаровъ, предъ портретомъ Екатерины, прочиталъ рѣчь, написанную отъ име-

---

9) Здѣсь этотъ рескриптъ печатается по списку, найденному въ бумагахъ Державина. Впрочемъ онъ былъ уже напечатанъ въ Заволжскомъ муравьѣ 1834 г. № 5.

ни всего дворянства Державинымъ. Бибиковъ представилъ ее при своемъ донесеніи Императрицѣ, которая, въ знакъ своего благоволенія, вслѣдъ за этимъ даровала Казанскому дворянству похвальную грамоту или манифестъ 22 февраля 1774 г. Эта рѣчь, которую Державинъ называетъ первымъ опытомъ малыхъ своихъ способностей, тогда же была напечатана въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ [10]), при чемъ авторъ былъ означенъ только какъ «Казанскій дворянинъ»; въ ней поэтъ цвѣтистымъ языкомъ и громкимм фразами, иногда же съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ, выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на его согражданъ словами и дѣйствіями Екатерины, между прочимъ и назначеніемъ Бибикова. «Величіе Монарха, говоритъ Державинъ, паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовременіи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проницаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыя Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе, изъ глубины сердецъ нашихъ, любомудрой душѣ твоей восписуемъ благодареніе».

Такое высокое мнѣніе о Бибиковѣ объясняется, кромѣ другихъ его заслугъ, особенно тѣмъ, что еще за 10 лѣтъ до этого онъ также присланъ былъ въ Казань для прекращенія неустройствъ на заводахъ окрестнаго края; и тогда онъ дѣйствовалъ съ такою твердостію, но вмѣстѣ и съ такимъ человѣколюбіемъ, что заслужилъ общее довѣріе, возстановивъ порядокъ безъ большой потери людей. Участіе Державина въ дѣйствіяхъ Казанскаго дворянства по составленію

---

10) Въ одномъ изъ Прибавленій къ № 16, 25 февраля 1774 года. Пушкинъ въ 5 примѣчаніи къ IV главѣ исторіи Пугачевскаго бунта называетъ эту рѣчь письмомъ и говоритъ, что рѣчи онъ не читалъ. Такое недоразумѣніе произошло отъ формы обращенія, которую Державинъ далъ своей рѣчи. Письмо же, но не къ Императрицѣ, а къ Бибикову было написано Макаровымъ и также напечатано въ слѣдъ за рѣчью въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ; но сочиненія этого письма нельзя приписать Державину, вопреки предположенію г. Анучина, напечатавшаго въ Русскомъ Инвалидѣ (1860, № 69) статью: «Рѣчь благодарственная, произнесенная въ Казани». Еслибъ это письмо было сочинено Державинымъ, то конечно попало бы вмѣстѣ съ рѣчью въ его рукописи, но мы его тамъ нигдѣ не находимъ. Рѣчь была напечатана также въ Заволжскомъ муравьѣ 1834, № 3, вслѣдъ за приведеннымъ выше рескриптомъ.

предположеннаго ополченія, видно изъ слѣдующаго письма предводителя Макарова отъ 12 марта:

Государь мой Гаврила Романовичь [1])

Казанское дворянство опредѣлило отослать къ вамъ всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества манифестъ, свидѣтельствующій особливое Ея Величества благоволеніе и милость, который вамъ, какъ имѣвшему участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ нашего общества, при семъ съ господиномъ подполковникомъ Григорьемъ Алексѣевичемъ Бутлеровымъ посылается, съ чѣмъ я васъ, государь мой, усерднѣйше поздравляю и пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ

государь мой
вашъ вѣрный слуга
Иванъ Макаровъ.

Изъ первыхъ сношеній между Бибиковымъ и Державинымъ мы уже видимъ, что они сошлись какъ нельзя лучше и что между ними утвердилось полное уваженіе другъ къ другу. Однакожъ вскорѣ пришлось имъ разстаться: обстоятельства побудили Бибикова расширить кругъ дѣйствія молодаго офицера и дать ему въ другомъ мѣстѣ болѣе самостоятельное положеніе.

Поводомъ къ тому было прибытіе къ Бибикову въ Казань экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова изъ приволжскаго дворцоваго села Малыковки. Такъ какъ это село будетъ съ этихъ поръ часто упоминаться въ нашемъ разсказѣ, то мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о немъ. Оно, или вѣрнѣе нынѣшній городъ Волгскъ (Саратовской губерніи), лежитъ на нагорномъ берегу Волги противъ устья рѣки Иргиза. При Петрѣ Великомъ село это было пожаловано князю Меншикову; когда же у него всѣ имѣнія были отобраны, то оно поступило въ дворцовое вѣдомство. Главными промыслами Малыковки были рыболовство и хлѣбная торговля. При открытіи Саратовскаго намѣстничества, въ 1780 г., она переименована городомъ

1) Тетрадь частной переписки, № 5. Упоминаемый въ этомъ письмѣ манифестъ, о которомъ мы уже выше говорили, находится также въ бумагахъ Державина.

Волгскомъ и вскорѣ это мѣсто обращено въ уѣздный городъ, гдѣ нынѣ по календарю до 21,500 жителей; во время Пугачевщины населеніе его состояло главнымъ образомъ изъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ; но сверхъ того тамъ жили Татары, колонисты и особенно раскольники. Отъ Саратова Малыковка лежитъ въ 138 верстахъ.

Обстоятельство, что это было одно изъ раскольническихъ жительствъ, объясняетъ, почему Пугачевъ, въ первую эпоху своего бродяжничества, бѣжавъ изъ Яицка и побывавъ на Иргизѣ [2]), посѣтилъ Малыковку. Здѣсь былъ онъ пойманъ и схваченъ передъ заключеніемъ въ Казани. Въ Малыковкѣ провѣдали о немъ тогда Серебряковъ и пріятель его, дворцовый крестьянинъ Трофимъ Герасимовъ. Но они сперва думали, что бродяга еще на Иргизѣ въ слободѣ Мечетной, гдѣ его видѣлъ землякъ ихъ, почему Герасимовъ и ѣздилъ туда для поимки Пугачева; услышавъ же въ Мечетной, что онъ поѣхалъ въ Малыковку на базаръ, Герасимовъ бросился назадъ въ свое село, открылъ мѣстопребываніе пришлеца и донесъ о немъ: Пугачевъ былъ допрошенъ и отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань [3]).

Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1767 г. Державинъ, живя у своего двоюроднаго брата Николая Яковлевича Блудова, имѣлъ случай узнать Серебрякова, который содержался тамъ въ

---

2) Когда Пугачевъ былъ уже въ рукахъ правительства, Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину говорила объ Иргизѣ: «Хотя и усматриваю, что по рѣкѣ Иргизу нынѣ малая часть поселенцевъ осталась, но не менѣе подлежитъ сіе мѣсто бдѣнію, ибо оно уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище, и для того почитаю за нужно въ тамошнемъ мѣстѣ завести, гдѣ удобно, подъ видомъ населенія, какого ни есть рода начальство, дабы сіе гнѣздо держать въ уздѣ». (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1858, кн. II, стр. 56).

3) Имя Трофима Герасимова было извѣстно и Пушкину: во 2-мъ прим. къ гл. II Ист. Пугачевскаго бунта онъ упоминаетъ о немъ въ числѣ трехъ лицъ, подавшихъ письменное объявленіе о показаніяхъ крестьянина Семена Филипова, бывшаго вмѣстѣ съ Пугачевымъ на Яикѣ. Пушкинъ называетъ Герасимова земскимъ Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ. При допросѣ въ отдѣльной Секретной Коммисіи Пугачевъ показалъ: «Какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ и потомъ распрашивалъ» и далѣе: «считая меня подозрительнымъ человѣкомъ, мучилъ подъ пристрастнымъ допросомъ». Чт. въ Общ. Ист. и Древ. 1858, кн. II, стр. 7; Ср. тамъ же ниже, во 2-мъ допросѣ, стр. 40.

сыскномъ приказѣ. Все, что Державинъ при этомъ случаѣ сообщаетъ о немъ и о причинѣ его заключенія, показываетъ намъ въ Серебряковѣ человѣка, прошедшаго чрезъ огнь и воду, готоваго на все для пріобрѣтенія выгоды. (Онъ подавалъ Петру III проектъ о дозволеніи выходящимъ изъ Польши раскольникамъ селиться по рѣкѣ Иргизу; когда же это было разрѣшено, то Серебряковъ, назначенный вмѣстѣ съ другими къ приведенію въ исполненіе этого проекта, сталъ, вмѣсто Польскихъ выходцевъ, допускать всякаго рода людей, въ томъ числѣ и господскихъ, на поселеніе по Иргизу; другая затѣя Серебрякова, во время его содержанія въ сыскномъ приказѣ, бросаетъ на него еще болѣе мрачную тѣнь)[4]). Въ Москвѣ, въ одномъ домѣ съ Державинымъ жилъ и другой родственникъ Блудова, Сергѣй Тимоѳеевичь Максимовъ, который, имѣя помѣстья около Малыковки, зналъ Серебрякова и принималъ его къ себѣ. Въ этомъ домѣ видѣлъ его и Державинъ. Серебряковъ былъ освобожденъ подъ поручительство Максимова. Видя энергическія мѣры, принимаемыя противъ Пугачева, и считая его гибель вѣрною, Серебряковъ вздумалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы загладить свои вины передъ правительствомъ. Онъ явился въ Казань къ Державину и просилъ употребить его вмѣстѣ съ Герасимовымъ къ поимкѣ Пугачева, такъ какъ они разъ уже доказали усердіе свое и ловкость въ этомъ дѣлѣ; Пугачевъ же, когда будетъ разбитъ собравшимися войсками, конечно опять придетъ укрываться у своихъ друзей, раскольниковъ, на Иргизъ или Узени[5]), обыкновенное убѣжище преступниковъ. Для исполненія этого плана Серебряковъ требовалъ, чтобъ ему даны были средства и между прочимъ, чтобы завѣдываніе всѣми распоряженіями ввѣрили подпоручику Максимову, какъ офицеру, знающему край и населеніе его.

Бибиковъ, принявъ Серебрякова ночью наединѣ въ своемъ кабинетѣ, сказалъ Державину: «Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ

---

4) См. Зап. Держ., стр. 41, 42, 75 и 76.

5) Большой и Малый Узень, двѣ степныя рѣки, которыя текутъ почти параллельно верстахъ въ 20 одна отъ другой по Самарской губерніи и Землѣ Уральскаго войска.

съ нимъ возиться, а Максимову его я не повѣрю». На другой день, 6 марта, Державинъ получилъ отъ главнокомандующаго «тайное наставленіе» (№ VII), котораго содержаніе передадимъ сокращенно, отчасти на нынѣшнемъ языкѣ:

Отправляйтесь въ Саратовъ, а оттуда въ Малыковку, объявляя, что вы посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія идущихъ сюда казаковъ и гусаръ и для закупки провіанта. Въ самомъ же дѣлѣ цѣль ваша должна состоять въ слѣдующемъ:

Стерегите Пугачева на Иргизѣ и Узеняхъ, гдѣ у него конечно есть друзья и гдѣ онъ въ случаѣ пораженія вѣроятно будетъ искать убѣжища: принимайте втайнѣ мѣры къ поимкѣ его, стараясь заранѣе узнать тѣхъ, къ кому онъ можетъ прибѣгнуть; обѣщая награды, пріискивая и подготовляя себѣ помощниковъ.

Между тѣмъ развѣдывайте о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Пугачева и его скопищъ, о ихъ состояніи и силахъ, о взаимной между ними связи, и собираемыя вами свѣдѣнія доставляйте какъ мнѣ, такъ и дѣйствующимъ по Самарской линіи генераламъ: князю Голицыну и Мансурову, употребляя при этой перепискѣ ключь, который и ввѣряю вамъ [6]).

Подсылайте въ толпы самозванца надежныхъ людей, чтобы знать обо всемъ, что у него дѣлается, и при этомъ не щадите ни трудовъ ни денегъ, для чего и отпускается съ вами 400 р. А чтобъ вы находили содѣйствіе со стороны мѣстныхъ властей, вотъ вамъ письма. «Для снисканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности, ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ».

Наблюдайте неусыпно расположеніе мѣстныхъ жителей, образъ мыслей и понятія ихъ о самозванцѣ и употребляйте всѣ способы къ вразумленію обманутыхъ и колеблющихся. «Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстанутъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщенія и обманы Пугачева и его сообщниковъ».

---

6) Ключь этотъ сохранился въ тетради ордеровъ, которые Державинъ получалъ во время Пугачевщины (№ IX).

«Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человѣкъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководителемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно, ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются».

«Впрочемъ я, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей».

Изъ этой инструкціи видно, что сущность порученія, даннаго Державину, состояла въ томъ, чтобы онъ, находясь въ Малыковкѣ, на Иргизѣ и Узеняхъ, «яко въ гнѣздѣ раскольничьей сволочи», старался съ помощью Серебрякова и Герасимова разставить сѣти Пугачеву; чтобы онъ дѣйствовалъ на расположеніе умовъ, сносился съ мѣстными властями, извѣщалъ обо всемъ военачальниковъ, вообще же поступалъ бы по своему собственному усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами. Послѣдняя часть инструкціи показываетъ, какъ много Бибиковъ полагался на способности, усердіе, ловкость и расторопность Державина; но слова, рекомендующія ему ласковое и скромное обхожденіе съ жителями, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ знать, что проницательный начальникъ успѣлъ уже замѣтить недостатки новаго своего подчиненнаго и нѣсколько опасался излишней его *рьяности* и *назойливости*.

На другой же день по полученіи этой бумаги Державинъ выѣхалъ изъ Казани вмѣстѣ съ Серебряковымъ, но въ Симбирскѣ онъ отправилъ его впередъ въ Малыковку, «дабы совокупнымъ съ нимъ пріѣздомъ не сдѣлать молвы въ народѣ» (№ 79).

10 марта Державинъ прибылъ въ главное мѣсто своего назначенія — Малыковку. Но прежде нежели опишемъ сдѣ-

ланныя имъ здѣсь распоряженія, посмотримъ въ какомъ положеніи находились тогда дѣла Пугачева.

Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ овладѣлъ 7-ю крѣпостями на Яикѣ, и въ началѣ октября двинулся на Оренбургъ. Изъ Петербурга велѣно было разнымъ отрядамъ слѣдовать въ Казань и начальство надъ ними сперва ввѣрено генералъ-маіору Кару, который и выступилъ къ Оренбургу, но послѣ первыхъ же неудачъ сталъ отступать и въ серединѣ ноября, услышавъ о гибели полковника Чернышева, шедшаго на подкрѣпленіе Оренбурга, самовольно отказался отъ команды подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ въ Москву, за что и исключенъ изъ службы. Еще до этого Бибиковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Между тѣмъ Пугачевъ дѣйствовалъ все около Оренбурга, комендантъ котораго Рейнсдорпъ, растерявшись, безпрестанно дѣлалъ ошибки. Въ городѣ начиналъ обнаруживаться голодъ. Яицкій городокъ, это первое гнѣздо бунта, по выраженію Пушкина, — гдѣ Пугачева приняли бы съ распростертыми объятіями, былъ еще въ большей опасности. 31 Декабря мятежники чуть было не взяли его; онъ былъ спасенъ только распорядительностію коменданта Симонова и офицера Крылова. По распоряженію Бибикова войска стали стягиваться къ Оренбургу. Сподвижникъ его еще въ Польшѣ, кн. Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя между Казанью и Оренбургомъ. Мансуровъ съ правымъ крыломъ имѣлъ порученіе прикрывать Самарскую линію и доставлять провіантъ Оренбургу и Яицку съ Волги.

Эти два города, не смотря на ихъ тяжкое положеніе, не сдавались. Но вблизи ихъ одна крѣпость падала за другою. Сообщникъ Пугачева, Хлопуша, овладѣлъ Илецкою защитой; самъ онъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую; потомъ засѣлъ въ Татищеву и сталъ тамъ укрѣпляться. Около этого времени Голицынъ соединился съ Мансуровымъ. Таковы были обстоятельства въ началѣ марта, когда мы оставили Державина въ Малыковкѣ. Но къ дополненію этого очерка надо прибавить, что весь нашъ юговостокъ былъ взволнованъ; Калмыки и и Башкиры бунтовали, мѣшая сообщеніямъ; Киргизы свободно врывались чрезъ открытую границу; мятежъ грозилъ разлиться

и далѣе на сѣверъ; въ Перми и Екатеринбургѣ начинались уже безпорядки. Зима стояла жестокая; отъ снѣговъ не было проѣзда въ степяхъ; выступая въ походъ, нужно было запасаться не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами. Бибиковъ, жалуясь въ каждомъ письмѣ на трудность своего положенія, которое не давало ему уснуть спокойно, сокрушался между прочимъ и о недостаткѣ войска, особливо конницы, и пламенно желалъ, чтобы война съ Турціей скорѣе прекратилась и миръ развязалъ бы Россіи руки. Но всего важнѣе былъ духъ буйства и своеволія въ народѣ, — [7]) «почти всеобщее волненіе черни», какъ говорилъ Бибиковъ. «Вѣдь не Пугачевъ важенъ, продолжалъ онъ: да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе козаки играютъ» [8]).

Теперь возвратимся къ Державину.

Малыковка съ этихъ поръ сдѣлалась на нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ мѣстопребываніемъ его. Нелишнимъ считаемъ дать здѣсь читателю нѣкоторое понятіе и о внѣшнемъ видѣ этого селенія. Прежняя Малыковка лежитъ живописно на нагорномъ берегу Волги, который въ томъ мѣстѣ напоминаетъ южный берегъ Крыма. Съ трехъ сторонъ огибаютъ ее горы дугою, сѣвернымъ концемъ своимъ упирающеюся въ Волгу. «Величественная зеркальная поверхность Волги, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окаймленная на противоположномъ берегу синезеленою лентою лѣсовъ, не прерываемая ни островами, ни откосами, горы съ бѣлизною мѣла, золотистостью извѣстняка и разнообразными отливами зелени садовъ и травы, сверканіе воды родниковъ, текущихъ въ изобиліи въ разныя стороны, словомъ, возвышенности, земля и вода, главныя условія красоты мѣстностей, сложены такъ удачно, что производятъ самое пріятное впечатлѣніе на нервы, способныя задрожать отъ красоты природы. Волгскъ и его окрестности чрезвычайно богаты родни-

---

7) «Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей». Письмо Бибикова къ гр. З. Г. Чернышеву; см Ист. Пуг. б. Приложенія.

8) Письмо Бибикова къ Д. И. Фон-Визину. Тамъ же.

ками, такъ что мѣстные жители справедливо выражаются, что ихъ городъ построенъ на водѣ» [9]).

Въ нынѣшнее время городъ Волгскъ поражаетъ еще обиліемъ своихъ садовъ и множествомъ каменныхъ, но опустѣвшихъ зданій, построенныхъ здѣшнимъ гражданиномъ Злобинымъ. Но при Державинѣ Малыковка конечно не имѣла еще ни того, ни другаго преимущества.

По пріѣздѣ въ Малыковку первой заботой его было пріискать надежныхъ лазутчиковъ. Серебряковъ и Герасимовъ привели къ нему дворцоваго Красноярскаго крестьянина Дюпина, который взялся съѣздить на Иргизъ за раскольничьимъ старцемъ Іовомъ. Этотъ, какъ удостовѣряли всѣ трое, былъ по усердію своему особенно годенъ для подсылки къ бунтовщикамъ, тѣмъ болѣе что зналъ Пугачева въ лицо: онъ познакомился съ бродягой, когда тотъ укрывался на Иргизѣ. Чрезъ два дня Дюпинъ воротился съ Іовомъ. Державинъ рѣшился употребить обоихъ, такъ какъ за нихъ ручались Серебряковъ и Герасимовъ, у Дюпина же была «на Иргизѣ семья и цѣлая изба дѣтей» [10]). Они взялись ѣхать на Яикъ съ тайными порученіями Державина; Іовъ долженъ былъ постоянно оставаться въ толпѣ Пугачева и по возможности присылать извѣстія обо всемъ, что тамъ будетъ происходить; Державинъ далъ имъ какъ на дорогу, такъ и на разныя другія издержки 100 р., обнадежилъ ихъ милостью правительства и обѣщалъ Дюпину освободить сына его отъ рекрутства, по которому тотъ стоялъ на очереди. Іовъ и Дюпинъ получили отъ Державина «наставленіе», котораго черновой подлинникъ сохранился въ его бумагахъ [1]). Въ этой инструкціи Іову поручалось сперва доставить Яицкому коменданту Симонову письмо [2]), въ которомъ Державинъ просилъ у него свѣдѣній и ободрялъ его; потомъ идти въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ и развѣдать тамъ подробно обо всѣхъ касающихся до него обстоятельствахъ. А чтобы прибытіе Іова

---

9) См. статью г. Костомарова: «Поѣздка въ г. Волгскъ» въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи на 1859 годъ.

10) Рапортъ Державина къ Бибикову отъ 13 марта № 1.

1) Тетрадь рапортовъ, № 2.

2) Тамъ же № 57.

*

къ мятежникамъ не показалось подозрительнымъ, Державинъ придумалъ-было для него тотъ предлогъ, что онъ присланъ Филаретомъ, извѣстнымъ игумномъ Мечетной слободы, который, по словамъ Державина, благословилъ Пугачева на его предпріятіе [3]). Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани и отвезенъ въ Казань. Іовъ долженъ былъ сказать, что видѣлся съ нимъ въ Казани и что слышалъ отъ него слѣдующее: Филаретъ склонилъ въ пользу Пугачева очень многихъ, но они требовали, для своей безопасности, чтобъ Филаретъ побывалъ у Императора и возвратился къ нимъ съ увѣреніемъ въ его милости, а такъ какъ это теперь за неволею Филарета невозможно, то вмѣсто его отправился Іовъ, съ тѣмъ, чтобы Пугачевъ выслалъ его къ нимъ съ ожидаемымъ удостовѣреніемъ; Филаретъ же, взятый въ секретную коммисію, готовъ скорѣе вытерпѣть всевозможныя истязанія и даже быть замученнымъ до смерти, нежели открыть что нибудь. Кажется однакожъ, что самъ Державинъ потомъ нашелъ эту сказку неудобною и замѣнилъ ее другою: по крайней мѣрѣ въ Запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что научилъ посланныхъ говорить Пугачеву, что они бѣжали къ нему съ Иргиза отъ страха скорой казни за то, что принимали его въ своихъ жилищахъ.

Предполагая, между тѣмъ, и возможность измѣны со стороны своихъ повѣренныхъ, Державинъ, согласно съ инструкціей Бибикова, старался увѣрить ихъ, что онъ пріѣхалъ въ Малыковку для встрѣчи гусарскихъ полковъ, идущихъ изъ Астрахани, и для закупки имъ провіанта. Разглашая это и вообще, Державинъ, какъ самъ онъ сознается, имѣлъ тайную цѣль: въ случаѣ, если скопища Пугачева устранятся по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было — «нѣсколько ихъ отъ того удержать, что, какъ ниже будетъ видно, и имѣло свой успѣхъ». Такъ выражается Державинъ въ подлинномъ журналѣ, веденномъ имъ во время Пугачевщины; къ сожалѣнію онъ въ старости, когда писалъ свои Записки, слишкомъ усилилъ эти довольно умѣренныя выраженія, сказавъ, что намѣревался удержать впаденіе мятежниковъ во внутренность имперіи или пріо-

3) Записки, стр. 103.

становить ихъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и что «это была истинная его цѣль, которая ему и удалась». Такой планъ показывалъ бы слишкомъ неумѣренное честолюбіе въ подпоручикѣ, при которомъ не было никакого войска, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе далеко выходило изъ границъ даннаго ему порученія. Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ слова его въ послѣдствіи оправдались.

Въ то же время онъ приказалъ Серебрякову и Герасимову находиться на Иргизѣ и Узеняхъ, чтобы наблюдать за образомъ мыслей населенія, предупреждать сообщеніе съ Пугачевымъ, ловить подсылаемыхъ имъ лазутчиковъ, выставивъ для этого особыхъ надсмотрщиковъ на дорогахъ и перевозахъ; въ случаѣ же ожидаемаго вскорѣ пораженія Пугачева примѣчать, не появится ли онъ между жителями, и если онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ укрываться у нихъ, то немедленно увѣдомить о томъ Державина, который, какъ видно, въ началѣ всего болѣе занятъ былъ заботой и надеждой поймать самозванца, что и было согласно съ инструкціей Бибикова. Капитанъ Вильгельмъ, одинъ изъ крейсъ-коммисаровъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, съ которымъ Державинъ переписывался изъ Малыковки, — писалъ ему на Святой недѣлѣ (23 апрѣля): «Дай вамъ Богъ счастіе положить къ ногамъ великой нашей Монархини Пугачева вмѣсто краснаго яичка» [4]).

Въ отвѣтъ на рапортъ Серебрякова и Герасимова, присланный уже съ Иргиза, Державинъ отправилъ имъ 22 марта приказъ, въ которомъ между прочимъ писалъ (№ 26): «словомъ сказать, чтобъ уши наши и глаза были вездѣ, дабы чрезъ нерадѣніе не упустить того, чего смотрѣть должно. Исполняя же сіе, какъ можно хранить вамъ себя отъ того, чтобъ никакихъ на васъ жалобъ не было, нигдѣ ничего силою не брать, ибо должность ваша оказать свое усердіе состоитъ токмо въ пронырливыхъ съ ласкою поступкахъ, и то весьма скрытнымъ, а не явнымъ образомъ. Нигдѣ жителей никакъ не стращать, но еще послаблять имъ ихъ языкъ, дабы извѣдать ихъ сокровен-

---

4) Ihnen aber sey das Glück bestimmt, den Pugatscheff unserer grossen Monarchin zum Osterey zu Füssen zu legen». Тетр. частныхъ писемъ, № 114.

ныя мысли, уговаривать, чтобъ они ничего не боялись и оставались бы въ своихъ мѣстахъ, а ежели можно, то подавать еще искуснымъ образомъ и поводъ, чтобъ они привлекли къ себѣ желанное нами. Поступайте такъ, чтобъ вамъ кажется ни дочего дѣла не было, въ противномъ же случаѣ вы принудите о себѣ мыслить и догадываться, что вы не просто разъѣзжаете».

О первыхъ своихъ распоряженіяхъ въ Малыковкѣ Державинъ на другой же день, 13 марта, донесъ Бибикову, и въ концѣ своего рапорта (№ 1) помѣстилъ еще слѣдующее. «Г. Лодыгинъ, сказываютъ, жителей устрашаетъ казнями и висѣлицами, что мнѣ кажется неполезно, дабы народъ, а особливо сволочь на Иргизъ не разбѣжалась, и тѣмъ бы мы не лишилися надежды, что у друзей своихъ раскольниковъ будетъ имѣть прибѣжище Пугачевъ; не прикажете ли ему остаться въ своемъ домѣ и помолчать; а если онъ здѣсь надобенъ, то, по крайней мѣрѣ, сообщалъ бы мнѣ, что онъ намѣренъ дѣлать. Къ господину маіору Елагину, находящемуся въ Казани для набору улановъ, писалъ я, чтобъ онъ прислалъ поскорѣе сюда дворцоваго управителя [5]), котораго я здѣсь не нашелъ, дабы онъ исполнялъ мои требованія, а ежели прислать его не можетъ, то чтобъ онъ поручилъ должность свою до прибытія его хотя экономическому казначею [6]), здѣсь находящемуся, а не мужику, который раскольникъ и на котораго мнѣ положиться сумнительно».

Бибиковъ отвѣчалъ 26 марта (№ XXVII): «Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженія производятъ во мнѣ особливое удовольствіе. Я на благоразуміе ваше полагаюсь», прибавляетъ онъ, употребляя отчасти условленный ключь, «что не упустите вы неусыпно стараться развѣдать, не уйдетъ ли злодѣй, по разореніи его гнѣзда, въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Если же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. — Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ».

---

5) Ѳедора Кузьмича Шишковскаго. 6) Тишину.

Это начало переписки Бибикова съ Державинымъ еще яснѣе показываетъ намъ утвердившееся между ними взаимное довѣріе; оно продолжалось до самой кончины Бибикова.

Сдѣлавъ все нужное въ Малыковкѣ, Державинъ поспѣшилъ въ Саратовъ, чтобы вручить письмо Бибикова Астраханскому губернатору, Кречетникову, который въ то время жилъ въ этомъ городѣ [7]); главнокомандующій просилъ его оказывать подателю содѣйствіе. Предъ отъѣздомъ Державинъ получилъ отъ Серебрякова, съ Иргиза, увѣдомленіе, что тамъ носится слухъ, будто Пугачевъ съ Яика написалъ воззваніе къ Киргизамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему и обѣщая за то всю степь отъ Яика до Волги; почему Киргизы уже и расположились около Узеней. Отдавая Кречетникову письмо своего начальника, Державинъ упомянулъ объ этомъ извѣстіи и старался вывѣдать, какъ смотритъ Астраханскій губернаторъ на возможную со стороны Киргизовъ опасность и не считаетъ ли нужнымъ принять какія нибудь предосторожности. Такъ разсказываетъ самъ Державинъ въ первой, измѣненной имъ впослѣдствіи редакціи своего журнала. Но Кречетниковъ обратилъ мало вниманія на опасенія молодаго человѣка, на котораго смотрѣлъ презрительно. Кажется, уже съ перваго свиданія его съ Кречетниковымъ произошло между ними столкновеніе, которымъ начинается цѣлый рядъ непріязненныхъ сношеній пріѣзжаго офицера не только съ этимъ лицомъ, но и съ разными другими мѣстными властями: обстоятельство обыкновенное, но которому въ этомъ случаѣ конечно много способствовалъ заносчивый и неуступчивый характеръ Державина. Нашедши въ Саратовѣ порядочное войско, онъ по видимому надѣялся, что губернаторъ отдастъ часть своихъ людей въ его распоряженіе; ошибшись въ разсчетѣ, онъ теперь жаловался Бибикову, что губернаторъ, имѣя самъ войско, требуетъ себѣ помощи отъ главнокомандующаго [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ, не добившись войска отъ Кречетникова, просилъ у Бибикова позволенія, въ случаѣ надобности, брать изъ Саратова

---

7) Саратовъ принадлежалъ тогда къ Астраханской губерніи. «Именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи» писалъ Лодыжинскій Державину. (Част. письма, № 102).

8) Рапортъ Бибикову, № 73.

роты, находившіяся при конторѣ управленія колонистами и которыя, какъ и самая контора, не были въ вѣдѣніи губернатора [9]).

Отправивъ съ нарочными какъ это письмо къ Бибикову, такъ и рапорты къ князю Голицыну и къ Мансурову, Державинъ воротился въ Малыковку и здѣсь получилъ съ Иргиза извѣстіе, что за крайними селеніями по этой рѣкѣ явилось на хуторахъ нѣсколько человѣкъ изъ шайки Пугачева. Державинъ тотчасъ сталъ хлопотать о средствахъ для поимки этихъ людей. Но пусть онъ самъ разскажетъ намъ, какъ о принятыхъ имъ по этому случаю мѣрахъ, такъ и о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ.

Для этого мы воспользуемся рапортомъ его къ Бибикову (отъ 27 марта, № 52), набросаннымъ начерно, какъ очевидно въ сильномъ волненіи. Поблагодаривъ Бибикова за одобрительное его письмо (см. выше стр. 22) и увѣривъ его въ своей готовности дѣйствовать еще съ бо̀льшимъ усердіемъ, онъ продолжаетъ: «Но при всемъ томъ, возложенное на меня дѣло при самомъ его началѣ начинаетъ останавливаться. Ни повелѣнія вашего высокопревосходительства, сами по себѣ важныя и сильныя, ни упоминаніе въ нихъ Высочайшаго именнаго указа, съ трепетомъ исполняться долженствуемаго, здѣсь ничто не важно. Ваше высокопревосходительство прочетши сіе изволите удивиться и съ ужасомъ сказать, что я измѣняю. Однако нѣтъ!».

За этимъ слѣдуетъ приведенное извѣстіе. По полученіи его «велѣлъ я», продолжаетъ Державинъ, «Серебрякову и Герасимову, тотчасъ взять по выбору ихъ людей надежныхъ 20 человѣкъ, ѣхать туда и если можно переловить ихъ. Я сдѣлалъ было приказы какъ къ экономическимъ, такъ и къ дворцовымъ дѣламъ [10]), предписавъ имъ, чтобы каждыя отъ себя отпустили по 10-ти человѣкъ. Дворцовый управитель по приказанію сдѣлалъ, а экономическій

---

9) Въ 1763 году отведены были земли между Саратовомъ и Астраханью, по луговой сторонѣ Волги, для поселенія иностранныхъ хлѣбопашцевъ. Для ближайшаго же управленія надъ колонистами, въ 1766 г. учреждена въ Саратовѣ особая контора, которая имѣла права, равныя съ другими коллегіальными мѣстами. Памятная книжка Саратовской губерніи за 1858 годъ. Очеркъ исторіи Саратовскаго края, Н. И. Костомарова.

10) Экономическими и дворцовыми дѣлами назывались тогда самыя управленія, завѣдывавшія этими дѣлами.

нѣтъ, не только людей не далъ, но ниже велитъ лошадей давать къ посылкѣ по дѣлу сему надобныхъ. Этого мало, что не уважаетъ онъ самъ ввѣренную мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ коммисію, но влагаетъ въ подчиненныхъ и въ дворцовыхъ крестьянъ самую худую мнѣ надежду отъ нихъ имѣть при случаѣ помощь. Съ огорченіемъ моимъ долженъ я о томъ извѣстить ваше высокопревосходительство».

Прилагая отвѣтъ казначея въ подлинникѣ, Державинъ прибавляетъ: «Г. казначей предписываетъ мнѣ, чтобъ я о томъ давалъ ему знать, чего ему знать не должно». За этимъ слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ, въ которыхъ можно только разобрать, что Тишинъ требовалъ у Державина отчета въ его дѣйствіяхъ и что послѣдній жалуется на непріятности, дѣлаемыя ему первымъ. «Я приказывалъ ему для всякаго случая, еслибъ толпа злодѣевъ прорвалась, приготовить нѣсколько людей, что бъ онъ сдѣлать долженъ былъ самъ, но онъ не движетъ никуда».

Казначей, на котораго Державинъ здѣсь жалуется, былъ Василій Ермолаевичъ Тишинъ, который въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, погибъ отъ Пугачева ужасною смертью со всѣмъ своимъ семействомъ.

Въ то же время Державинъ отправилъ уже извѣстную намъ инструкцію Серебрякову и Герасимову (стр. 21), одобряя ихъ дѣйствія на Иргизѣ и поручая дѣйствовать такимъ же образомъ на Узеняхъ.

Тогда же (31 марта) Державинъ учтивымъ письмомъ просилъ Кречетникова дать ему человѣкъ 20 или 30 казаковъ. «Если же вашему пре-ву пожаловать оныхъ отъ себя некого, то покорнѣйше прошу приказать стоящимъ на форпостахъ около Шафгаузена (крайней колоніи) толикому числу быть въ полномъ моемъ вѣдѣніи» (№ 37).

Между тѣмъ Державинъ получилъ 6 апрѣля письмо отъ Бибикова, который опять изъявляетъ ему «признаніе и удовольствіе за усердное стараніе о исполненіи возложеннаго на него дѣла» (№ XI), и соглашаясь на просьбу Державина о разрѣшеніи ему брать вооруженныхъ людей изъ Саратова, прилагаетъ ордеръ о томъ въ *контору опекунства иностранныхъ*, съ предпи-

саніемъ, чтобы начальникъ команды, которая будетъ отпущена, «непремѣнно и дѣйствительно исполнялъ» указанія Державина. Тутъ же Бибиковъ сообщалъ радостную вѣсть, что Пугачевъ былъ совершенно разбитъ княземъ Голицынымъ подъ крѣпостью Татищевою.

Кречетниковъ еще днемъ ранѣе получилъ отъ главнокомандующаго то же извѣстіе и въ слѣдствіе этого отправилъ всѣхъ казаковъ, какіе у него оставались, въ степь къ городу Яицку, на Узени, для поимки разбѣжавшихся мятежниковъ. Отвѣчая Державину , онъ опирается на это обстоятельство, какъ на причину, почему не можетъ исполнить его просьбы, и совѣтуетъ ему присоединиться къ премьеръ-маіору Шевичу, который командовалъ Сербскими гусарами и которому теперь велѣно было также сдѣлать разъѣздъ къ Яику, «а притомъ», заключаетъ губернаторъ, «съѣхавшись съ вами поступить и по вашимъ наставленіямъ, и потому можете въ нужномъ употребленіи пользоваться уже не малѣйшимъ числомъ казаковъ, а цѣлыми эскадронами» (№ XII).

Позволеніемъ Бибикова требовать помощи отъ опекунской конторы Державинъ воспользовался на другой же день, и написалъ ей, чтобъ она велѣла своимъ фузелернымъ ротамъ выступить, взявъ провіанта на полмѣсяца, и расположиться въ верхней колоніи Шафгаузенъ, гдѣ и крейсъ-коммисары будутъ оказывать этому отряду содѣйствіе.

Тогда же Державинъ снова писалъ Кречетникову. Не упоминая вовсе о полученномъ отъ него отказѣ, онъ ссылается на прибывшее отъ Бибикова извѣстіе о пораженіи Пугачева подъ Татищевой и увѣдомляетъ, что «просилъ опекунскую контору приказать своимъ ротамъ выступить и расположиться ближе къ Иргизу, гдѣ были ваши форпосты въ колоніи Шафгаузенъ. Ваше превосходительство еще прежде сего проникли и надобность сію предусмотря изволили послать туда казаковъ, но какъ ихъ противъ тысячи человѣкъ злодѣевъ мало, то опекунскія роты и могутъ подкрѣплять ихъ. Я имѣю тамъ лазутчиковъ, которые, тайно провѣдывая, могутъ давать знать, гдѣ потребны силы. Въ таковомъ случаѣ всенижайше прошу ваше пре-во приказать посланнымъ вашимъ казакамъ содѣйствовать имъ какъ по пред-

ложеніямъ моимъ, такъ по извѣстіямъ находящихся тамо моихъ лазутчиковъ» (№ 13).

Контора уже черезъ три дня отвѣчала, что она отправила въ назначенное мѣсто 60 фузелеровъ съ офицерами и двумя пушками и въ то же время приказала состоящимъ по луговой сторонѣ коммисарамъ, капитанамъ Пилю и Вильгельму и поручику Иванову, также польскому подполковнику Гогелю отослать имѣющихся при нихъ фузелеровъ [1]) и казаковъ къ Державину, съ тѣмъ чтобы они присоединились къ Саратовской командѣ. Контора прибавила, что она изъ Саратова не можетъ дать казаковъ, потому что ихъ 56 человѣкъ взято уже Астраханскимъ губернаторомъ и отправлено въ колонію Шафгаузенъ.

Такимъ образомъ Державинъ, при самомъ приступѣ къ выполненію своего плана принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, встрѣтилъ препятствіе съ двухъ сторонъ: отъ казначея Тишина и отъ Астраханскаго губернатора. Съ первымъ ему легко было сладить. На жалобу свою онъ получилъ 15 апрѣля изъ Казани очень удовлетворительный отвѣтъ. Бибиковъ былъ уже безнадежно боленъ. По порученію его, 9 апрѣля, слѣдовательно въ самый день кончины военачальника, писалъ его родственникъ, избранный командиромъ Казанскаго ополченія, генерал-маіоръ Ларіоновъ, вскорѣ убѣдившій всѣхъ, что онъ недостоинъ былъ этого выбора. На это-то мѣсто поступилъ въ послѣдствіи славный Михельсонъ. «Его высокопревосходительство», такъ начиналось письмо Ларіонова, «съ крайнимъ огорченіемъ внималъ поступокъ экономическаго казначея поручика Тишина. По крайней слабости, приключившейся ему отъ болѣзни, не можетъ онъ самъ ничего подписывать, а приказалъ мнѣ отъ себя сему казначею послать ордеръ, чтобъ онъ немедленно приказаніе ваше исполнилъ и никогда не смѣлъ отговариваться. Сіе снисхожденіе показывается ему для того, чтобъ онъ особливымъ радѣніемъ и стараніемъ о исполненіи вами ему предписываемаго вину свою загладилъ. И чтобъ никакой надежды на экономическое правленіе не полагалъ и волѣ вашей пови-

---

1) Всего Державинъ получилъ 120 фузелеровъ. № 28.

новался, о томъ и въ оное правленіе предложеніе послано» (№ XVIII).

Тишинъ, то дерзкій, то подобострастный, смотря по обстоятельствамъ, долженъ былъ смириться и дать Державину людей, но тотъ все еще не былъ доволенъ, и вскорѣ писалъ Тишину: «Рапортъ вашъ получилъ и о назначенныхъ вами сотникѣ и десятскихъ теперь свѣдѣніе имѣю; но только нельзя статься тому, чтобъ толь малое число у васъ людей было; изъ вашего рапорта я только вижу готовыхъ 180 человѣкъ. Волость ваша съ уѣздными деревнями велика. Постарайтесь, чтобъ количество людей было больше. Пушки, ежели таковы, какъ у дворцоваго вѣдомства я видѣлъ, то не годятся и сіе отставить» (№ 38).

Труднѣе было Державину бороться съ упрямымъ Кречетниковымъ. Получивъ въ томъ же письмѣ Ларіонова извѣстіе, что Пугачевъ, вторично разбитый княземъ Голицынымъ, пробрался въ Башкирію и намѣренъ оттуда непремѣнно проникнуть на Яикъ, Державинъ рѣшился во что бы ни стало итти на спасеніе Яицкаго городка, о чемъ и писалъ князю Голицыну: «Отъ 12 числа сего мѣсяца получилъ я отъ посланнаго нарочно на Яицкіе злодѣйскіе хутора, также и бѣжавшихъ оттуда крестьянъ, извѣстіе, что Яицкій г. комендантъ уже въ крайнемъ изнеможеніи; а его превосходительство П. Д. Мансуровъ хотя идетъ освободить его, однакожъ онъ за разлитіемъ водъ достигнуть онаго не можетъ, то чтобъ не упустить время и подать крайне утѣсненному гарнизону помощь, я по предложенію его высокопревосходительства изъ Малыковскихъ крестьянъ съ 800 человѣкъ и съ нужною присланною артиллеріею на освобожденіе города команду сію спѣшу (?) повесть (?)» (№ 34). Но для этого Державину необходимо было напередъ преклонить Кречетникова къ содѣйствію себѣ. Вотъ почему онъ и писалъ губернатору: «Высокородный и превосходительный г. генералъ-маіоръ, кавалеръ и Астраханской губерніи губернаторъ, милостивый государь! Сейчасъ получилъ я отъ развѣдывальщиковъ моихъ достовѣрное извѣстіе, что осажденный городъ Яикъ въ крайнемъ утѣсненіи и комендантъ за усилившимся голодомъ намѣренъ уже сдаться; и такъ я разсудилъ съ прибывшею изъ Са-

ратова командою его сикурсовать и изъ Малыковки доставить ему провіанту; того ради ваше превосходительство еще симъ всенижайше прошу о посланіи вашего приказа казакамъ посланнымъ на Иргизъ, чтобъ были у меня въ повелѣніи, и также съ посланными отъ васъ нарочно благоволите откуда надлежитъ истребовать и прислать пороху и прочихъ артиллерійскихъ снарядовъ для коменданта Яицкаго, ежели онъ освободится. Теперь же тѣмъ паче надлежитъ ускорить сею экспедиціею, что злодѣй по недавно полученному мною ордеру отъ его высокопревосходительства еще разбитъ, — осаждающихъ силы слабы и за разлитіемъ водъ подкрѣпиться имъ не откуда. Время очень дорого и я ничуть не мѣшкавъ съ Божіею помощію предпріятіе свое въ дѣйство производить буду; благоволите ваше превосходительство наискорѣе пожаловать мнѣ желанную отъ васъ помощь, безъ которой ничего начать нельзя» (№ 8).

Въ то же время Державинъ (№ 28, 18 апр.) требовалъ еще людей отъ опекунской конторы, увѣдомляя и ее о своемъ намѣреніи и прося «собрать еще сколько можно, какъ фузелеръ, такъ и казаковъ, и ничуть не мѣшкавъ приказать выступить въ полный маршъ въ команду г. Елчина», капитана артиллеріи, подъ начальствомъ котораго находились прежде высланные люди; «а онъ, прибавлялъ Державинъ, уже въ путь свой маршируетъ и будетъ дожидаться оной команды 22 числа сего мѣсяца на р. Иргизѣ въ селѣ Красномъ Ярѣ» [2]). Бригадиръ Лодыжинскій, начальникъ опекунской конторы, который отъ имени ея переписывался съ Державинымъ, испугался замысловъ его для своей команды, и отвѣчая ему, что болѣе людей нѣтъ, писалъ въ то же время: «Контора за нужное находитъ вамъ напомянуть, что она при случаѣ перваго требованія вашего не уповала, что отправленная предъ симъ команда на Яикъ отдалена будетъ, а чаяла, что она останется въ колоніяхъ, или по близости оныхъ, откуда можно бъ было въ случаѣ нужды и сюда ихъ возвратить. *Почему и требуетъ нынѣ скорѣйшаго всѣхъ сихъ людей возвращенія въ Саратовъ,* дая вамъ знать, что отпущенное къ вамъ малое

2) Этого Краснаго Яра не должно смѣшивать съ тѣмъ, о которомъ выше говорили и который на р. Соку. Есть еще третій Красный Яръ — одна изъ Саратовскихъ колоній.

число военныхъ людей дано единственно въ салвогвардію поселившимся кругъ Саратова колонистамъ и для содержанія ихъ въ послушаніи, почему и во все бъ нынѣшнее военное время никуда отлучаемы онѣ не бывали» (№ XXII).

На это Державинъ отозвался конторѣ уклончиво, что ея люди «конечно задержаны болѣе мѣсяца не будутъ и опять къ конторѣ опекунства иностранныхъ возвратиться имѣютъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно успокоить контору, онъ обѣщалъ ей донести Бибикову о усердіи, съ какимъ она оказывала ему помощь (87). Онъ еще не зналъ, что Бибиковъ скончался болѣе недѣли предъ тѣмъ, въ тотъ самый день, 9 апрѣля, когда Ларіоновъ писалъ къ нему по порученію умиравшаго уже главнокомандующаго.

Между тѣмъ Кречетниковъ на первую просьбу Державина о подкрѣпленіи казаками его команды, посланной на Иргизъ, прислалъ рѣшительный отказъ (XX), доказывая, что это не только не удобно, но и не возможно, такъ какъ взятые губернаторомъ казаки посланы имъ, для наблюденія надъ мятежниками, на Узени и далѣе къ Яицкому городку, слѣдовательно могутъ быть въ верстахъ въ 300 отъ Иргиза. Вмѣсто того Кречетниковъ опять совѣтовалъ ему обратиться къ маіору Шевичу, который имѣлъ порученіе дѣйствовать партіями своихъ гусаръ изъ Самары, «откуда, писалъ Кречетниковъ, рѣка Иргизъ разстояніе имѣетъ верстъ на 60, о чемъ отъ меня вамъ персонально и сказано». Но соединиться съ Шевичемъ Державинъ не имѣлъ никакой охоты, потому вѣроятно, что будучи моложе чиномъ, не хотѣлъ подвергаться зависимости или неизбѣжнымъ столкновеніямъ, хотя Кречетниковъ и прибавлялъ, что Шевичу велѣно, «если гдѣ съѣдется съ вами, то поступать по вашимъ наставленіямъ».

Оскорбленный Державинъ, все еще не подозрѣвая, что Бибикова нѣтъ уже на свѣтѣ и совсѣмъ собравшись въ походъ, написалъ 21 апрѣля длинный рапортъ къ своему начальнику съ похвалами опекунской конторѣ и съ жалобами на Кречетникова. Письма послѣдняго онъ даже приложилъ къ этому рапорту. Будучи обязанъ стеречь Пугачева на опредѣленныхъ мѣстахъ, Державинъ по настоящему не имѣлъ права предпри-

нимать похода въ другую сторону. Онъ самъ это чувствовалъ, и потому, увѣдомляя начальника о своемъ предпріятіи, счелъ нужнымъ въ оправданіе свое упомянуть, что до времени нельзя ожидать прибытія Пугачева на Волгу для укрывательства. Объяснивъ въ началѣ рапорта положеніе дѣлъ, онъ потомъ продолжаетъ: «Предложеніемъ въ опекунскую контору имѣя способы, имѣя время доколь злодѣй не покусится укрываться сюда, предпріялъ я городъ Яикъ отъ осады освободить, доставить ему на первый случай какъ провіанту, такъ и снарядовъ. Не можно вашему высокопревосходительству довольно изобразить, сколько показала опекунская контора раченія исполнить предложеніе ваше. Сколь скоро сначала я потребовалъ нѣкоторой команды, чтобъ на крайнихъ вѣдомства ея колоніяхъ, лежащихъ къ Иргизу и къ Узенямъ, ей расположась быть готовою стражею, какъ на отрѣзаніе злодѣя отъ степей Киргизъ-Кайсацкихъ, такъ и на воспященіе, ежели бъ онъ еще возникъ, еще былъ силенъ и хотѣлъ вмѣсто Башкиріи чрезъ селенія Иргиза съ толпою пролиться въ здѣшнюю сторону, тотчасъ она сіе и исполнила. Потомъ, по предпріятіи теперь идти на Яикъ, просилъ я отъ нея пороху и снарядовъ, чтобъ снабдить тѣмъ Яицкаго коменданта, которое все чрезъ 24 часа и получилъ. Команды теперь ея у меня, идущей уже въ Яикъ, фузелеровъ съ тремя пушками подъ предводительствомъ отъ артиллеріи г. капитана Елчина, 200 человѣкъ. Напротивъ того, отъ его превосходительства г. Астраханскаго губернатора я никакой себѣ помощи не имѣю, и ежели бъ ваше высокопревосходительство о томъ не изволили къ нему писать, то бъ это было все равно. Опекунская контора о требованныхъ мною казакахъ отозвалась, что она ихъ всѣхъ до предложенія еще вашего высокопревосходительства отдала г. губернатору. По тремъ моимъ всенижайшимъ его превосходительства (sic) просьбамъ и по четвертой, что я хочу освобождать Яикъ, я ни одного человѣка казаковъ имѣть не могъ. Его превосходительство, не имѣя никакого о свободѣ Яика извѣстія, послалъ туда для разъѣзду тѣхъ казаковъ, которые однако ничего не дѣлаютъ, и въ степь безъ провіанту и фуражу ѣхать не могутъ, а стоятъ на Иргизѣ въ селѣ Мечетномъ и озорничаютъ по жителямъ. Все сіе съ

наставленіемъ, даннымъ мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, чтобъ на Иргизѣ и въ Узеняхъ никакъ людей не устращивать, уже не сходно. Потребно вашего высокопревосходительства въ семъ случаѣ разсмотрѣніе и воля. Но чтобъ возвратиться къ моему предпріятію, корпусъ нашъ, движимый подъ Яикъ, состоять будетъ, какъ выше я вашему высокопревосходительству доносилъ, изъ двухъ сотъ человѣкъ пѣхоты, да конницы Малыковскихъ обывателей, людей проворныхъ, сто пятьдесятъ, да Донскихъ казаковъ, находящихся на Иргизѣ по повелѣнію его превосходительства г. губернатора, которые яко опекунскіе, то я, по предложенію вашего высокопревосходительства, доѣхавъ туда ихъ и возьму и препоручу въ команду господину капитану Елчину, яко офицеру достойному [3]) и старшему и всѣмъ корпусомъ командовать имѣющему. Но чтобъ усердію въ службѣ нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ ни что иное, кромѣ самой моей жизни, въ предѣлъ не полагать, то я при сей экспедиціи буду и самъ. Я кажется буду имѣть время выиграть и сіе предпріятіе и паки возвратясь успѣть стеречь тайно въ сѣти мятежника. Лазутчики мои оставлены и на прежнемъ есть основаніи. По удаленіи злодѣя въ Башкирію, если ему быть сюда, то уже будетъ не скоро. Ежели предваритъ меня въ свободѣ Яика его превосходительство Павелъ Дмитріевичъ [4]), то я, кажется, ваше высокопревосходительство, никакой иной проступки не сдѣлаю, кромѣ, что дамъ людямъ напрасный маршъ. Хотя я еще имѣю пожалованной вашимъ высокопревосходительствомъ экстраординарной суммы; но какъ оная не на то, въ требованіи также, чтобъ не пропустить время, то и взялъ я провіантъ для отвоза въ Яикъ сто четвертей отъ извѣстнаго уже вашему высокопревосходительству г. подпоручика Максимова изъ его деревни, которымъ провіантомъ онъ меня, желая чрезъ сіе своей Самодержицѣ показать услугу, съ радостію и снабдилъ. Сего 21 числа провіантъ и съ людьми изъ Малыковки чрезъ Волгу отправляю и велю, догнавъ маршируюшую команду, съ ней соединиться. Г. казначею, въ заслугу преступленія его, въ сходствіе вашего высокопревосходи-

3) Елчинъ впослѣдствіи не оправдалъ этого отзыва и былъ смѣненъ.
4) Мансуровъ.

тельства мнѣ ордера, доставилъ я случай показать его усердіе препровожденіемъ провіанта чрезъ сорокъ верстъ до маршируюшей команды. Посланнаго нарочно на Яикъ сказку, а бѣжавшихъ оттуда допросъ вашему высокопревосходительству при семъ прилагаю» (№ 54).

И такъ 21 апрѣля Державинъ выступилъ въ походъ [5]). Но уже на другой день онъ на пути встрѣтилъ посланнаго имъ въ Яицкъ старца Іова съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ генерала Мансурова: «Государь мой Гаврило Романовичь! Извѣстный мнѣ Малыковскій старецъ Іовъ, претерпя здѣсь важныя истязанія, вырванъ, прибытіемъ моимъ на сикурсъ бѣднаго здѣшняго гарнизона, изъ челюстей смерти. Онъ подлинно, какъ вамъ доносить будетъ, откупалъ время жизни своей деньгами, занимая здѣсь. Я завладѣлъ Яикомъ, побивъ два раза сихъ изверговъ, и вступилъ въ него вчера. Впрочемъ съ моимъ прямымъ почтеніемъ государя моего покорный и вѣрный слуга П. Мансуровъ» (№ XXI, 17 апр.).

Такимъ образомъ походъ Державина былъ остановленъ въ самомъ началѣ. Однакожъ, поздравляя Мансурова съ занятіемъ Яицка и сообщая ему о своемъ прерванномъ предпріятіи, Державинъ спрашивалъ: «Не остаться ли командѣ въ маршѣ, чтобъ сюда бѣгущихъ злодѣевъ перехватывать, или они уже по разбитіи вашимъ превосходительствомъ всѣ истреблены или въ плѣнъ захвачены? а команду я взялъ изъ Саратова на время. Также не надобенъ ли для г. коменданта приготовленный мною для него провіантъ, сто четвертей оржаной муки, и снаряды, которые я было для него взялъ»? Обстоятельство, что Іовъ попался въ руки Пугачева, тогда какъ онъ долженъ былъ играть роль его приверженца, возбудило въ Державинѣ подозрѣніе на счетъ этого человѣка, и потому въ письмѣ своемъ къ Мансурову онъ еще спрашивалъ: «Захваченные вашимъ превосходительствомъ въ Яицкѣ злодѣи по строгомъ ихъ разспросѣ не докажутъ ли, что они имѣли съ здѣшними раскольниками, а особливо въ бытность мою здѣсь, переписку, ибо мнѣ чудно, что ни одинъ шпіонъ, посланный мною на Яикъ, ко мнѣ не

5) Въ первой редакціи рапорта Бибикову положительно сказано: «Сего же 21 числа въ путь выступаю» (№ 72).

возвращался, даже и сей самый Іовъ, имѣя важныя наставленія въ разсужденіи Пугачева, попался къ нимъ въ руки. Неужто былъ онъ столь не расторопенъ, что самъ себя открыть могъ?» (№ 24).

Сомнѣнія Державина относительно Іова выражены имъ еще полнѣе и положительнѣе въ позднѣйшемъ письмѣ къ Мансурову же, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: «По смятности его разсказовъ для меня его похожденія непонятная загадка. Какъ онъ раскольникъ, а они всѣ подозрѣваются въ доброжелательствѣ къ злодѣю, то не было ли отъ него вмѣсто услуги какихъ пакостей?» (№ 19, въ маѣ).

Послѣ носился слухъ, прибавляетъ Державинъ въ Запискахъ своихъ: что Іовъ и товарищъ его Дюпинъ, по словамъ его убитый, сами пришли къ женѣ Пугачева Устиньѣ, объявили о своемъ порученіи и открыли письмо къ Симонову. Но это, какъ думаетъ Державинъ, также было полезно, потому будто что Пугачевъ, узнавъ такимъ образомъ о мѣрахъ взятыхъ на Волгѣ, не рѣшился вторгнуться внутрь имперіи. Въ одно время съ письмомъ къ Мансурову Державинъ отправилъ и къ Бибикову послѣдній свой рапортъ (№ 61), въ которомъ увѣдомляетъ его о новыхъ обстоятельствахъ и отдаетъ отчетъ въ израсходованіи 400 руб., полученныхъ имъ въ Казани. Въ тотъ же день (24 апрѣля) Державинъ получилъ два весьма непріятныя письма отъ Кречетникова. Одно было отвѣтомъ на извѣщеніе о предпринятомъ имъ походѣ. Губернаторъ въ саркастическомъ тонѣ доказываетъ неосновательность доставленныхъ Державину свѣдѣній о Яицкѣ и выставляетъ противорѣчіе между тѣмъ, что мятежники около этого города въ слабыхъ силахъ, и тѣмъ, что однакоже комендантъ его уже намѣренъ сдаться. Пугачевъ, пишетъ онъ, разбитъ и гонимъ не къ Яицку, а въ другую сторону, и притомъ на освобожденіе этой крѣпости посланъ генералъ Мансуровъ: слабому непріятелю теперь ужъ не до насилія, онъ долженъ думать только о своемъ спасеніи. «То и кому жъ бы оставалось Яицкой городокъ стѣснять? И кому жъ бы коменданту сдѣлать сдачу, совсѣмъ мнѣ непонятно, и получаемыя вами чрезъ своихъ шпіоновъ простаковъ-крестьянъ извѣстія противъ сего ни мало не

сообразительны». Поэтому, такъ какъ къ Яицку командированъ уже генералъ-маіоръ, который въ настоящую пору можетъ быть успѣлъ ужъ и дойти туда и освободить городъ, отъ васъ же разстояніе до него неблизкое, притомъ и тѣ казаки на Узеняхъ не стоятъ въ бездѣйствіи, «то объ освобожденіи Яицка и заботиться вамъ, мнится мнѣ, большія нужды не настоитъ. Вы полученное отъ меня письмо отправили къ его высокопревосходительству Александру Ильичу (Бибикову); оное вами учинено весьма благопристойно, которое получа его высокопревосходительство, какъ мнѣ въ службѣ современникъ, всемѣрно распоряженія мои изволитъ въ тонкость знать, что я въ нихъ ошибиться не могу, въ препровожденіе чего желательно мнѣ, чтобъ вы и сіе мое письмо постарались къ нему жъ доставить, а самому вамъ совѣтую».... Здѣсь Кречетниковъ опять повторяетъ, съ обстоятельнымъ объясненіемъ, свой прежній совѣтъ Державину дѣйствовать совокупно съ маіоромъ Шевичемъ; «а въ семъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, знатнаго не только дѣлать, ниже извѣстія быть можетъ; а инако, если вамъ желательно истину о состояніи Яика вѣдать, то не разсудите ль пріѣхать ко мнѣ въ Саратовъ, гдѣ все подробно отъ меня и получите, да и въ посылаемыхъ письмахъ вашихъ о пребываніи мѣста изъяснять, чтобъ я видѣть могъ, куда мнѣ письма свои къ вамъ отправлять» (№ XXIII).

Другое письмо отъ Кречетникова, полученное вслѣдъ за этимъ, но писанное днемъ позже, должно было подѣйствовать на Державина еще сильнѣе. «Къ крайнему всѣхъ сожалѣнію сего числа получилъ я чрезъ нарочнаго курьера сообщеніе изъ Казани отъ князя Ѳ. Ѳ. Щербатова и къ нему по дошедшему репорту отъ генералъ-маіора Ларіонова, что А. И. Бибиковъ, нѣсколько дней болѣвъ въ Бугульмѣ, 9-го числа сего мѣсяца скончался, и по немъ главную команду надъ ввѣренными ему войсками и поисками злодѣевъ принялъ его сіятельство и отправился уже изъ Казани въ Бугульму, о чемъ вамъ для свѣдѣнія и дается знать» (№ XXIV).

Легко представить себѣ, какъ огорчило Державина извѣстіе объ утратѣ любимаго имъ начальника, которому онъ былъ уже такъ много обязанъ и отъ котораго могъ еще болѣе ожидать

въ будущемъ. Не могло ему быть пріятнымъ и то, что онъ получилъ это извѣстіе отъ лица, которое до сихъ поръ не показало ему никакого благорасположенія. Державинъ въ своихъ Запискахъ не упоминаетъ вовсе объ этомъ письмѣ Кречетникова, а говоритъ только о письмѣ князя Щербатова, которое гораздо позже, отъ 2 мая, сообщало ему то же печальное извѣстіе. Въ отвѣтѣ Кречетникову онъ выражается такъ о своемъ горѣ: «Сколь должно о лишеніи сожалѣть всѣхъ честныхъ, добродѣтельныхъ, Богу, Монархамъ и отечеству своему вѣрныхъ и заслугу оказавшихъ людяхъ, столь сѣтованіе мое велико и о семъ не только по имени заслуженномъ мужѣ» (№ 86, 25 апр.).

Но прежде этого Державинъ отвѣчалъ Кречетникову на первое изъ двухъ приведенныхъ писемъ и доказывая, что о состояніи Яицка имѣлъ вѣрныя извѣстія, въ оправданіе свое между прочимъ говорилъ: «Должно ли же, имѣючи способы, въ ордерахъ его высокопревосходительства на волю мою довѣренность мнѣ порученную употребить въ безпечность и быть чрезъ то своей Самодержицѣ рабу нерадивому? Какое бы я сдѣлалъ важное преступленіе, ежели бы я учинилъ и тщетный маршъ? Пускай кто хочетъ мечтательные страхи въ предлогъ себѣ беретъ, а я, ежели бы ускорило предложеніе его высокопревосходительства въ контору опекунства иностранныхъ, то бы еще зимой, прося ея команды и жертвуя жизнію своею, Яикъ освободить постарался». Что же касается до предложенія присоединиться къ Шевичу, Державинъ объяснялъ, что на это онъ не имѣлъ приказанія и давалъ разумѣть, что дѣйствовалъ по тайнымъ предписаніямъ, которыхъ не могъ открыть и самому губернатору. «Г. Шевича мнѣ велѣно было, какъ я доносилъ словесно вашему превосходительству, ждать; то простите мнѣ, тутъ были сокровенныя причины въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ. Кому я могу тайну возвѣстить? Ежели бы мнѣ не предписано было требовать отъ вашего превосходительства себѣ помощи, то бы я никакъ безпокоить васъ не отважился. На Узеняхъ вашего превосходительства казаки будутъ поступать по вашимъ наставленіямъ; всякой долженъ быть увѣренъ, что сіи наставленія соотвѣтствуютъ важности, разуму

и силѣ особы вашего превосходительства; но чтожъ мнѣ дѣлать, ежели повѣрено мнѣ съ мѣста высшаго особливое и моей тайности токмо надлежащее сдѣлать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ распоряженіе? И такъ по двумъ приказаніямъ и двумя подначальствующими тамъ будутъ происходить двоякія дѣйствія. Кто вѣдаетъ, что другъ другу не противныя, и это дѣйствительно статься можетъ. Развѣдывальщиковъ же моихъ мужиковъ-простаковъ его высокопревосходительство самъ избралъ и мнѣ поручилъ». Наконецъ на приглашеніе пріѣхать въ Саратовъ за вѣрными извѣстіями Доржавинъ очень учтиво отвѣчалъ: «Теперь я жду отъ его превосходительства Павла Дмитріевича на мои прошенія извѣстія, и ежели получу и не буду имѣть надобности быть въ здѣшнихъ мѣстахъ, то и не укосню быть къ вашему превосходительству съ моимъ нижайшимъ почтеніемъ, какъ и навсегда съ неизреченною преданностію есмь» и пр. (№ 27).

Кречетниковъ не оставилъ и этого письма безъ отвѣта. Поблагодаривъ Державина за первую вѣсть объ успѣхахъ Мансурова, онъ продолжаетъ: «Выраженная жъ въ томъ письмѣ ваша ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ всему отечеству и что вы всѣми силами тщились спомощи городу Яику, она столь достохвальна, что всякъ, видя толь сильное ваше движеніе, съ нѣкоторымъ восхищеніемъ васъ похвалилъ бы, но, государь мой, было то гораздо поздо; еслибъ это было въ исходѣ декабря, а по крайней мѣрѣ въ началѣ генваря, то бъ весьма г. Симоновъ, какъ доказано самымъ дѣломъ, почтенной комендантъ, воспользовался, и потому-то я безъ сумнѣнія былъ, что Павелъ Дмитріевичъ прежде въ Яикѣ будетъ, нежели вы еще съ мѣста тронуться можете, что теперь самымъ дѣломъ и вы видите сами, и потому и мое провидѣніе опорочить не можете, да и военное ремесло того требуетъ, чтобъ предупреждать зло, а не во время зла его отвращать, почему я вамъ и совѣтовалъ, чтобъ не оставить ли сію заботу, ибо отъ Оренбурга до Яика жиломъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, а отъ васъ дикою степью до пяти сотъ верстъ, то и натурально тому быть нельзя, чтобъ отъ той стороны не прежде сдѣлано было». Въ концѣ этого письма была собственноручная приписка

Кречетникова: «Сейчасъ возвратился тотъ самый курьеръ, кой при васъ отправленъ былъ, и привезъ къ вамъ въ моемъ пакетѣ письмо, кое при семъ посылаю, между тѣмъ по надписи вижу васъ порутчикомъ, то ежели вы перемѣнены, то всеусердно имѣю честь поздравить, желая, чтобъ безъ замедленія и высшими преимуществами воспользоваться» (№ XXV).

Это извѣстіе о своемъ производствѣ Державинъ получилъ 30 апрѣля. Въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1774 г. (Прибавленіе къ № 29, 11 апрѣля) имя Державина напечатано въ числѣ 14 подпоручиковъ Преображенскаго полка, произведенныхъ въ слѣдующій чинъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Въ главѣ же этихъ производствъ стоитъ имя генералъ-поручика Григорія Александровича Потемкина, который *особливымъ указомъ* 15 марта пожалованъ былъ въ подполковники Преображенскаго полка и такимъ образомъ сдѣлался сослуживцемъ Державина. Было ли производство послѣдняго въ связи съ его дѣйствіями въ Казани, сказать не можемъ за неимѣніемъ положительнаго о томъ свидѣтельства.

II. По смерти Бибикова до поѣздки Державина въ Саратовъ.

Послѣ кончины Бибикова начинается для Державина новый періодъ дѣятельности по участію въ мѣрахъ противъ Пугачева. Такъ какъ теперь уже нельзя было ожидать, что Пугачевъ скоро будетъ искать убѣжища около Волги, то и назначеніе Державина на время измѣняется: сами генералы, съ которыми онъ находится постоянно въ непосредственныхъ сношеніяхъ, предписываютъ ему дѣйствовать вооруженною силой. Разсмотрѣніе любопытнѣйшаго изъ этой переписки ознакомитъ насъ съ подробностями новаго его положенія. Князь Щербатовъ, принявъ дѣла послѣ Бибикова, писалъ Державину 2 мая: «Изъ всѣхъ рапортовъ вашихъ къ покойному усматриваю я похвальныя распоряженія ваши по силѣ возложеннаго на васъ дѣла [6]); но и теперешъ-

6) Щербатовъ имѣлъ о Державинѣ очень хорошее мнѣніе, какъ видно изъ письма Кологривова къ послѣднему отъ 9 мая: «Чтожъ касается до коммисіи ва-

нія, а особливо предпріятіе ваше къ освобожденію тѣснимаго въ Яицкомъ городкѣ съ гарнизономъ полковника Симонова, не менѣе хвалы достойны». За тѣмъ увѣдомляя, что по занятіи Яицка Мансуровымъ, мятежники побѣжали въ степь, и полагая, что они, отправляясь къ Гурьеву городку, не оставятъ въ покоѣ и тѣхъ мѣстъ, гдѣ находился Державинъ, генералъ предписывалъ ему употребить собранный имъ отрядъ на истребленіе этой шайки. Въ заключеніе прибавлялъ: «Наконецъ не сумнѣваюсь я, чтобъ смертію покойнаго генералъ-аншефа Бибикова ослабѣть могло теченіе дѣлъ возложенной на васъ экспедиціи, или чтобъ ревностныя старанія ваши къ достиженію желаемой отъ нея пользы умалились. Оставшись по немъ предводителемъ дѣлъ къ пользѣ общественной, пріятно мнѣ столько же будетъ о пріобрѣтеніи вамъ особливой чести стараться, сколько полагаюсь я на искусство и благоразуміе ваше. И буду о успѣхахъ ожидать частыхъ вашихъ увѣдомленій» (№ XXXI).

Съ такимъ же уваженіемъ одновременно писалъ къ Державину и Мансуровъ изъ Яицка; одобряя его распоряженія, и онъ совѣтовалъ ему употребить воинскую команду на поискъ отъ самой Малыковки вверхъ по Иргизу. Предложеніе же Державина доставить въ Яицкъ приготовленные имъ съѣстные припасы и снаряды Мансуровъ принялъ съ благодарностью и отвѣчалъ, что вышлетъ на встрѣчу имъ конвой до мостовъ Иргиза (№ XXX).

Отвѣтъ Державина Щербатову начинается такъ называемыми протестаціями, въ которыхъ, разумѣется, отразился характеръ того времени. Вспомнимъ, что судьба долго была особенно сурова къ Державину и мы поймемъ, что всякая улыбка счастья должна была льстить ему. «Ваше сіятельство изволите милостиво повелѣвать мнѣ, чтобъ я не ослабѣвалъ въ должности моей лишеніемъ командира великодушнаго, милостиваго и мнѣ особливые знаки довѣренности поручившаго, но какъ бы я отъ сего удержаться могъ, ежелибъ ваше сіятельство не были равныхъ ему добродѣтелей? Начальника есть дѣло даровать душу подчиненному. При

шей, она уже здѣсь извѣстна и вчерась объ васъ очень хорошо отзывался Щербатовъ и писалъ объ васъ въ военную коллегію съ великой похвалой, за что я его благодарилъ, сказавъ ему, что вы мнѣ хорошій пріятель» (№ 27).

первомъ воззрѣніи вашего сіятельства на мою экспедицію, изволите мнѣ обѣщать стараться о особливой чести, то какъ бы я не положилъ всей возможности моей заслуживать также удовольствіе вашего сіятельства, какъ покойнаго его высокопревосходительства? Хотя ничто не изъемлетъ насъ отъ усердія къ отечеству нашему и къ нашей Всемилостивѣйшей Императрицѣ, однако предводители насъ дѣлаютъ таковыми, каковыми они хотятъ. Будучи поощренъ одобреніемъ вашего сіятельства, буду я стараться все то сдѣлать, что только разумѣть могу». Донося потомъ, что команда его уже производитъ поискъ по Иргизу, по монастырямъ, хуторамъ и мурчужнымъ жилищамъ раскольниковъ и прося себѣ въ помощь еще человѣкъ 100 казаковъ, онъ отдаетъ отчетъ въ одномъ новомъ распоряженіи своемъ, которое доказываетъ всю его бдительность. «По Волгѣ и по Воложкѣ здѣсь учредилъ я въ лодкахъ изъ жителей пикеты, чтобъ иногда рыбачій ботикъ не унесъ язву, заразившую наше отечество. Будучи восхищенъ вашего сіятельства снисхожденіемъ, осмѣлюсь я доложить, что когдабъ по Камѣ и вездѣ по Волгѣ сіе сдѣлано было, которое ничего не стоитъ, тобъ какъ земля, такъ и вода стерегли Пугачева. Можетъ быть онъ самъ другъ уйдетъ, то водянымъ путемъ скорѣе и скрытнѣе проберется на желаемое ему мѣсто и оттуда, какъ носится молва, на рѣку Ямбу» (sic) (№ 10).

Письмо оканчивается новыми жалобами на казначея Тишина, который послѣ выговора отъ имени главнокомандующаго «пришелъ было въ себя, но нынѣ паки, якобы отъ гнѣва вашего сіятельства ему ничего быть не могло, весьма худо отправляетъ свою должность». Сколько можно разобрать изъ послѣдующихъ строкъ, Державинъ требовалъ даже удаленія Тишина, въ противоположность же ему онъ очень хвалилъ усердіе дворцоваго управителя Шишковскаго (Ѳедора Кузьмича).

Отъ того же числа, какъ Щербатовъ и Мансуровъ (2 мая), писалъ Державину и князь Голицынъ изъ Оренбурга. Къ нему, а не къ Щербатову попали послѣдніе рапорты Державина Бибикову, и Голицынъ отвѣчалъ ему теперь «одобряя весьма похвальное предпріятіе его» идти на помощь Яицку и также предписывая ему наблюдать за бѣглецами и ловить ихъ (№ XXXIII). Къ

письму приложено было 10 экземпляровъ какого-то манифеста Императрицы (вѣроятно о наградѣ за поимку Пугачева) для распространенія въ народѣ по селеніямъ.

Между тѣмъ въ Малыковку прибылъ, по требованію Державина, съ 500 Донскихъ казаковъ полковникъ Денисовъ, которому отъ князя Голицына было приказано оставить у него 100 человѣкъ, а съ остальными 400 идти въ Оренбургъ. Денисовъ, прибывъ въ Малыковку, сталъ требовать у Державина провіанта для своего отряда. Державинъ только что отправилъ приготовленные имъ для Яицка запасы къ Мансурову, эти же запасы не стоили ему денегъ, потому что были пожертвованы пріятелемъ его, Малыковскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Державинъ обратился къ Кречетникову съ запросомъ, нельзя ли получить провіанту изъ Саратовскихъ магазиновъ и въ то же время изъявилъ надежду, что Астраханскій губернаторъ обратитъ и своихъ казаковъ къ верховьямъ Иргиза, гдѣ бродили партіи Калмыковъ и куда Державинъ намѣренъ былъ направить свои отряды (№ 22).

Кречетниковъ на этотъ разъ отвѣчалъ довольно любезно. Хотя въ началѣ и объявилъ Державину безцеремонно, что о Калмыцкихъ партіяхъ зналъ гораздо прежде его увѣдомленія и въ провіантѣ изъ Саратовскихъ магазиновъ отказалъ, отзываясь недостаткомъ его и обращая Державина къ опекунской конторѣ, однакожъ по прочимъ пунктамъ онъ далъ удовлетворительные отвѣты и въ концѣ приписалъ своей рукой: «А за тѣмъ имѣю вамъ подать мой совѣтъ къ продовольствію казаковъ: какъ онѣ обыкновенно во всѣ военныя службы продовольство имѣли, то фуража имъ не потребно: оной подъ ногами, а провіантъ можно дать имъ деньгами по той цѣнѣ, какъ оной на базарѣ покупается; то вы и минуете перевозокъ и требованій» (№ XXXIX).

Вѣроятно въ слѣдствіе этого-то совѣта Державинъ на другой день, 16 мая, написалъ ордеръ «Малыковскимъ дѣламъ» (№ 29), требуя 1 т. р. на основаніи инструкціи покойнаго Бибикова.

Съ Денисовымъ онъ, кажется, долго не могъ согласиться. Въ слѣдствіе новаго ордера, полученнаго отъ князя Щербатова, онъ требовалъ уже (№ 11 и 42), чтобъ Денисовъ отрядилъ

для дѣйствій на Иргизѣ не 100, а 200 человѣкъ, съ остальными же шелъ бы къ Сызрани. «Если жъ вамъ кажется опаснымъ раздѣлять свой полкъ, писалъ ему Державинъ, то гдѣ Высочайшая Ея Императорскаго Величества требуетъ служба, тамъ не опасности и не смѣлости нѣтъ и я отвѣчаю вамъ за 200 вашихъ человѣкъ, которыхъ только отправленія дожидаюсь, и самъ ѣду съ ними. Въ силѣ сего сообщенія прикажите исполнить непремѣнно, въ противномъ случаѣ будете отвѣчать за всѣ несчастливыя приключенія, которыя здѣсь могутъ воспослѣдовать».

Что Денисовъ не слишкомъ спѣшилъ слушаться Державина, видно изъ дальнѣйшихъ писемъ послѣдняго какъ къ самому этому полковнику, такъ и къ Щербатову. Напоминая Денисову приказаніе генерала, онъ говоритъ (№ 70): «Какъ ревностнѣйшій Ея Величества рабъ и въ воинскихъ опытахъ съ похвалою довольно искусившійся, вы можете располагать сами, какъ лучше исполнять вамъ повелѣнія его сіятельства, а моя диспозиція та, какъ я вамъ и сообщалъ, а впрочемъ вы изволите имѣть свои резоны, которыхъ знать мнѣ не можно». Однакожъ за тѣмъ Державинъ подтверждалъ Денисову прежнее распоряженіе. Когда наконецъ казацкій полкъ дѣйствительно выступилъ на Иргизъ, Державинъ писалъ Щербатову: «Соизвольте ваше сіятельство подтвердить сему полку ордеромъ своимъ, чтобъ онъ поспѣшнѣе дѣлалъ свои марши, ибо онъ слишкомъ много растаговъ дѣлаетъ, что весьма безполезно. Двѣсти же человѣкъ я присоединю къ фузелерной командѣ г. Елчина и содѣйствуя самъ съ нимъ буду по Иргизу дѣлать надъ пріумножающимися тамъ злодѣйскими Калмыцкими кучами поиски, которыя здѣсь появились со всѣмъ своимъ багажемъ, женами ихъ и дѣтьми [7]) (№ 51).

Изъ письма Щербатова, полученнаго около этого самаго времени, видно, что Державинъ послѣ перваго извѣстія о смерти Бибикова просилъ уволить его отъ настоящаго назначенія [8]).

---

7) Въ одномъ письмѣ къ Кречетникову Державинъ выражалъ опасеніе, чтобъ эти Калмыки не соединились съ Волжскими, живущими на нагорной сторонѣ рѣки, и не взбунтовали послѣднихъ.

8) Бывшій адъютантъ Бибикова, Бушуевъ, будучи недоволенъ своимъ переводомъ въ Оренбургъ, писалъ Державину отъ 12 іюня (№ 47): «Григ. Алекс. Потемкинъ, который наверхъ благополучія возносится, писалъ къ нему (Щерба-

Благосклонность, оказанная ему новыми начальниками, кажется, перемѣнила его намѣреніе еще прежде нежели Щербатовъ отвѣчалъ ему, что Императрица повелѣвала вести дѣла совершенно на прежнемъ основаніи, отнюдь не измѣняя ихъ «связи и теченія», почему онъ и выражалъ надежду, что Державинъ «не поскучитъ нимало продолжать съ такимъ же усердіемъ возложенное на него дѣло, которое по настоящимъ въ краю его обстоятельствамъ теперь нужно. А потому и рекомендую вамъ, говорилъ Щербатовъ, сдѣлать отъ Малыковки до Иргиза, а отъ онаго до Яика цѣпь тѣми фузелерными ротами, кои у себя имѣете, прибавя къ нимъ часть Донскихъ, и стараться не только истреблять вкравшихся на Иргизъ злодѣевъ, но и закрывать теченіе рѣки Волги, а симъ самымъ уже прикроется и Самара».... «Пріѣхавъ въ Оренбургъ, буду я имѣть съ вами переписку чрезъ Яикъ, и не оставлю прислать къ вамъ ассигнаціями денегъ на экстраординарные расходы» (№ XXXVI).

Въ этомъ же письмѣ Щербатовъ благодаритъ Державина за доставленіе въ секретную коммисію одного важнаго преступника: этимъ «оправдали вы то неусыпное стараніе и похвальныя распоряженія, кои къ особенной вамъ чести вездѣ въ рапортахъ вашихъ вижу».

Въ то время, какъ Щербатовъ такимъ образомъ поощрялъ Державина изъ Оренбурга, куда только что переѣхалъ, — къ воинской его предпріимчивости обращались также Мансуровъ изъ Яицка и самъ Кречетниковъ изъ Саратова; оба увѣдомляли его объ опасности, которою Калмыки угрожали Сызрани и Самарѣ, и просили принять участіе въ поискахъ надъ этими шайками. Кречетниковъ, который недавно издѣвался надъ смѣлостью Державина, теперь посылалъ къ нему одно письмо за другимъ [9]), вызывая его къ содѣйствію другимъ начальникамъ отрядовъ противъ Калмыцкихъ шаекъ. Въ одномъ изъ этихъ

тову) о отпускѣ всего штаба покойникова. Изъ рапортовъ вашихъ угадываю я и вашу мысль, но не думаю, чтобы безъ указа военной коллегіи васъ онъ уволилъ, почитая важнымъ ваше дѣло, что изъ ордера усмотрите, и потому что коллегіи далъ онъ о вашей экспедиціи знать, описывая съ похвалою ваши распоряженія и предпріимчивость. Между тѣмъ вы только одинъ подобно мнѣ мучиться здѣсь остались, а прочіе гвардейскіе всѣ отпущены».

9) № XL отъ 12 мая, № XXXIX отъ 13 и № XXXVIII отъ 14 мая.

писемъ есть его собственноручная приписка: «Я не уповаю, чтобъ такое большое ихъ число было, какъ пишутъ изъ Сызраня, но сколько имѣется, то нужно истребить, о чемъ благоволите постараться» (№ XXXVIII).

Между тѣмъ однакожъ начальникъ конторскихъ ротъ, капитанъ Елчинъ (который, какъ старшій, командовалъ всѣмъ отрядомъ) дѣйствовалъ такъ медленно и не искусно, что посланный отъ Яика подполковникъ Муфель успѣлъ безъ помощи его кончить дѣло, т. е. разсѣять и прогнать Калмыковъ. Теперь рѣчь шла уже только о прикрытіи колоній отъ остатковъ партій, шатавшихся около Волги: это опять поручалось Державину. Но такъ какъ опекунская контора, смѣнивъ Елчина и на мѣсто его назначивъ Хотяинцева, настоятельно требовала обратно своей команды, которая нужна была въ Саратовѣ, то Державинъ принужденъ былъ отправить ее, оставивъ у себя для охраненія колоній только около 30 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ онъ просилъ контору (№ 12): «Ежели по непредвидимому случаю паки востребуется команда, то присылкою ея не умедлить: ибо контора изъ прошедшаго благоволитъ сама видѣть, что не для чего инаго она требованіемъ симъ утруждалась какъ для отвращенія отечеству общаго вреда. О бранныхъ же подвигахъ г. капитана Елчина, я думаю, контора меня донесть уволитъ. Яко не бывшій въ сраженіи и яко младшій его, съ удивленіемъ молчу».

Въ концѣ мая, когда писано это письмо, и въ началѣ іюня, Державинъ могъ наконецъ нѣсколько отдохнуть послѣ напряженной дѣятельности, продолжавшейся уже почти полгода. Ему казалось, что теперь, послѣ пораженія и самого Пугачева и скопищъ его, на Волгѣ болѣе нечего дѣлать, что здѣсь не нужно покуда ни военныхъ дѣйствій, ни тайнаго наблюденія. Объ этомъ онъ писалъ какъ Щербатову, такъ и Казанскому губернатору Якову Ларіоновичу фонъ-Бранту, который недавно увѣдомилъ его, что за отъѣздомъ князя Щербатова онъ, Брантъ, принялъ въ свое вѣдѣніе Казанскую секретную коммиссію, а потому Державинъ, донося о всѣхъ обстоятельствахъ Щербатову, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы знать о нихъ и Казанскому губернатору. Это-то и заставило Державина, въ Запискахъ его,

сказать, что онъ въ то время не зналъ, кто былъ его настоящій начальникъ, и рѣшился выполнять всякое предписаніе, лишь бы оно было на пользу службы [10]).

Первое письмо Державина къ Бранту стоило ему много труда: онъ начиналъ его нѣсколько разъ, пока остановился на чемъ нибудь. Какъ тонкій дипломатъ, онъ перевелъ это посланіе на нѣмецкій языкъ (хотя Брантъ писалъ ему по-Русски); конечно Державинъ, по пребыванію своему въ Казани, былъ лично знакомъ съ Брантомъ и зналъ, чѣмъ можно угодить ему. Это любопытное собственноручное письмо Державина остается единственнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени онъ владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ [1]). Замѣчательно, что на просьбу Бранта сообщать ему *обо всемъ*, онъ отвѣчаетъ: «Въ разсужденіи на меня положеннаго дѣла, *что будетъ надлежать до вашего высокопревосходительства*, конечно доносить буду». Выразивъ потомъ свое высокое мнѣніе о великодушіи и человѣколюбіи Бранта [2]), онъ вызывается теперь обратить вниманіе на особый предметъ.

Къ возстановленію спокойствія въ здѣшнемъ краю теперь ничего не нужно, пишетъ Державинъ въ своемъ Нѣмецкомъ письмѣ. Слава Богу, здѣсь, сколько я могъ замѣтить, все тихо, но (если смѣю доложить вашему высокопревосходительству) надобно остановить грабительство или, чтобъ сказать яснѣе, безпрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощаетъ людей. Въ секретной инструкціи, данной мнѣ покойнымъ Александромъ Ильичемъ, между прочимъ, было мнѣ предписано разузнавать образъ мыслей населенія. Сколько я могъ примѣтить, это лихоимство производитъ наиболѣе ропота въ жителяхъ, потому-что всякій, кто имѣетъ

---

10) Кологривовъ писалъ ему 17 мая (№ 33) изъ Казани: «Думаю, и ты по своей коммисіи долженъ быть подчиненъ здѣшнему губернатору, или какъ у тебя есть воинская команда, то по оному будешь болѣе принадлежать въ команду князь Ѳ. Ѳ. Щербатова, чего бъ я лучше желалъ, ибо онъ человѣкъ очень честной и тебя заочно полюбилъ, впрочемъ самъ разсудишь, тебѣ больше всѣхъ по твоей коммисіи извѣстно гдѣ лучше быть».

1) № 106. Ср. 99, 100 и 101.

2) Брантъ былъ вовсе не на мѣстѣ при столь трудныхъ обстоятельствахъ. Больной старикъ, который, по словамъ Бибикова въ одномъ письмѣ, насилу таскалъ ноги, онъ умеръ вскорѣ послѣ разоренія Казани Пугачевымъ. Поведеніе его во время заключенія Пугачева въ этомъ городѣ является сомнительнымъ. См. Москвит. 1845, ч. V, № 9, стр. 26.

съ ними малѣйшее дѣло, грабитъ ихъ. Это дѣлаетъ легковѣрную и неразумную чернь недовольною и, если смѣю говорить откровенно, это всего болѣе поддерживаетъ язву, которая теперь свирѣпствуетъ въ нашемъ отечествѣ [3]). Не буду теперь распространяться объ этомъ, но если вы прикажете, то я по возложенному на меня порученію, войду куда слѣдуетъ съ почтительнѣйшимъ рапортомъ» (№ 106).

Такимъ образомъ Державинъ вполнѣ понималъ, какое важное значеніе въ народной жизни имѣетъ то злоупотребленіе, которое такъ проникло въ наши нравы, что и до сихъ поръ еще мы съ нимъ боремся. Но минута была неблагопріятна для примѣненія къ дѣлу замѣчательнаго взгляда Державина на тогдашнія обстоятельства, и изъ дальнѣйшей переписки его не видно, чтобы Брантъ отвѣчалъ на это письмо. Дѣйствительно, тогда некогда было думать объ улучшеніи нравовъ: напрасно военачальники и правительство ласкали себя мечтою, что Пугачевъ, послѣ побѣдъ князя Голицына и Михельсона, уже не опасенъ. Со смертію Бибикова исчезло единство дѣйствій противъ возмущенія, и вскорѣ, какъ сказалъ Державинъ же:

Разстроилось побѣдъ начало,
Сильнѣе разлилася язва. [4])

Впрочемъ князь Щербатовъ не ожидалъ, чтобы Пугачевъ долгое время оставался смирно въ Исетской провинціи или Башкиріи, куда онъ бѣжалъ послѣ пораженія при Троицкой крѣпости: Щербатовъ предвидѣлъ возможность скораго появленія самозванца на Волгѣ, и въ серединѣ іюня писалъ Державину, чтобъ онъ возстановилъ всѣ распоряженія, принятыя имъ около Малыковки. Степень довѣрія, какое Державинъ внушалъ этому генералу, видна изъ словъ, которыми начиналось одно изъ предъидущихъ писемъ послѣдняго: «Я всегда съ особливымъ удо-

---

3) Въ Русской черновой редакціи такъ: «Только доложить вашему высокопревосходительству смѣю: надлежитъ искоренить взятки. Говорить о истребленіи заразы сей потому я за должное себѣ поставляю, что разлитіе оной наиболѣе всего по моимъ мыслямъ пособляетъ злу, терзающему наше отечество». Въ другомъ проектѣ того же письма можно прочесть въ этомъ мѣстѣ посреди неразборчиво набросанныхъ строкъ, слова: лихоимство и народное неудовольствіе.

4) Въ одѣ на смерть Бибикова.

вольствіемъ рапорты ваши получаю, усматривая изъ нихъ особливое попеченіе и труды ваши, съ которыми исполняете вы возлагаемое на васъ дѣло. Всѣ рапорты ваши, мною полученные, дѣлаютъ вамъ честь и во мнѣ производятъ къ вамъ признаніе» (XLVII) [5].

Предостереженія эти Державинъ принялъ въ томъ смыслѣ, что Пугачевъ могъ притти на Иргизъ для тайнаго укрывательства, и потому въ началѣ іюля (№ 69) писалъ Мансурову, что надо бы удалить съ этой рѣки всякія войска, которыя могутъ помѣшать Пугачеву искать тамъ убѣжища; вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ просилъ прислать ему изъ Яицка Серебрякова и Герасимова, какъ людей нужныхъ для предпринимаемыхъ вновь развѣдываній. Брантъ изъ Казани также предписывалъ Державину принять мѣры для задержанія Пугачева въ случаѣ его появленія и увѣдомлялъ, что «учредилъ преграды» по берегамъ Камы и въ Симбирскѣ.

Какъ много начальники надѣялись на Державина, забывая, что онъ не располагалъ собственно никакою военной силой, видно изъ письма Щербатова къ Мансурову отъ 2-го іюля, гдѣ въ числѣ предосторожностей, принимаемыхъ Брантомъ, приводится намѣреніе его писать къ поручику Державину «о такомъ же учрежденіи на берегу командъ», а въ концѣ письма Щербатовъ проситъ Мансурова, «увѣдомить также о томъ г. Державина, чтобъ онъ, по требованію губернатора и по своему собственному расположенію, взялъ нужныя къ тому предосторожности.» (№ LXII). Вслѣдствіе полученныхъ приказаній Державинъ опять усилилъ свою дѣятельность, и въ самый тотъ день, когда Пугачевъ злодѣйствовалъ въ Казани, 12-го іюля, Державинъ такъ писалъ къ Мансурову (№ 17): «Окромѣ тайныхъ моихъ распоряженій, касающихся до поимки злодѣевъ, о чемъ уже я вашему превосходительству донести честь имѣлъ, предосторожности на Волгѣ на первый случай взяты такія, что поставлены, по 35 человѣкъ, на каждой сторонѣ пикеты, которые имѣютъ и день и ночь безпрестанные разъѣзды вверхъ по Волгѣ, чтобъ ловить иногда могущихъ быть передовщиковъ отъ Пугачева

5) Ср. выше мѣсто изъ письма Кологривова о мнѣніи Щербатова насчетъ Державина.

для возмущенія народа. По деревнямъ подтверждено для сихъ же обстоятельствъ имѣть крѣпкіе караулы. Для бо́льшаго же ополченія изготовлены суда: я кой часъ услышу надобность, истребую изъ Саратова команду, куда ужъ секретно и писалъ, чтобъ была готова съ двумя пушками. Притомъ стоявшихъ на Иргизѣ казаковъ и жителей сколько можно употреблю тогда въ дѣло и вамъ не оставлю донести, ежели паче чаянія злодѣй ближиться будетъ». Въ тотъ же день онъ написалъ любопытный ордеръ Малыковскимъ экономическимъ и управительскимъ дѣламъ (№ 14), откуда выписываемъ начало и конецъ: «Изъ самаго дѣла усмотрѣно мною, что въ вѣдѣніяхъ вашихъ выборные, сотники, пятидесятники, старосты и десятники, ежели не всѣ, то большая половина — пьяницы, плуты, грабители и ворамъ потатчики; того ради выбрать вамъ другихъ на сіе время, хотя самыхъ первостатейныхъ мужиковъ, людей надежныхъ, чтобъ не токмо сами подъ видомъ осмотровъ грабить (не) могли какъ прежніе сотники или бы воровъ, ослабѣвая имъ или бы поноравливая имъ, упускали, какъ-то сего дня сдѣлалось, сказываютъ, что вора оплошностію упустили. Но чтобъ прилагали все усердіе и, не щадя жизни своей, злодѣевъ хотящихъ укрыться ловили и искореняли, также ежели услышатъ отъ кого вредные къ разврату народа отъ бунтовщика Пугачева плевелы, то чтобъ не медливъ ни мало доносили».... «Ежели впредь сотники и прочіе начальные явятся въ не исправленіи своей прямой должности, то причтется сіе вамъ въ слабость, а вы можете на сей случай ихъ выбрать не народомъ, ищущимъ ему потатчиковъ, но сами собою, на кого вы положиться можете.»

Но на другой же день неожиданное несчастіе разстроило всѣ эти распоряженія: 13-го числа пожаръ истребилъ Малыковку; Державинъ не получилъ сверхъ того команды изъ Саратова (ему въ ней отказали, потому-что она и тамъ нужна была). Онъ поспѣшилъ донести объ этихъ обстоятельствахъ (№ 94) Щербатову, который, по извѣстію о появленіи Пугачева на Камѣ, переѣхалъ недавно изъ Оренбурга въ Бугульму, и опять побуждалъ Державина къ усиленію предосторожностей. «Изъ приложеннаго письма г. бригадира Лодыжинскаго», отвѣчалъ ему Державинъ (№ 14), «ваше сіятельство изволите усмотрѣть,

что я, не имѣя надежды получить изъ Саратова пушки, не могу въ случаѣ злодѣйскаго сюда стремленія явно ополчиться противъ онаго, тѣмъ болѣе, что жителей здѣшнихъ къ тому пріуготовить теперь не можно, ибо вчерашняго числа село Малыковка до основанія все сгорѣло. Люди не токмо лишилися какое могло найтись при нихъ оружіе, но даже крайняго своего пропитанія. Чрезъ сіе, предпріятіе мое въ изготовленіи хорошимъ порядкомъ судовъ, какъ-то нѣсколькихъ дощаниковъ съ имѣвшимися у крестьянъ фалконетами, также уничтожено. Словомъ, что принадлежитъ хотя до малаго знака военнаго дѣла, я теперь ничего не имѣю. Его высокопревосходительству губернатору и его превосходительству Павлу Дмитріевичу Мансурову доносилъ, чтобъ они на меня надежды никакой полагать не изволили». Однакожъ вскорѣ послѣ того Державинъ получилъ отъ Мансурова изъ Яицка письмо съ увѣдомленіемъ (№ LXXI), что стоявшему на Иргизѣ есаулу Бѣлякову съ 200 Донскихъ казаковъ приказано придвинуться къ Волгѣ и состоять въ полной командѣ Державина, «а вы извольте располагать ихъ по вашему усмотрѣнію и знанію тамошнихъ мѣстъ, какъ лучше усмотрѣть изволите.» Въ собственноручной же припискѣ Мансуровъ между прочимъ прибавлялъ: «При запечатываніи сего получилъ я письмо ваше о пожарѣ Малыковскомъ. Совѣтую вамъ мужественно противъ сего ополчиться.... Я персонами не откажуся никогда васъ въ нужномъ случаѣ подкрѣпить и прошу меня неукоснительно о семъ увѣдомить, что вы предпримете по сему и гдѣ пребываніе ваше будетъ» (LXXI). Между тѣмъ однакожъ распространился уже слухъ о нападеніи Пугачева на Казань и о сожженіи этого города: въ тотъ же день Державинъ получилъ отъ Мансурова другое письмо, которымъ онъ извѣщался, что есаулу Бѣлякову съ казаками велѣно идти въ Сызрань. «Ежели, прибавлялъ Мансуровъ, паче чаянія я буду удостовѣренъ о склоненіи злодѣевъ къ сей сторонѣ: то въ тотъ самый часъ со всею бригадою и сильною артиллеріею самъ отправлюсь на пораженіе тѣхъ изверговъ въ Сызрань» (№ LXXI).

Первое извѣстіе о бѣдствіи родной для Державина Казани застало его уже не въ Малыковкѣ, а въ Саратовѣ, куда онъ поѣхалъ въ срединѣ іюля чрезъ два дня послѣ упомянутаго по-

жара, находя, что ему уже болѣе нечего дѣлать на прежнемъ мѣстѣ и «зная, какъ онъ писалъ Щербатову, что ни въ какомъ несчастіи ослабѣвать не должно». При поѣздкѣ въ Саратовъ у него была и положительная цѣль: онъ хотѣлъ лично похлопотать еще о томъ, чтобы опекунская контора вторично отпустила ему часть своей артиллерійской команды, сверхъ оставшихся у него 27 человѣкъ изъ нея, и вмѣстѣ изслѣдовать обстоятельство, которое контора приводила какъ главную причину своего отказа, т. е. будто и въ колоніяхъ, на луговой сторонѣ Волги, становилось неспокойно. Сверхъ того въ концѣ іюня дворцовый крестьянинъ Василій Ивановъ Поповъ [6]) донесъ Державину, что Саратовскіе Покровскіе малороссіяне втайнѣ замышляли пробраться на Узени, а оттуда въ Башкирію для соединенія съ Пугачевымъ: Державинъ хотѣлъ на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости такого обвиненія.

Передъ выѣздомъ изъ Малыковки онъ сдѣлалъ однакожъ нужныя распоряженія, чтобы и тамъ все было въ готовности на случай какой нибудь внезапной тревоги. На время своего отсутствія онъ оставилъ казначею Тишину и управителю Шишковскому слѣдующій любопытный ордеръ (№ 25).

«Я отъѣзжаю за нужнымъ дѣломъ на нѣкоторое время въ г. Саратовъ, а безъ меня исполнять вамъ слѣдующее: 1) по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, какъ должно имѣть крайнюю предосторожность, то прикажите, чтобъ оставшаяся здѣсь команда, 26 человѣкъ фузелеръ, при унтеръ-офицерѣ, была при селѣ безотлучно и чтобъ ночью всѣ были въ одномъ мѣстѣ при моей квартирѣ. 2) Пикетъ изъ-за Волги снять и совокупить его въ одно мѣсто на сторонѣ нагорной. 3) Имѣть готовыми при берегу дощаники и всякаго рода лодки, для отвоза казны изъ сего мѣста въ Саратовъ и нужныхъ государственныхъ дѣлъ. 4) Во время заслышанія какого либо злодѣйскаго въ сію страну стремленія, тотчасъ меня (sic) о томъ наипоспѣшнѣйше рапортовать, а самимъ стараться народъ привесть къ сопротивленію и оборонѣ; а чтобъ лучше его на сіе привлечь, то, въ крайней нуждѣ, объ-

---

6) Поповъ былъ извощикомъ Пугачева, когда тотъ, схваченный въ Малыковкѣ, препровождался въ Симбирскъ. Допросы Пугачеву. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II, стр. 41.

явить ему данную вамъ при семъ публикацію. 5) Въ случаѣ необходимости, имѣющихся здѣсь колодниковъ, а паче по секретному дѣлу, забрать въ Саратовъ, также и первостатейныхъ мужиковъ, женъ и дѣтей подъ видомъ для сохраненія ихъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ мужья ихъ, будучи сами вѣрными, старались лучше уговаривать народъ и находили средство къ истребленію злодѣевъ. 6) Когда народъ окажется въ должной вамъ послушности и усерденъ къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, то собравъ его, сколько можно будетъ, стараться истреблять злодѣевъ. 7) Ежели превосходная наѣдетъ на васъ шайка, такъ что никакимъ образомъ, ни народомъ вашимъ, ни малочисленными фузелерами, ни сотенною здѣсь стоящею Донскою командою, противиться будетъ вамъ не можно, то въ самомъ послѣднемъ случаѣ ретироваться вамъ въ Саратовъ водою или сухимъ путемъ, только соблюсти какъ можно команду и смотрѣть, чтобъ она напрасною жертвою злодѣевъ (не сдѣлалась). 8) Народъ, который усерденъ явится къ службѣ всемилостивѣйшей Государыни, то чтобъ тотъ также слѣдовалъ въ Саратовъ, гдѣ общими силами уже учиненъ будетъ надъ злодѣями поискъ. 9) Когда только заслышите какое либо приближеніе злодѣевъ, то стараться вамъ собрать изо всѣхъ вѣдомствъ вашего жительства людей съ оружіемъ, но не прежде давать имъ, ежели имѣется у васъ, порохъ, пока они въ самомъ дѣлѣ окажутся усердными къ службѣ Ея Величества и, какъ выше сказано, ежели здѣсь обороняться и поражать злодѣя надежды вамъ не будетъ, то со всѣми собранными вашими людьми слѣдовать въ Саратовъ. 10) Ежели ужъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй съ своею толпою сюда приближится, то всѣ суда, находящіяся отъ Сызрани до Саратова, послать и приказать отвесть на ту сторону, или какъ испортить, дабы чрезъ то удержать злодѣя на сей сторонѣ до слѣдующихъ за нимъ командъ. Лучше всего наипоспѣшнѣйше и обстоятельнѣйше меня обо всемъ вамъ репортовать, и я въ нужномъ случаѣ конечно не оставлю или своимъ присутствіемъ, или скорѣйшимъ приказаніемъ дать по тогдашнему случаю вамъ должныя приказанія».

*

III. Пребываніе Державина въ Саратовѣ.

Кречетникова въ то время въ Саратовѣ уже не было. Двумя главными лицами оставались здѣсь: управляющій опекунскою конторою колонистовъ, бригадиръ или статскій совѣтникъ *Михайло Михайловичь Лодыжинскій*, «служившій прежде штабъ-офицеромъ при инженерномъ корпусѣ»; и, комендантъ, исправлявшій также и воеводскую должность, — полковникъ *Иванъ Константиновичь Бошнякъ*. Послѣдній обязанъ своею извѣстностью особенно ссорѣ съ Державинымъ, — какъ противникъ его въ мнѣніи о способѣ обороны Саратова, но памятенъ и по храбрости, съ какою въ послѣдствіи защищалъ Саратовъ и Царицынъ при нападеніи Пугачева. Лодыжинскаго знаемъ мы уже по готовности, съ какою онъ въ началѣ отпустилъ Державину артиллерійскую команду.

По прибытіи въ Саратовъ 16 іюля, Державинъ получилъ изъ Сызранской канцеляріи сообщеніе о бѣдствіи, постигшемъ Казань, и о томъ, что Пугачевъ уже переправился на нагорную сторону Волги, вѣроятно съ цѣлію пробраться на Донъ. Въ тотъ же день Державинъ объявилъ это извѣстіе Саратовскимъ командирамъ и, какъ онъ выражается въ рапортѣ Щербатову, «подвигъ ихъ сдѣлать пріуготовленія». 24 числа они, вмѣстѣ со многими офицерами, сошлись на совѣтъ въ опекунскую контору, пригласивъ туда и Державина. Состоявшееся тутъ опредѣленіе, подписанное всѣми присутствовавшими, онъ отправилъ въ копіи къ князю Щербатову. Положено было сдѣлать укрѣпленіе около опекунскаго провіантскаго магазина, какъ мѣста удобнаго и притомъ важнаго по множеству складеннаго здѣсь хлѣба, и расположить тамъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ Бошняка; остальному же бывшему въ Саратовѣ войску идти на встрѣчу Пугачеву, если онъ направится въ эту сторону. Судя по послѣдующимъ обстоятельствамъ, Бошнякъ уже на этомъ первомъ совѣщаніи былъ другаго мнѣнія, т. е. не считалъ нужнымъ укрѣпляться, но долженъ былъ уступить большинству голосовъ. Лодыжинскій, какъ инженеръ «принялъ на себя трудъ сдѣлать для нужды жителямъ полевое укрѣпленіе». Донося Щербатову о своей поѣздкѣ въ Саратовъ (№ 64),

Державинъ упоминаетъ, впрочемъ только вскользъ, о несогласіи между тамошними командирами и проситъ прислать ордеръ, кому изъ нихъ, въ случаѣ мятежническаго нападенія, быть главнымъ начальникомъ. «Войскъ въ Саратовѣ, писалъ Державинъ, по крайней мѣрѣ полагаю: регулярной пѣхоты 800 человѣкъ, конницы казаковъ толикое же число, включая 200 человѣкъ, стоящихъ на Иргизѣ, которые по ордеру вашего сіятельства теперь въ Сызрань мною командированы. Артиллеріи въ Саратовѣ 4 пушки полевыхъ да городовыхъ чугунныхъ, къ справѣ годныхъ пушекъ 10. Симъ количествомъ людей можно бы, кажется, въ случаѣ хорошее дѣло сдѣлать. Впрочемъ, прибавляетъ Державинъ въ томъ же письмѣ, смѣю донести, что народъ здѣсь отъ Казанскаго несчастія въ страшномъ колебаніи. Должно сказать, что если въ страну сію пойдетъ злодѣй, то нѣтъ надежды никакъ за вѣрность жителей поручиться. По народнымъ слухамъ вижу, что всякой... ждетъ уповаемаго имъ Петра Ѳеодоровича. Милосердіе всемилостивѣйшей нашей Государыни въ грубыхъ сихъ сердцахъ никакъ не дѣйствуетъ. Я наистрожайшія... беру мѣры, но врядъ что успѣть можно будетъ. Нужно кажется уже по ласкахъ и по снисхожденіяхъ, чтобъ присланы были немедленно сюда тѣ изъ винныхъ, надъ которыми была бы совершена здѣсь смертная казнь: авось либо ужаснутся нечаяннаго имъ страшнаго позорища». (Нѣсколькими точками мы означаемъ неразобранныя слова).

«Пребываніе мое съ сихъ поръ наѣздомъ будетъ и въ нужныхъ случаяхъ—въ Малыковкѣ, а впрочемъ въ Саратовѣ: ибо мнѣ хочется, чтобъ тамъ чрезъ досугу мою было всё въ порядкѣ и въ готовности. О начальникѣ Саратовскимъ командирамъ, о присылкѣ ежели можно сюда винныхъ для казни, о склоненіи злодѣя, въ которую сторону онъ стремится теперь, всенижайше прошу ваше сіятельство снабдить меня резолюціею чрезъ сего же посланнаго». Этотъ рапортъ былъ отправленъ Державинымъ съ нарочнымъ 27 іюля уже изъ Малыковки, куда онъ поспѣшилъ, чтобъ и тамъ сдѣлать еще кое-какія распоряженія, особливо же приготовить вооруженныхъ крестьянъ для поимки Пугачева, на случай если онъ будетъ разбитъ подъ Саратовомъ и обратится въ ту сторону. Почти то же самое Державинъ одно-

временно писалъ и Бранту [7]). Что касается до тѣхъ дѣлъ, для которыхъ Державинъ собственно поѣхалъ въ Саратовъ, то по обвиненію тамошнихъ малороссіянъ въ измѣнѣ онъ узналъ, что извѣтъ Попова былъ ложенъ и что доноситель, получивъ въ свою команду отрядъ казаковъ, началъ вмѣстѣ съ ними грабить малороссіянъ; за что и былъ взятъ подъ стражу. Опекунская контора, и по личному настоянію Державина, не дала ему войска «якобы для замѣшательства колонистовъ», писалъ онъ Мансурову (№ 36), «однако и въ томъ ничего важнаго не вижу: это правда, что всемѣстно мысль народная дурна и особливо извѣстіе о несчастіи Казани возмутило сердца». Въ томъ же письмѣ онъ объяснялъ, что по ходу дѣлъ ему теперь кажется не нужнымъ посылать кого-нибудь на Узени стеречь Пугачева и что вообще всякія тайныя распоряженія покуда должны быть оставлены; въ настоящее время мысли Державина обращены на мѣры другаго рода. «Въ Саратовѣ, повторяетъ онъ и здѣсь, возбудилъ я начальниковъ имѣть предосторожности» и потомъ, исчисляя опять Саратовское войско, выражаетъ свои надежды на достаточность этихъ силъ для отраженія Пугачева. Вторая половина рапорта Мансурову приводится здѣсь вполнѣ: «Присланныхъ по повелѣнію вашего превосходительства съ Иргиза казаковъ 200 человѣкъ распорядилъ такимъ образомъ, что сту человѣкъ, подъ командою есаула Бѣлякова, велѣлъ стать на луговой сторонѣ рѣки Волги противъ Сызрани и дѣлать разъѣзды до Самары. А другой сотнѣ стоять въ Малыковкѣ и дѣлать разъѣзды, половинѣ до Сызрани, а другой половинѣ касаться Пензинской провинціи и тамъ съѣзжаться съ учрежденными въ объѣздъ отъ конторы опекунства иностранныхъ колоній казаками. Но сей часъ получилъ я отъ его сіятельства князя Ѳедора Ѳедоровича Щербатова изъ ордера его увѣдомленіе, что злодѣй,

---

7) Вотъ отрывокъ изъ этого письма (№ 90): «Хотя ничего не можно сказать о какомъ либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ чаемаго ими Петра Ѳеодоровича. Внѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случаю открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей Государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни, авось либо незримое здѣсь и страшное го позорище дастъ нѣсколько иныя мысли».

переправясь за Волгу, пробирается чрезъ Цывильскъ и что ваше превосходительство имѣете постъ свой взять въ Сызрани, то уже не остается мнѣ впередъ дѣлать мои распоряженія, я теперь паки скачу въ Саратовъ, чтобъ тамъ разногласіе командировъ соединить и быть готовымъ, ежели злодѣй прольется чрезъ Алатырь въ страну сію, на пораженіе онаго». Къ обстоятельствамъ, которыя, какъ видно изъ этихъ писемъ, предшествовали вторичному выѣзду Державина изъ Малыковки, прибавимъ любопытную черту, заимствуемую изъ одного зачеркнутаго мѣста въ упомянутомъ выше письмѣ къ Бранту [8]). Народъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на мѣры предосторожности, которыя принималъ Державинъ: «послѣ пожару, говоритъ онъ, два раза моя квартира была нарочно зажжена».

Между тѣмъ онъ еще въ Малыковкѣ получилъ важное и лично для него извѣстіе. На сцену дѣйствія являлся новый человѣкъ и въ немъ — еще новый начальникъ для Державина. Это былъ генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго временщика, избранный Императрицей для завѣдыванія обѣими секретными коммисіями: онъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за нѣсколько дней до нашествія Пугачева, и принялъ команду надъ расположенными тамъ войсками [9]), такъ что, по словамъ самого Михельсона [10]), онъ былъ свидѣтелемъ пораженія самозванца подъ Казанью.

Письмо Щербатова, увѣдомляющее Державина о вступленіи Потемкина въ должность, содержитъ и нужныя для насъ свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и движеніяхъ, происходившихъ въ то время, какъ Державинъ неусыпно заботился о встрѣчѣ Пугачева подъ Саратовомъ. Вотъ почему приводимъ весь тотъ ордеръ Щербатова: «Рапорты ваши отъ 12 и 14 іюля до меня дошли исправно; не имѣю я по содержанію ихъ болѣе вамъ предписать, какъ только поблагодарить васъ за хорошія распоряженія ваши, но долженъ васъ увѣдомить, что всѣ обращенныя мною войска сколь ни спѣшили на защищеніе Казани, одна-

8) № 90.
9) Сообщеніе Бранта Щербатову, № LXVII.
10) Въ рапортѣ князю Щербатову № LXVI.

кожъ злодѣй самозванецъ Пугачевъ съ многочисленною толпою злодѣевъ успѣлъ окружить сей городокъ и причинить великой вредъ сожженіемъ большой половины жительства; и уже совершенно погибель сему городу предстояла, но ревностный подполковникъ Михельсонъ отвратилъ оную, поразилъ злодѣя совершенно, причинилъ ему великій уронъ убитыми и плѣнными, и отогналъ отъ города съ такою удачею, что всѣ оставили злодѣя, кромѣ нѣсколькихъ лучшихъ его сообщниковъ, съ которыми онъ опрокинулся за рѣку Волгу на Кокшайскомъ перевозѣ и бѣжитъ теперь за Цывильскъ, къ сторонѣ Курмыша, преслѣдуемъ деташаментами помянутаго подполковника и секундъ-маіора графа Меллина; но сверхъ сего, чтобъ стѣснить его съ другой стороны или встрѣтить, еслибъ онъ въ вашъ краі опрокинулся, спѣшитъ за Волгу подполковникъ Муфель, который у Симбирска переправится, и Пензинской уланской корпусъ, который также перейдетъ оную у устья рѣки Камы. Генералу же маіору Мансурову въ Сызрани постъ свой взять приказалъ.

«Полученные мною въ дорогѣ рапорты ваши съ приложеніями препроводилъ я при сообщеніи моемъ къ генералъ-маіору Потемкину, прибывшему сюда и опредѣленному надъ секретными, Казанской и Оренбургской, коммиссіями непосредственнымъ начальникомъ, а при томъ и возложенное на васъ дѣло покойнымъ еще генералъ-аншефомъ Бибиковымъ предоставилъ я въ полное его вѣдѣніе, поелику всѣ попеченіемъ вашимъ открываемыя дѣла касаются наиболѣе до дѣлъ секретныхъ коммисій. А чтобъ имѣлъ онъ совершенное понятіе, на какомъ основаніи вы туда отправлены и какимъ образомъ производство дѣла совершать должны, то отдалъ ему и данное вамъ отъ покойнаго наставленіе. Почему отъ сего времени имѣете уже вы доставлять прямо къ нему обо всемъ рапорты ваши, равнымъ образомъ и требовать его повелѣній. Объ одномъ только васъ прошу, что еслибъ что нибудь открылось вамъ нужное къ предосторожности команды моей войскъ, то или тѣмъ командамъ воинскимъ, которымъ бы ближе и скорѣе предуспѣть въ отвращеніе того можно было, или прямо ко мнѣ доставлять о томъ извѣстіе. Впрочемъ не оставилъ я по долгу моему отдать вамъ предъ симъ генераломъ

справедливость въ похвальномъ исправленіи порученной вамъ должности» (№ LXXIV).

Въ тотъ же день Державинъ получилъ ордеръ и отъ самого Потемкина, который, увѣдомляя его о своемъ назначеніи, писалъ въ заключеніи: «почему я вамъ рекомендую, чтобъ вы о сей препорученной вамъ коммисіи, на какомъ оная основаніи вамъ ввѣрена и какіе вы по оной сдѣлали успѣхи, дали мнѣ знать какъ наискорѣе (№ LXXV). [1])

Кажется, Державинъ получилъ это приказаніе тогда, когда уже былъ совершенно готовъ къ вторичному отъѣзду въ Саратовъ, и потому онъ отложилъ свой отвѣтъ. Теперь Державинъ ѣхалъ въ Саратовъ для того, какъ самъ онъ писалъ Мансурову, чтобъ «согласить тамошнихъ начальниковъ», т. е. чтобы личнымъ присутствіемъ вѣрнѣе достигнуть исполненія того опредѣленія, о которомъ писалъ князю Щербатову, Бранту и Мансурову, какъ о результатѣ своихъ стараній. Онъ предполагалъ, что оно приводится уже въ дѣйствіе, но полученныя имъ изъ Саратова письма открыли ему глаза [2]). Каково же было негодованіе настойчиваго офицера, когда онъ, по пріѣздѣ въ Саратовъ, 30-го іюля, удостовѣрился, что Бошнякъ рѣшительно отказался отъ исполненія того, что принято было на совѣтѣ 24-го числа. Въ пылу гнѣва и досады Державинъ въ тотъ же день написалъ къ Бошняку рѣзкое письмо, уже извѣстное изъ приложеній къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», составленной Пушкинымъ. Изъ этого письма видно, что послѣ отъѣзда Державина изъ Саратова Бошнякъ написалъ въ контору опекунства колонистовъ, что онъ на постройку предположеннаго укрѣпленія не согласенъ, потому что мѣсто, для этого назначенное, лежитъ внѣ города, онъ же комендантъ не считаетъ себя вправѣ покинуть ввѣренную ему крѣпость; вмѣсто того

---

1) Въ своихъ Запискахъ (стр. 78) Державинъ говоритъ, что этотъ ордеръ былъ полученъ имъ еще въ Саратовѣ и что онъ поспѣшилъ назадъ въ Малыковку, гдѣ были всѣ его бумаги, именно для того, чтобы скорѣе исполнить приказаніе новаго начальника; но тутъ, кажется, память измѣнила Державину, потому-что на ордерѣ Потемкина надпись: получено 28 іюля; изъ писемъ же Державина къ Щербатову и Бранту, писанныхъ 27-го, видно, что онъ уже тогда былъ въ Малыковкѣ.

2) Письма Новосильцова и Свербѣева отъ 26 іюля, № 60 (Частн. переп.).

Бошнякъ предполагалъ сдѣлать валъ въ другомъ мѣстѣ. Державинъ въ письмѣ къ Бошняку старается поразить своего противниками всевозможными доводами. Сначала онъ приводитъ данное ему полномочіе, по которому всѣ требованія его должны исполняться, потомъ напоминаетъ состоявшееся опредѣленіе, подписанное всѣми участвовавшими въ совѣщаніи, и выставляетъ при этомъ съ одной стороны авторитетъ Лодыжинскаго, какъ инженернаго штабъ-офицера, а съ другой незнакомство Бошняка съ военною архитектурой; далѣе онъ осуждаетъ мѣсто, избранное Бошнякомъ для вала, и доказываетъ, что мысль объ обязанности коменданта не покидать своего города справедлива только тогда, когда это городъ укрѣпленный и имѣющій все нужное, а не тогда, когда дѣло идетъ о развалинахъ или пустырѣ (Саратовъ въ маѣ мѣсяцѣ выгорѣлъ). Наконецъ Державинъ хочетъ устрашить Бошняка угрозою, что онъ обо всемъ этомъ напишетъ новому начальнику своему П. С. Потемкину. Для полноты нашего обозрѣнія приводимъ цѣликомъ и самое письмо Державина:

«Высокоблагородный и высокопочтенный г. города Саратова комендантъ и правящій въ ономъ городѣ воеводскую должность, милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство, г. Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то чрезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія по секретной коммисіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16-го числа пріѣхалъ я въ Саратовъ и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24-го числа, при общемъ собраніи нашемъ въ конторѣ опекунства иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ найденномъ за способное его высокородіемъ г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ инженер-

номъ корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30-го числа, прибывъ я паки въ Саратовъ, не токмо по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего конторѣ опекунства иностранныхъ вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились, и ретраншамента, прожектированнаго его высокородіемъ статскимъ совѣтникомъ М. М. Лодыжинскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности, лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и сильною артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы яко комендантъ — города и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностями къ защищенію оной; а ежели всего онаго она не имѣетъ, такъ-какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ онъ непремѣнно находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншаментѣ, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣю; то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искуства, лучше сдѣлать укрѣпленіе хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конеч-

но должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, утвари же церковныя въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можно. На сіе все прошу вашего высокоблагородія скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ для донесенія его превосходительству г. генералъ-маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей Ея Величества власти, присланному нынѣ по коммисіи бунтовщика Пугачева имяннымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ. Мы же находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вашему народу дѣлать прожектированное г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились» (№ 81).

Отвѣта Бошняка, къ сожалѣнію, нѣтъ въ разсматриваемыхъ нами бумагахъ; но изъ послѣдующаго письма Державина видно, что Бошнякъ прислалъ къ нему ордеръ, въ свое время полученный отъ Кречетникова относительно посылки Державина на Иргизъ и изъ котораго-де не видно, чтобъ вліяніе послѣдняго могло сколько бы ни было распространяться на другія мѣстности. На это Державинъ отвѣчалъ, что Кречетниковъ упустилъ изъ виду особое письмо, которымъ Бибиковъ просилъ оказывать всякое содѣйствіе Державину. «Сего августа 3-го, писалъ онъ, сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру его превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генералъ-маіоръ и кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему его высокопревосходительство покойный г. генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія я посланъ въ сію область и ему предписано было во всѣхъ моихъ прось-

бахъ вспомоществовать. Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей коммисіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду, то апробовано отъ вышнихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, его превосходительству поднесть можете» (№ 20) [3]).

Но не упреждая событій, мы должны еще разсказать, что происходило до 3-го августа, когда было написано это письмо. Державинъ не разъ напоминалъ Бошняку и словесно, въ присутствіи, о необходимости исполнить извѣстное опредѣленіе. Не видя успѣха, онъ обо всемъ этомъ написалъ Потемкину, отъ котораго между тѣмъ получилъ 1-го августа собственноручное лестное письмо (№ 98), предвѣщавшее ему самыя пріятныя отношенія и съ этимъ новымъ начальникомъ [4]). Вотъ оно: «Я уже предварялъ васъ предъ симъ, что по высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію присланъ я для секретныхъ дѣлъ съ непосредственною властію и довѣренностію, въ слѣдствіе чего получилъ я отъ генералъ-поручика и кавалера князя Щербатова всѣ дѣла, вами произведенныя. Разсматривая ихъ, съ особливымъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ не лестно скажу, что таковый помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ Казань. И такъ во первыхъ начну я писать къ вамъ, что всего нужнѣе. Вы безъ сомнѣнія извѣстны о жалостномъ происшествіи съ Казанью, но по счастію потомъ злодѣй и врагъ общій Пугачевъ двоекратно разбитъ, но послѣдній разъ разбитъ совершенно, такъ что съ самымъ малымъ числомъ ушелъ. Видно, однакожъ, что провидѣніе терпитъ еще злодѣйству сего варвара, ибо онъ могъ спастись, перебраться за Волгу; въ слѣдъ за злодѣемъ посланы два деташамента: первый подъ командою маіора графа Меллина, второй подъ командою подполковника Михельсона. Послѣднему

3) И это письмо уже было напечатано Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ «Исторіи Пуг. бунта».

4) Потемкинъ писалъ собственной рукой всѣ письма къ Державину.

приказано отрѣзать злодѣя отъ Московской стороны, а первому въ слѣдъ настигать его, поражать. Между тѣмъ есть извѣстіе, что подполковникъ Муфель идетъ отъ Симбирска съ третьей стороны. Все сіе даетъ надежду, что злодѣя они конечно не допустятъ дѣлать новыя варварства. Мы не знаемъ прямо, куда стремится мысль злодѣя, но если ревностное усердіе къ пользѣ отечества будетъ всѣхъ трехъ единодушно, то уповательно, что конецъ будетъ благъ: а какъ по таковымъ обстоятельствамъ можетъ быть принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой Монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя. Не щадите ни трудовъ, ни денегъ: 20 т. и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, разорителя государственнаго представить. Увѣдомляйте меня чаще какъ возможно, какіе объ немъ слухи есть въ вашей сторонѣ. Здѣсь многіе думаютъ, что онъ пробирается на Донъ, но я не думаю; а думаю, что естьли не усилитъ онъ своей толпы, то пойдетъ или на Яикъ, или къ вамъ. За лишнее почитаю подтверждать вамъ, что трудъ вашъ будетъ имѣть должное воздаяніе: вы извѣстны, что Ея Императорское Величество прозорлива и милостива, а по мѣрѣ и важности дѣлъ вашихъ, будучи посредникъ дѣлъ, не упущу я ничего представлять Ея Величеству съ достойной справедливостью, и могу удостовѣрить васъ, что хотя не имѣлъ случая васъ знать, но видя дѣла ваши, съ совершеннымъ признаніемъ пребываю вашего высокоблагородія государя моего искренній слуга». Къ письму этому была приписка: «При нападеніи на Казань отъ злодѣя и самозванца выпущены были всѣ колодники секретной экспедиціи, а въ томъ числѣ и Филаретъ[5]), который вамъ столь извѣстенъ; постарайтесь развѣдать, не прибудетъ ли онъ въ свое жилище, и его доставить сюда».

Между тѣмъ и Щербатовъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ на

---

5) О Филаретѣ см. выше.

посланное съ нарочнымъ увѣдомленіе Державина о рѣшеніи укрѣпить Саратовъ и о необходимости поставить надъ тамошними командирами одного начальника. Вотъ что писалъ Щербатовъ (№ 76): «Рапортъ вашъ отъ 27-го сего мѣсяца (т. е. іюля) доставленъ до меня исправно; всѣ ваши хвальныя распоряженія усугубляютъ мое къ вамъ почтеніе. Спѣшу къ вамъ возвратить посланнаго отъ васъ, ссылаясь на отправленное послѣднее мое извѣщаніе (sic), будучи увѣренъ, что не только вы при теперешнихъ обстоятельствахъ возмете всѣ предосторожности, но и поощрите господъ командующихъ въ Саратовѣ на всякое усердное къ отечеству дѣло, а къ сему не оставитъ употребить всѣ возможности и прибывшій думаю уже въ сіе время въ Сызрань г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, къ которому, яко старшему въ томъ краю военноначальнику, вы и господа Саратовскіе начальники адресоваться можете, о чемъ имъ отъ себя и сообщите, съ тѣмъ, чтобъ по его требованіямъ содѣйствовали.»

Бошнякъ оставался непреклоненъ. «Наконецъ, пишетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, по сильномъ убѣжденіи бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, рѣшился онъ на пожарищѣ г. Саратова, хотя на мѣстѣ неудобномъ, которымъ командовали горы, сдѣлать укрѣпленіе. Сіе было сегодня, а завтра онъ другія взялъ мысли и объявилъ, что онъ для эспланады никакъ нѣкоторыхъ начавшихся послѣ пожару строеній ломать и слѣдовательно укрѣпленія дѣлать не будетъ, ибо де жители ропщутъ». Нѣтъ сомнянія, что подъ словомъ *сегодня* должно здѣсь разумѣть 2-е августа: ибо на другой день Державинъ писалъ въ Саратовскій магистратъ: «Сверхъ присяжной своей къ всемилостивѣйшей Государынѣ должности, Саратовскій магистратъ, по нынѣшнимъ мятежнымъ обстоятельствамъ отъ разбойника Пугачева, подписался, подъ смертною казнію, быть поспѣшнымъ къ ревностной Ея Императорскаго Величества службѣ, почему подпискою уже своею и обязался съ 1-го августа давать на дѣланіе ретраншамента употреблять всѣ свои силы, довольное число работниковъ, и работать оный день и ночь, а сего августа 3 дня, какъ то явно оказалось, что по многимъ посылкамъ работниковъ не было и производство ретраншаманта остановилось, то для чего и по какой причинѣ

воспослѣдовало оное, Саратовскій магистратъ да пришлетъ отвѣтъ» (№ 21). «Чтобъ узнать дѣйствительный образъ мыслей гражданъ, прибавляетъ Державинъ въ своемъ первоначальномъ журналѣ, вошелъ я въ магистратъ и велѣлъ записать въ журналъ, что ежели кто покажетъ недоброхотство на то, что для пользы пріемлется общества, тотъ въ обстоятельствахъ толь критическихъ будетъ признанъ за подозрительнаго и скованный отошлется въ секретную коммисію. Граждане на сіе тотчасъ собралися и день одинъ производилася работа назначеннаго около провіантскихъ магазиновъ ретраншамента. Однакожъ на другой день комендантъ, по непреклонности своей на согласіе, призвавъ полиціймейстера, приказалъ объявить жителямъ, что они на работу не наряжаются, а ежели кто хочетъ, тотъ изъ своей собственной воли шелъ бы. Народъ легкомысленный радъ былъ таковой понуровкѣ, а изъ сего произошла колебленность мыслей и прочія дурныя разгласки и работа совсѣмъ остановилась. Зачинщиковъ изъ подлаго народа, показующихъ недоброхотство къ высокой службѣ всемилостивѣйшей Государынѣ, требовалъ я отъ воеводской канцеляріи по силѣ секретной коммисіи, однако они не были присланы. Ежели сообщеніе мое воеводской канцеляріи цѣло, то и имена ихъ извѣстны» [6]).

Описанное здѣсь прекращеніе работъ и подало Державину поводъ 3 августа послать въ Саратовскій магистратъ приведенную уже бумагу.

Между тѣмъ Пугачевъ, разбитый подъ Казанью и преслѣдуемый Михельсономъ, шелъ на югъ опустошительнымъ ураганомъ. Никогда еще его злодѣйства не были такъ многочисленны и ужасны. Города сдавались ему одинъ за другимъ и устрашенные жители встрѣчали его съ покорностью. Въ Саратовѣ распространился слухъ, что изъ Алатыря онъ пошелъ на Пензу и также занялъ ее, и что онъ уже около Петровска, отъ котораго до Саратова только 140 верстъ. Державинъ, желая помѣшать Пугачеву овладѣть Петровскомъ и усилиться бывшими тамъ пушками и порохомъ, рѣшился идти на встрѣчу ему съ

6) Послѣдняя фраза впослѣдствіи зачеркнута Державинымъ. Ср. его Записки, стр. 82.

сотнею Донскихъ казаковъ. Это было 4 августа. Въ ночь передъ выступленіемъ написалъ онъ слѣдующій приказъ одному изъ своихъ повѣренныхъ, Герасимову (№ 60): «Наиприлежнѣйше стараться согласить къ единодушію усердныхъ охотниковъ [7]), какъ быть въ толпѣ злодѣйской для искорененія его, такъ для присмотру въ тайныхъ мѣстахъ на Иргизѣ разставить лазутчиковъ и прочему народу внушать, чтобъ были готовы на пораженіе злодѣя, а онъ уже въ Пензѣ. Деньги, ежели надобны, возьми у Серебрякова, а тѣхъ не станетъ, требуй у управителя Шишковскаго, въ которыхъ дамъ ему ордеръ и росписку; теперь отправляюся въ Петровскъ».

Тогда же, сбираясь въ походъ, Державинъ отправилъ такой рапортъ П. С. Потемкину (№ 65): «Злодѣй 1 числа августа вступилъ въ Пензу, но въ коликомъ числѣ, неизвѣстно. Ежели слухамъ вѣрить, то ихъ паки огромное скопище. Сейчасъ со стомя человѣками казаковъ отправляюсь я самъ въ Петровскъ, какъ для забранія пушекъ, пороху, чтобъ не достались въ руки злодѣямъ, такъ для поданія образа Саратовскимъ войскамъ, но паче для усмиренія взбунтовавшихся жителей. Я и въ Саратовѣ тогожъ боюсь, хотя мои подписки, публикаціи и прочія учрежденія принимаютъ успѣхи и жители съ радостію принимаются за оружіе. Но комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряжалъ ихъ полиціймейстеръ на работу ретраншамента; а какъ хотятъ де они сами; чрезъ то чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ. Потому ретраншаментъ худо успѣваетъ; а для сего врядъ ли скоро выжить команды отсель на отраженіе злодѣя, чтобъ не прелазилъ Волгу. Его превосходительство Павелъ Дмитріевичь Мансуровъ отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца изволилъ писать ко мнѣ, что онъ изъ Яика не выступалъ. О г. фонъ-Дицѣ достовѣрное извѣстіе есть, что онъ изъ Царицына не выступилъ же. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ и въ своемъ маршѣ имѣлъ въ примѣчаніи рѣку Медвѣдицу, яко начало Донскихъ

---

7) Здѣсь разумѣется преимущественно Былинкинъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

станицъ, чтобъ иногда злодѣй не прокрался на Донъ; о г. Муфелѣ извѣстія нѣтъ. Прочіе также наши деташаменты гдѣ, не знаю. Подъ смертною казнію приказалъ я суда съ нагорной стороны свесть и затопить ихъ въ водѣ отъ Саратова до Сызрани. Кажется, всѣ беру мѣры, но не стаетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять за препятствіемъ разныхъ мнѣній. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобоношенію его. Прикажите подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы при соотвѣтствованіи усердію моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то кажется, на что бъ я не пустился, къ службѣ моему отечеству и моей всемилостивѣйшей Императрицѣ. Злодѣй въ Пензѣ, какъ слышно, взялъ довольно пороху и пушекъ, да болѣе 200 т. казенныхъ денегъ. Вотъ ему помощь еще производить злодѣянія его. Мы его покупаемъ за 20 т., а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200 т. Я къ тому докладываю сіе, что деньги нужны». Изъ послѣдующаго зачеркнутаго мѣста можно только разобрать, что Державинъ сбирался просить у Потемкина денегъ на расходы, которыхъ должность его безпрестанно требовала, и что онъ встрѣчалъ затрудненія въ полученіи средствъ отъ мѣстныхъ властей.

Въ Петровскѣ не было принято никакихъ мѣръ для отраженія Пугачева: успѣли только вывезти казну въ Сызрань. Малочисленные жители не смѣли и думать о сопротивленіи.

Пушкинъ въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» уже познакомилъ насъ съ нѣкоторыми подробностями экспедиціи Державина подъ Петровскъ. Вѣрность разсказа Пушкина въ главныхъ чертахъ подтверждается словами самого Державина въ его Запискахъ. Но теперь мы имѣемъ еще гораздо подробнѣйшій отчетъ объ этой экспедиціи въ рапортѣ Державина Потемкину, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ на другой же день или, вѣрнѣе, въ ночь на 5 августа изъ слободы Покровской.

Припомнимъ напередъ то, что говоритъ Державинъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ походу. Къ нему присоединился жившій въ колоніяхъ, въ качествѣ крейсъ-коммисара

ихъ, бывшій подполковникъ польской службы Ѳедоръ Гогель. Въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ, Державину явилось видѣніе, когда онъ, стоя среди комнаты въ квартирѣ своей, разговаривалъ съ Лодыжинскимъ и еще съ двумя другими лицами. «Взглянувъ нечаянно въ маленькое боковое крестьянское окно, онъ увидѣлъ выставившуюся (въ него) голову остова, бѣлую, будто изъ тумана составленную, которая вытараща глаза, казалось, хлопала зубами». Хотя онъ и принялъ это за дурное предзнаменованіе, однако не отложилъ своей экспедиціи и никому не сказалъ о видѣніи, чтобъ не возбудить еще бо̀льшихъ опасеній. Самый походъ онъ описываетъ такимъ образомъ въ упомянутомъ рапортѣ Потемкину (№ 56): «Какъ я послѣднимъ рапортомъ моимъ вашему превосходительству доносилъ, что со ста человѣками Донскими казаками предпріялъ достовѣрное взять о злодѣяхъ свѣдѣніе, такъ и окончить тѣмъ нерѣшимость господъ Саратовскихъ начальниковъ. 4 поѣхалъ я въ Петровскъ, около котораго злодѣи были; не доѣзжая 15 верстъ, встрѣтился мнѣ посыланной курьеръ отъ Саратовскаго коменданта, который везъ извѣстіе, что злодѣй въ 30 верстахъ отъ города, и что будутъ въ немъ ночевать. Услышавши сіе, хотѣлъ я ускорить» (т. е. упредить)» пришествіе злодѣйское, и находящіяся тамъ пушки, ежели нельзя будетъ увезть, то заклепать и порохъ затопить. Отъѣхавъ еще пять верстъ, встрѣтилъ мужика, который по разспросамъ сказалъ, что злодѣй въ 5 верстахъ дѣйствительно отъ Петровска. Тутъ я остановился и хотѣлъ возвратить казаковъ, которые прикрывали мой путь, но бывшій со мною изъ доброй воли своей, Польской службы г. маіоръ Гогель, поотважился еще ѣхать и дѣйствительно развѣдать: въ коликомъ числѣ мятежниковъ полчище находится. Я ему сіе позволилъ, а самъ остановился. Онъ, поѣхавши къ казакамъ, о которыхъ, какъ я выше сказалъ, что они впереди насъ были, приказалъ четыремъ человѣкамъ ѣхать впередъ себя, которые поѣхавъ, не возвращались; наконецъ, нѣсколько спустя, возвратились двое; на вопросъ, гдѣ были? сказали они: у Пугачева, который уже въѣхалъ въ Петровскъ; что дѣлали? такъ. Тутъ и прочіе сказали есаулу своему, что де имъ все равно, кому ни служить и мы де туда поѣдемъ. На уговариваніе ихъ, есаула хотѣли зако-

лоть, а между тѣмъ г. маіоръ Гогель, примѣтя, что они хотятъ его схватить, отъ нихъ удалился. Есаулъ, чтобъ отъ нихъ вырваться, обольстя сказалъ имъ: ну ребята, когда не слушаетесь вы меня, то и я съ вами согласенъ; только дайте мнѣ офицеровъ попридержать или я ихъ заколю. Они его отпустили, а онъ, прискакавъ, сказалъ, чтобъ спасались. Скакавъ за нами 10 верстъ, не могли насъ догнать, только собственнаго моего гусара ухватили». Такимъ образомъ Державинъ, который такъ давно мечталъ о поимкѣ Пугачева и, вѣроятно, при этомъ походѣ втайнѣ питалъ ту же надежду, едва самъ не попался въ руки самозванца. Разсматривая поведеніе Державина въ этомъ случаѣ, нельзя отказать ему въ храбрости, похожей даже на безразсудную отвагу, если сравнить незначительный отрядъ его съ силами Пугачева, составлявшими нѣсколько тысячъ.

Державинъ и Гогель спаслись бѣгствомъ, но что же было имъ дѣлать, когда отрядъ ихъ передался непріятелю и они передъ огромной шайкой остались почти самъ-другъ? Державинъ былъ уже второй писатель Русскій, исторгнутый судьбою изъ рукъ Пугачева: первый былъ Крыловъ, отецъ котораго участвовалъ въ оборонѣ Яицкаго городка и который едва не сдѣлался со всѣмъ своимъ семействомъ жертвой неистоваго гнѣва самозванца. Несчастнѣе былъ академикъ Ловицъ, который нѣсколько времени послѣ встрѣчи Державина съ Пугачевымъ дѣйствительно попалъ въ руки самозванца и погибъ на висѣлицѣ [8]). По возвращеніи въ Саратовъ, Державинъ не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій для отпора Пугачеву и кончилъ тѣмъ, что оставилъ городъ, не дождавшись нападенія. Въ сво-

---

8) При распространеніи бунта путешествовавшіе академики призывались назадъ въ Петербургъ. Другіе поспѣшили возвратиться; но Ловицъ и адъюнктъ Иноходцевъ хотѣли напередъ кончить свое дѣло. При приближеніи Пугачева они зарыли въ землю свои бумаги; Иноходцевъ успѣлъ бѣжать и спасъ часть бумагъ. О смерти Ловица сохранилось письмо Иноходцева. Они были изъ числа астрономовъ, посланныхъ въ Оренбургъ, Орскъ, Якутскъ и др. мѣста, и занимались нивеллированіемъ между Дономъ и Волгою. (Сарат. Губ. Вѣд. 1846, № 31). Присоединимъ къ этому свѣдѣніе еще о двухъ ученыхъ, испытавшихъ на себѣ дѣйствіе Пугачевскаго бунта. При разореніи Казани убитъ былъ директоръ гимназіи Каницъ, который съ учениками пошелъ на защиту города. Въ Оренбургѣ, во время осады его и происшедшаго отъ нея голода, находился академикъ Рычковъ: по его предложенію стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы (Ист. Пуг. бунта гл. IV).

ихъ Запискахъ онъ старается оправдать этотъ поступокъ преимущественно двумя обстоятельствами: въ 1-хъ тѣмъ, что еще за нѣсколько дней до похода подъ Петровскъ Бошнякъ сообщилъ ему ордеръ Астраханскаго губернатора, чтобъ Державинъ, если при немъ есть вооруженный отрядъ, не оставался въ Саратовѣ, а отправлялся бы на Иргизъ, и во 2-хъ полученнымъ отъ Герасимова письменнымъ увѣдомленіемъ, что собранные по повелѣнію Державина и подходившіе къ Саратову Малыковскіе крестьяне, услышавъ объ измѣнѣ казаковъ подъ Петровскомъ, не хотѣли идти далѣе и требовали, чтобъ Державинъ, если онъ еще живъ, самъ пріѣхалъ къ нимъ и повелъ ихъ въ городъ. Хотя ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь двухъ документовъ нѣтъ въ въ бумагахъ Державина, однакожъ мы не можемъ сомнѣваться, что они существовали, ибо въ оправдательномъ рапортѣ его къ графу П. И. Панину, который въ послѣдствіи требовалъ у него отчета въ оставленіи Саратова, они показаны въ числѣ приложеній подъ №№ 12 и 13. Противъ этихъ оправданій можно замѣтить только то, что мы не находимъ ихъ въ рапортѣ къ П. С. Потемкину, писанномъ вскорѣ послѣ событія; но надо принять въ соображеніе, что тогда Державинъ и не имѣлъ еще повода оправдываться: онъ проситъ только Потемкина не вмѣнить ему въ малодушіе, что онъ оставилъ Саратовъ. Слова, что онъ послалъ Малыковскимъ крестьянамъ приказаніе спѣшить къ городу, только подтверждаютъ сказанное въ Запискахъ о полученномъ насчетъ ихъ извѣстіи, хотя съ другой стороны открывается, что Державинъ не рѣшился самъ идти на встрѣчу имъ, о чемъ онъ подробнѣе говоритъ въ Запискахъ. Но объ этомъ послѣ, а теперь посмотримъ, какъ доноситъ онъ Потемкину о своемъ отъѣздѣ изъ Саратова въ томъ же рапортѣ, изъ котораго мы уже привели описаніе похода подъ Петровскъ (№ 56): «Пріѣхавъ въ Саратовъ», говоритъ онъ, «нашелъ паки нерѣшимыми господъ начальниковъ. Не токмо у нихъ начатое укрѣпленіе для казеннаго имущества и для жителей не было сдѣлано, но ниже никакой готовности не предвидѣлось. Съ самой зари по самой вечеръ, какіе пустые совѣты, какія разногласія были, что описать не можно, всѣ пришли въ робость, не знали что дѣлать. Комендантъ то то предпринималъ, то другое,

наконецъ, уже отдавшимся на его волю, поставилъ онъ свою и артиллерійскую команду въ такое мѣсто, что ежели бы вашему превосходительству сдѣлать описаніе, то бы вы и всякой благоразумной согласился, что явною всѣмъ была бы жертвою. Наконецъ штабъ-офицеры и баталіонные сказали мнѣ, что въ городскихъ пушкахъ закачены ядры. На вопросъ нашъ комендантъ сказалъ, что это пушкари играли и не нарочно закатили такъ крѣпко, что вытащить ихъ не можно. Словомъ сказать вашему превосходительству, я не знаю, что заключить о сихъ приключеніяхъ. Все было отлагаемо, все нерѣшимо, все въ безпорядкѣ, все вмѣнялось въ безопасность, и словомъ, ежелибъ я не поѣхалъ самъ развѣдывать, то уповаю, что мы и не свѣдали (бы) какъ насъ передушили. Я боюсь подумать о какомъ предательствѣ. Но такая странность принудила меня дать совѣтъ артиллерійскимъ, которыхъ 300 человѣкъ было, чтобъ они своими силами старались поражать злодѣевъ. Казаковъ у нихъ осталось только 40 человѣкъ. Они выступили въ походъ, а я, не злодѣевъ, но толь странныхъ безпорядковъ ужасаясь, переѣхалъ на другую сторону рѣки Волги, пославъ отъ себя, чтобъ поспѣшали отъ меня изготовленные Малыковскіе хотя вмѣсто конницы тысячи до полторы жителей, ибо Донскіе казаки послѣ ста человѣкъ еще дезертируютъ. Что будетъ, не умѣю вамъ донесть. Истинно ваше превосходительство, не причтите мнѣ въ слабость духа, что я долженъ былъ оставить театръ неудобопонятнаго мнѣ зрѣлища. Всѣмъ городомъ свидѣтельствуюсь, сколько было моего раченія. Дай Боже, чтобъ поражены были злодѣи, и я ожидаю непонятной судьбины[9]). Ежели не удастся, то зло разсвирѣпствуетъ въ странѣ здѣшней, тѣмъ паче что ни объ одномъ человѣкѣ господъ нашихъ надъ деташаментами командировъ слуху нѣтъ. Какъ вѣрный сынъ отечества, радуюсь съ Портою полезному миру, но паче желаю, чтобъ ваше превосходительство были счастливы и умирили злобу внутренняго раздора и погибъ бы Пугачевъ». (8 августа. Слобода Покровская).

Какъ судить объ отъѣздѣ Державина изъ Саратова часовъ

---

9) Тутъ сверху приписано еще нѣсколько словъ, которыхъ нельзя разобрать.

за 15 до прихода непріятеля? Мѣры, которыя онъ считалъ необходимыми для безопасности города, были отвергнуты комендантомъ, не смотря на всѣ настоянія Державина и на то, что высшіе начальники, Щербатовъ, Голицынъ и Потемкинъ, одобряли его предположенія (на одномъ изъ совѣщаній онъ прочиталъ коменданту бумагу [№ XCVIII ?], полученную отъ Потемкина). Притомъ и Лодыжинскій, служившій прежде по инженерней части и, слѣдовательно, болѣе свѣдущій въ этомъ дѣлѣ нежели Бошнякъ, былъ одного мнѣнія съ Державинымъ. Храбростъ свою послѣдній достаточно доказалъ, вызвавшись идти съ небольшимъ отрядомъ подъ Петровскъ на встрѣчу Пугачеву тогда, когда губернаторъ Кречетниковъ требовалъ его удаленія изъ Саратова. Теперь же, предвидя неминуемую гибель города вслѣдствіе упорства Бошняка, Державинъ и Лодыжинскій имѣли, кажется, полное право оставить заблаговременно Саратовъ. Они такъ и сдѣлали. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, по какимъ соображеніямъ дѣйствовалъ Бошнякъ: думалъ ли онъ, что въ укрѣпленіи труднѣе, нежели въ открытомъ полѣ отразить Пугачева, или надѣялся, какъ говоритъ Лодыжинскій, что Пугачевъ не пойдетъ на Саратовъ ([10]). Во всякомъ случаѣ событіе оправдало предвидѣніе Державина и едва ли его присутствіе въ этомъ городѣ послужило бы къ чему нибудь. Съ другой стороны онъ, который насилу ускользнулъ отъ Пугачева передъ Петровскомъ, имѣлъ особенную причину опасаться мщенія его. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что ни одна изъ бумагъ, писанныхъ Бошнякомъ къ Державину, не сохранилась, можетъ быть, оттого, что Державинъ въ подлинникѣ отправлялъ ихъ къ своимъ начальникамъ, такъ же какъ онъ поступалъ прежде съ бумагами Кречетникова и Тишина. Изъ всего происшедшаго въ это время въ Саратовѣ можно заключить, что между двумя бывшими тамъ начальниками и прежде не было согласія, и что когда являлись новыя лица, то по необходимости образовывались партіи: такъ Кречетниковъ, находясь въ этомъ городѣ, былъ на сторонѣ Бошняка, а Державинъ примкнулъ къ Лодыжинскому. Поэтому не-

10) Это послѣднее предположеніе оправдывается частными письмами П. И. Новосильцова и Н. Я. Свербѣева къ Державину отъ 28 іюля (№ 60).

удивительно, что въ одномъ донесеніи Кречетникова, который и безъ того, какъ мы видѣли, не жаловалъ Державина, находимъ слѣдующее свидѣтельство: «Онъ губернаторъ изъ всѣхъ сношеніевъ, бывшихъ у стат. совѣтника Лодыжинскаго съ Саратовскимъ комендантомъ, видитъ, что Лодыжинскій и Державинъ не только съ нимъ въ наилучшей оборонѣ не согласовали и производили споръ; но и другихъ штабъ-офицеровъ и купцовъ отъ послушанія его отвратили, а Державинъ въ собраніи всячески его ругалъ и поносилъ безчестными словами, намѣреваясь яко осужденнаго арестовать (1)». Мы нисколько не оправдываемъ Державина въ тонѣ его сношеній съ Бошнякомъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ спорѣ съ своимъ противникомъ слишкомъ далеко увлекался своею настойчивостью: лучшее доказательство тому — письмо его къ Бошняку, напечатанное Пушкинымъ и приведенное уже нами. Но справедливо и то, что онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и что когда поступлено было наперекоръ ему, то онъ не обязанъ былъ оставаться въ Саратовѣ на вѣрную смерть. Другое было бы дѣло, еслибъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ и присланъ былъ въ этотъ городъ для участія въ оборонѣ его вооруженною рукою, но не таково было вообще назначеніе Державина во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Въ Саратовъ же прибылъ онъ добровольно съ тѣмъ, чтобы способствовать къ приведенію въ дѣйствіе общаго опредѣленія мѣстныхъ властей о мѣрахъ къ защитѣ города. Поэтому едва ли правъ былъ въ послѣдствіи П. И. Панинъ, утверждая, что Державинъ за свои дѣйствія могъ бы опасаться военнаво суда. Впрочемъ ниже приведено будетъ въ цѣлости подробное оправданіе самого Державина передъ этимъ начальникомъ въ оставленіи Саратова.

Событія въ Саратовѣ 5 и 6-го августа убѣдительно доказали непредусмотрительность Бошняка. 5-го вечеромъ Пугачевъ въ

---

1) Выписка изъ актовъ, хранящихся въ кабинетѣ Е. И. В., которою мы обязаны профессору С. М. Соловьеву. Державинъ и самъ въ своихъ Запискахъ (стр. 99) разсказываетъ, какъ графъ Панинъ дѣлалъ ему выговоръ за то между прочимъ, «что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей городъ злодѣевъ, обходился неуважительно и даже въ одинъ разъ выгналъ его отъ себя».

значительныхъ силахъ подошелъ къ Саратову: по словамъ Пушкина, войско его состояло изъ 300 Яицкихъ казаковъ и 150 Донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до 10-ти калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Послѣ стычки, бывшей передъ самымъ городомъ и скоро прекратившейся съ наступленіемъ ночи, Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, съ которой невозможно было сбить непріятеля. Если вѣрить Лодыжинскому, Бошнякъ расположилъ свое войско самымъ невыгоднымъ образомъ, между двумя валами противъ Соколовой горы, и тѣмъ подвергъ его непріятельскому огню, такъ что оно не могло дѣйствовать: казаки, гарнизонъ, купечество начали въ глазахъ коменданта передаваться Пугачеву, а наконецъ и всѣ артиллеристы разбѣжались. Что касается самого Бошняка, то по разсказу Пушкина онъ рѣшился продраться сквозь мятежниковъ и, выступивъ изъ крѣпости съ 60 человѣками офицеровъ и солдатъ, шелъ цѣлые 6 часовъ сряду, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы. Въ офиціальной исторіи Пугачева (Пол. С. Зак. XIX, 14, 230) сказано: «Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ 50 человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и прибылъ въ Царицынъ». Но странно, что это извѣстіе не подтверждается мѣстными свидѣтельствами. Въ статьѣ г. Леопольдова о нашествіи Пугачева на Саратовскій край, напечатанной въ тамошнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. № 29, сказано только: «Бошнякъ, оставшійся вѣрнымъ съ горстью гарнизона, видѣлъ, что нельзя спасти города и отплылъ внизъ по Волгѣ, оставивъ городъ на произволъ судьбы и увезши съ собою въ Царицынъ казну и канцелярскія дѣла [2]). Городъ совершенно осиротѣлъ. Между тѣмъ мятежникъ съ горы стрѣлялъ въ городъ изъ пушекъ». Съ этимъ согласенъ и разсказъ Лодыжинскаго, съ тою только разницею, что по его словамъ часть казны и дѣла̀ были увезены имъ, а не Бошнякомъ, который все 6-е число держался противъ Пугачева, къ ночи же отплылъ на лодкѣ внизъ по

2) Н. И. Костомаровъ въ Очеркѣ исторіи Саратовскаго края (Памятная книжка Сар. губ. на 1858 г., стр. 34) говоритъ также: «Бошнякъ, видя невозможность защищаться, убѣжалъ внизъ по Волгѣ, успѣвши увезти съ собою казну и дѣла».

Волгѣ и присоединился къ Лодыжинскому, отправившемуся еще съ утра. Мы приведемъ весь разсказъ Лодыжинскаго о нападеніи Пугачева на Саратовъ, какъ любопытный историческій документъ, подтверждающій всѣ показанія Державина. Это — письмо, писанное 11-го августа изъ Царицына, неизвѣстно къ кому «Я сей часъ прибылъ водою въ Царицынъ съ частію сохраненной мною денежной казны. И за скорымъ отправленіемъ сего курьера изъ Царицына и за неприбытіемъ еще судна съ конторскими письменными дѣлами, не могу васъ обстоятельно увѣдомить о томъ, что́ въ Саратовѣ по отправленіи вахмистра Тита Иванова происходило, а доношу только то, что злодѣй Пугачевъ сего августа 6-го числа Саратовомъ овладѣлъ, Донскіе и Волгскіе казаки, тако жъ и артиллерійскія три роты измѣнили и предались къ злодѣю. Комендантъ Бошнякъ, положа въ совѣтѣ сдѣлать кругъ нашихъ магазиновъ укрѣпленіе и подписавъ въ общемъ совѣтѣ приговоръ, отъ онаго отступилъ и, проволоча день ото дня, всячески не допускалъ купцовъ, кои меня сами о томъ просили, давать работниковъ; со всѣмъ тѣмъ въ два дни я половину ретраншамента сдѣлалъ, въ которомъ можно бы, сохраня все казенное имущество и содержа всѣхъ возмутившихся нынѣ жителей въ уѣздѣ, до тѣхъ поръ отсиживаться пока подоспѣютъ идущія со всѣхъ сторонъ войска къ избавленію; напротивъ того комендантъ, дѣлая однѣ шутки и увѣряя, что Пугачевъ къ Саратову не пойдетъ, всячески мнѣ препятствовалъ и, отъ своихъ приговоровъ отступая, приводилъ всю Саратовскую чернь на противную сторону и самъ ничего къ защищенію не начиналъ, имѣя до двухъ тысячъ готовыхъ работниковъ, ибо я и на то уже напослѣдокъ былъ согласенъ, чтобъ и въ погорѣломъ городскомъ мѣстѣ небольшой уголокъ укрѣпить; сдѣлалъ ему чертежъ и далъ межевымъ офицерамъ, будучи и самъ всегда готовъ къ работѣ, но онъ и отъ сего своего мнѣнія отступилъ, сказывая, что онъ поставитъ пушки, которыхъ у него было только десять и очень мало зарядовъ, за негоднымъ и вамъ извѣстнымъ валомъ, да еще одну или двѣ пушки поставитъ у моста и тѣмъ непріятелей въ городъ не пуститъ; видя толь странныя разсужденія, положилъ было я его склонить выступить въ поле на встрѣчу злодѣю, зная навѣрное, что такимъ образомъ его ото-

гнать можно, на что и онъ былъ согласенъ, почему и отряжены были Донскіе казаки къ городу Петровску, какъ для развѣданія, такъ и для забранія тамъ пушекъ и пороху, вѣдая, что воевода оттуда уже выѣхалъ и Петровскіе жители взволновались. Сію коммисію взялъ на себя л. г. поручикъ Державинъ и коммисіонеръ по секретнымъ развѣдываніямъ о злодѣѣ, ибо оной Державинъ, находясь въ Саратовѣ, и во всѣхъ нашихъ совѣтахъ присутствовалъ. Подъ пятое число августа въ ночи Державинъ насилу могъ прискакать съ Гогелемъ и Донскимъ есауломъ Фоминымъ обратно, донеся, что казаки, по вступленіи 4-го дня въ Петровскъ, Пугачеву отдались и едва ихъ» (т. е. Державина, Гогеля и Фомина)» не изрубили. По сему извѣстію собралъ я до 300 человѣкъ фузелеръ и Волгскихъ казаковъ до 70, велѣлъ выступить до Московской дороги, давъ знать о семъ коменданту, который собралъ гарнизонныхъ солдатъ до 120 человѣкъ и 200 Саратовскихъ казаковъ, и къ вечеру 5-го дня поставлены были всѣ у Московскихъ воротъ на весьма невыгодномъ мѣстѣ, что усмотря заѣхалъ я самъ съ штабъ-офицерами къ коменданту и сказалъ въ осторожность, что на семъ мѣстѣ всѣхъ людей потерять можете, ибо не токмо оное съ Соколовой горы все видимо, но еще и позади сдѣланной, невѣдомо для чего комендантомъ новой валъ былъ готовою для злодѣя батареею. И такъ уговорилъ его идти лучше въ поле и къ горѣ не допускать издалека, на что онъ казался и согласенъ и, поѣхавъ отъ него, велѣлъ я не мѣшкавъ укладывать на одно судно всѣ конторскія дѣла, а на другое денежную казну, къ чему употребилъ конторскихъ служителей и человѣкъ до 50 вооруженныхъ колонистовъ, оставя нѣсколько фузелеръ для караула, дабы не убавить ни единаго человѣка изъ фрунта. Ночь всю таскали денежную казну и дѣла, а шестаго дня до тѣхъ поръ, пока начали уже канонаду, въ которое время оба мои суда отвалили, я же, не имѣя въ семъ случаѣ ни единаго помощника, кромѣ казначея и Якова Ивановича, который по несчастію крайне занемогъ, а Тилингъ уѣхалъ, подхватя лодку, насилу за плывущими моими судами могъ уйтить, желая усердно быть и при фрунтѣ, но уже былъ отхваченъ, и такъ сего дня съ половиною казны, которую могъ ухватить, прибылъ въ Царицынъ, а съ дѣлами судно

еще не бывало. Теперь обратимся назадъ, что въ Саратовѣ происходило. Комендантъ, вмѣсто выступленія въ поле, завелъ всю команду между валовъ противъ Соколовой горы и, подвергая ее злодѣйскому огню, видѣлъ какъ Волгскіе и Саратовскіе казаки передавались къ Пугачеву, а напослѣдокъ попускалъ и жителей возстать, ибо передъ его глазами поѣхалъ отъ купечества купецъ Кобяковъ къ Пугачеву, стоящему у Полисова зимовья, и привезъ къ коменданту отъ него указъ, который онъ хотя передъ всѣми и изодралъ, но купцу Кобякову ничего не сдѣлалъ; потомъ маіоръ Семанжъ взялъ передъ его же глазами до 50 солдатъ гарнизонныхъ и, поклонясь г. коменданту, пошелъ къ Пугачеву, а напослѣдокъ всѣ фузелеры, видя себя въ худомъ мѣстѣ, побѣжали во всѣ стороны, и то уже было ввечеру, а при комендантѣ только маіоръ Семанжъ, капитанъ Елчинъ, два сержанта и человѣкъ 20 гарнизонныхъ офицеровъ и столько же казаковъ ретировались и, подхватя на Увекѣ [3]) рыбачью лодку, со мною на Волгѣ соединились. Комендантъ, не доѣзжая Камышенки, отъ меня отсталъ и гдѣ дѣвался не знаю, а Семанжъ со мною пріѣхалъ въ Царицынъ. При ретирадѣ ихъ видѣли они, что злодѣи казармы и магазейны наши зажгли; теперь прошу повелѣть, что мнѣ дѣлать; Яковъ Ивановичь и Батуринъ со мною; когда съ дѣлами судно пріѣдетъ и люди соберутся, тогда пришлю курьера съ обстоятельнымъ извѣстіемъ. Яковъ Ивановичь очень жалокъ, а я не имѣю помощника. Вотъ, батюшка, какая слабость г. коменданта, а все изъ лакомства; прошу меня защитить, онъ спутаетъ меня въ свое оправданіе и съ губернаторомъ, которому можетъ быть съ симъ же курьеромъ что нибудь неправильно писалъ» (№ LXXXVI).

Заключительныя строки вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, т. е., что Астраханскій губернаторъ Кречетниковъ былъ рѣшительно на сторонѣ Бошняка противъ Лодыжинскаго и Державина. Послѣдніе два, кромѣ офиціальныхъ отношеній, пересылались дружескими письмами, въ одномъ изъ которыхъ (23 окт. Саратовъ, № 102) Лодыжинскій даетъ слѣдующую любопытную характеристику общаго врага ихъ, за

---

3) Увекъ — имя горы и Татарскаго городища на самомъ берегу Волги.

вѣрность которой однакожъ нельзя ручаться, не имѣя покуда другихъ источниковъ для оцѣнки дѣйствій Кречетникова:

«Кречетниковъ васъ и меня ругаетъ немилосердо, и лжетъ во всѣ правительства, въ которыя хотя малѣйшую имѣетъ причину увѣдомлять о разореніи Саратова, а о себѣ ничего не упоминаетъ, что онъ первый разоренія нашего причиною, ибо именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи; слѣдовательно, получа извѣстіе, что злодѣй приближается къ Саратову, не только не мѣшкавъ самъ былъ долженъ скакать да и войска оттуда выслать, ибо имѣлъ онъ двѣ легкія полевыя команды и болѣе 1,500 казаковъ, кромѣ гарнизоновъ, о чемъ ему отъ Никиты Аѳанасьевича Бекетова [4]) письменное дано было предложеніе, но онъ упустя время ни самъ не поѣхалъ и Бекетова не допустилъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ ѣхать противу злодѣя. Впрочемъ доношу о немъ, что онъ поступаетъ какъ сумасшедшій, никѣмъ въ Астрахани не любимъ и только старается о набогащеніи себя, обираетъ всѣхъ кругомъ всякою всячиною, и только говоритъ, что рубли класть въ сундуки ничто не мѣшаетъ; отъ частаго повторенія сей рѣчи сдѣлалась она уже пословицею». Въ томъ же письмѣ Лодыжинскій далѣе говоритъ: «Мое одно письмо, писанное изъ Царицына, попалось въ руки самой Императрицы». Вѣроятно онъ разумѣетъ именно то, которое мы здѣсь привели цѣликомъ.

Относительно біографіи Бошняка, играющаго такую важную роль въ этомъ эпизодѣ жизни Державина, мы нашли покуда только слѣдующія свѣдѣнія. Онъ былъ родомъ изъ Македоніи, въ Русскую службу вступилъ въ 1735 г. капраломъ Сербскаго гусарскаго полка; въ 1770-мъ онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ комендантомъ Саратова, гдѣ мы и застаемъ его во время Пугачевщины. Въ Царицынѣ, куда онъ отправился изъ Саратова, онъ вмѣстѣ съ тамошнимъ комендантомъ Цыплетевымъ распоряжался защитою этого хорошо укрѣпленнаго города и участвовалъ здѣсь въ отраженіи Пугачева. По усмиреніи бунта, Бошнякъ снова получилъ

4) Н. А. Бекетовъ, генералъ-поручикъ, былъ Астраханскимъ губернаторомъ до 1773, а въ этомъ году пожалованъ въ сенаторы.

мѣсто Саратовскаго коменданта и занималъ его до 1790 г. ([5]). Достигнувъ глубокой старости, онъ жилъ послѣ того не болѣе года. Онъ участвовалъ во многихъ походахъ и сражался за Россію въ Пруссіи, Польшѣ, Турціи и Швеціи.

Теперь посмотримъ, какъ П. С. Потемкинъ, вслѣдствіе донесеній Державина, смотрѣлъ на Саратовскія несогласія. Вотъ что писалъ онъ 9-го августа (№ CXXX):

«Къ крайнему оскорбленію получилъ я вашъ рапортъ, что г. полковникъ и Саратовскій комендантъ Бошнякъ, забывая долгъ свой, не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оной: того для объявите ему, что я именемъ Ея Императорскаго Величества объявляю, что ежели онъ что-либо упуститъ къ воспріятію мѣръ должныхъ какъ на пораженіе злодѣя, стремглавъ бѣгущаго отъ деташаментовъ маіора графа Меллина и подполковника Муфеля, такъ и на укрѣпленіе города Саратова по положенію условному, о коемъ вы мнѣ доносили: тогда я данною мнѣ властію отъ Ея Величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ. Впрочемъ я опасаюсь, чтобъ не опоздало мое къ вамъ сообщеніе: ибо сегодня имѣю рапортъ отъ графа Меллина, что злодѣй ушелъ изъ Пензы: теперь онъ не будетъ такъ нахальствовать. Совершившійся между Портою и Россіею миръ свободилъ отъ войны войска къ искорененію сего врага нашему отечеству, и уже вся конница, гусарскія и легкія войска изъ арміи обращены на его пораженіе. Изъ Москвы выступили четыре пѣхотные полка, три конныхъ, полкъ гусаръ венгерскихъ, 4 эскадрона Бошняковъ, полкъ драгунской и два полка донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-маіо-

5) Въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844, № 9, откуда мы заимствовали часть этихъ свѣдѣній, очевидно невѣрно указаніе, будто Бошнякъ вышелъ въ отставку уже въ 1778 г.: въ той же статьѣ говорится, что онъ передалъ комендантскія дѣла Нефедьеву не ранѣе 1790 г. Въ календарѣ 1788 г. Иванъ Константиновичь Бошнякъ значится еще Саратовскимъ комендантомъ. Судя по имени Бошняка, онъ былъ родомъ Славянинъ, а не Грекъ, какъ сказано въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ. Слово Бошнякъ, какъ названіе народа, въ то время употреблялось у насъ вмѣсто нынѣшней менѣе правильной формы Боснякъ; въ двухъ приводимыхъ нами ордерахъ Потемкина и князя Голицына говорится о Бошнякахъ, какъ о составной части Русской арміи. Притомъ извѣстно, что Сербскіе гусарскіе полки, возникшіе у насъ въ 1727 году, пополнялись выходцами изъ Славянскихъ областей Турецкой имперіи.

ра Чорбы, а главная команда препоручена графу Петру Ивановичу Панину ([6]) надо всѣми войсками, слѣдующими на истребленіе сего бунтовщика Емельки Пугачева; теперь думаю, что деташаментъ *Муфеля*, графа *Меллина* и полковника *Михельсона* весьма близко къ Саратову: а и князь Петръ Михайловичь Голицынъ изъ Симбирска выступилъ сего 7-го числа на пораженіе злодѣя; подержитесь нѣсколько въ честь и къ пользѣ общей; а я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ высочайшему Двору. Увѣдомляйте, какъ возможно чаще, о дѣлахъ, съ вашей стороны происходящихъ».

Въ концѣ письма Французская приписка:

«Je crains que cela n'arrive pas trop tard. Si vous serez en état de rebuter ce coquin un seul jour, le comte Mellin vous donnera du secours».

На это письмо Державинъ отвѣчалъ изъ Сызрани, куда онъ между тѣмъ благополучно прибылъ. Вотъ какъ онъ доносилъ Потемкину о паденіи Саратова (№ 95):

«Отъ 9 сего м. ордеръ вашего превосходительства получилъ, на который имѣю донесть, что какъ уже Саратовъ неустройствомъ своимъ и измѣною погибъ, то всякое предпріятіе помочь ему поздо. Въ таковыхъ крутизнахъ несчастія, каковыя по нонѣшнимъ обстоятельствамъ отечество наше имѣетъ, должна только власть, собою все исполняющая, нужденіемъ производить что нибудь. Ежели бы вы быть изволили или кто нибудь другой, которой бы начальство имѣть могъ, то бы можно поручиться, что Саратовъ бы устоялъ. На вашего превосходительства пошлюсь я, вы изъ рапортовъ моихъ видѣть изволили, дѣлалъ я что мнѣ только можно было и что сами засвидѣтельствовать могутъ тѣ, на которыхъ я такъ часто рапортовалъ вамъ, ежели они только живы. Оставалось мнѣ только напрасно быть въ Саратовѣ и напередъ несчастія его предвидя безъ всякой пользы.... [7]). Выбѣжавшій изъ Саратова въ образѣ крестьянина г. капитанъ Мосоловъ объяснилъ, что будто комендантъ съ ма-

---

6) Указъ о назначеніи Панина подписанъ 29-го іюля.

7) Здѣсь пропущено нѣсколько словъ, которыхъ въ рукописи невозможно разобрать. Весь этотъ рапортъ написанъ до того блѣдными чернилами, что съ трудомъ можно было прочесть его.

лою частью своихъ людей на суднѣ спасся, но послѣ его отъ г. Муфеля присланный капралъ увѣрялъ, что всѣ безъ остатку погибли. Какъ бы то ни было, но посмѣяніе намъ, что около тысячи человѣкъ воиновъ отъ разбойника не могли ни дня защитить городу. Артиллерійскій капитанъ Баратаевъ и баталіонный командиръ маіоръ Салмановъ по вышеписанныхъ вѣстниковъ сказаніямъ стали измѣнниками и пошли прямо къ присоединенію изверга. Казакъ Уфимцевъ и купецъ Кубиковъ (8) встрѣтили злодѣя, и прочая чернь, при занятіи имъ мѣста къ атакѣ способнаго, вся выселилась къ нему. Сколько произвелося варварства надъ благородными, того изобразить нельзя! Чернь, выискивающая ихъ вездѣ, привозила изъ деревень и отовсюды предъ злодѣя, и сіе чудовище проливало кровь ихъ около становища своего, утоляя безъ всякаго ненасытную злобу свою милосердія. Приложенное при семъ посланныхъ моихъ объявленіе, какою цѣною платилъ онъ за жизнь нашу, покажетъ вашему превосходительству, коль устремлено его рвеніе на благородныхъ! Колонисты взбунтовались и многіе пошли въ его шайку; ихъ великія обѣщанія и деньги обольстили. Магазейны, имѣющіе кормить всѣ иностранныя селенія, расхищены до основанія и Богъ знаетъ, какой чрезъ сіе высшему интересу ущербъ произойти долженъ, ибо иностранцы, не имѣя чего ѣсть, должны домой разбрестися. Имъ обѣщана вольность и ежели злодѣй прямо сіе произвелъ ухищреніе, то должно ему истребить въ опекунской конторѣ письменныя дѣла, въ которыхъ квитанціи и счеты, то, какъ сказываютъ, чрезъ сіе должна казна будетъ потерять около 7 милліоновъ, задержанныхъ въ чаяніи возврата отъ колонистовъ.

«Вотъ какъ премудрой нашей Монархини труды и политику завидный рокъ испровергаетъ. Ежели это сдѣлалось, то Саратовъ.... болѣе всѣхъ. Прямаго извѣстія еще обо всемъ не получено. Малыковскіе жители, какъ скоро коснулась до нихъ язва, также изъ явнаго ихъ къ жестокости усердія сдѣлались злодѣи.

«Въ то время, какъ я за сильнымъ стремленіемъ посланныхъ за мною отъ злодѣя не могъ угодить въ Малыковку, а проѣхалъ прямо степью въ Сызрань, то пріѣхали въ сіе жительство»

---

(8) т. е. Кобяковъ.

(т. е. въ Малыковку) «12 человѣкъ злодѣевъ и въ состояніи были часть собранныхъ людей взбунтовать. Сто человѣкъ Донскихъ Денисовскихъ казаковъ, слѣдующіе въ Саратовъ, были злодѣйскими силами отъ него отрѣзаны и стоявшіе въ селѣ Воскресенскомъ услышали, что съ другой стороны пріѣхали разбойники въ Малыковку, куда тотчасъ подлетѣли и, восемь человѣкъ изъ нихъ переловивши, выѣхали. Между тѣмъ какъ, казалось, уже опасность миновалась, одинъ изъ укрывшихся злодѣевъ въ силахъ былъ произвесть страшное злодѣйство. Онъ изъ укрывательства своего вышелъ и тиранилъ.... помощію самихъ Малыковскихъ обывателей экономическаго казначея поручика Тишина и съ его женою, застрѣливъ ее прежде, повѣсилъ, дѣтей его малолѣтныхъ объ уголъ разбилъ [9]). Нѣкоторые изъ убійцъ переловлены, прочіе ушли къ самозванцу, который, какъ по всѣмъ слухамъ извѣстно, уклонился къ Царицыну. Но сколько должно сему вѣрить, столь должно опасаться, чтобъ онъ не поворотилъ вправо на Воронежскую губернію. Жительства всѣ здѣсь бунтомъ дышутъ и, какъ я не имѣю команды, а на меня паче злодѣйской направленъ былъ рыскъ, то я присоединился къ нашимъ войскамъ и теперь нахожусь при пришедшемъ съ главнымъ деташаментомъ князѣ Петрѣ Михайловичѣ Голицынѣ. Извѣстно вашему превосходительству, что главный предметъ моей коммисіи былъ тотъ, чтобъ въ случаѣ тайнаго укрывательства злодѣя въ странѣ здѣшней поставить ему сѣти и поймать его; но какъ онъ.... удалился, то что мнѣ теперь будетъ дѣлать, испрашиваю вашего превосходительства приказаніе» [10]).

Судя по числу письма, на которое Державинъ отвѣчалъ въ

---

9) Вѣроятно это самое событіе въ статьѣ г. Костомарова «Поѣздка въ г. Волгскъ» разсказано иначе по мѣстному, не столь точному преданію, въ которомъ достовѣрно только имя главнаго зачинщика бунта, крестьянина Сапожникова (Пам. книжка Сарат. губ. на 1859 г., стр. 96).

10) Державинъ еще прежде сбирался писать Потемкину о паденіи Саратова, но кажется, остановился на началѣ рапорта (№ 46), которое и сохранилось въ его тетради: «По толь смущеннымъ обстоятельствамъ, каковы здѣсь нынѣшнія, не могъ я прошедшимъ рапортомъ донесть основательно, что Саратовъ по описанныхъ мною вашему превосходительству неустройствахъ, какъ и по справедливости чаять должно было, погибъ. Его же паденіе причиною въ округѣ здѣшней всеобщаго мятежа».

этомъ рапортѣ, онъ писанъ былъ 13 или 14 августа. Что же происходило съ Державинымъ въ 8 или 9 дней, которые прошли послѣ отъѣзда его изъ Саратова, объ этомъ мы узнаемъ изъ его Записокъ. Переѣхавъ для безопасности на луговую сторону Волги, онъ былъ задержанъ цѣлую ночь въ Покровской слободѣ (лежащей противъ Саратова), потому что тутъ не было лошадей, и писалъ приведенный выше рапортъ Потемкину о своемъ выѣздѣ изъ Саратова. Вотъ почему онъ не успѣлъ, какъ намѣревался прежде, присоединиться къ собраннымъ имъ Малыковскимъ крестьянамъ и, услышавъ вскорѣ, что Саратовъ взятъ Пугачевымъ, распустилъ этихъ крестьянъ изъ опасенія, чтобъ они не присоединились къ самозванцу. Послѣ этого онъ провелъ около двухъ дней въ ближайшихъ къ Саратову колоніяхъ, надѣясь черезъ обывателей узнать, куда направится Пугачевъ, на Яикъ или внизъ по Волгѣ: именно онъ жилъ въ Шафгаузенѣ у коммисара этой колоніи, капитана Вильгельма. Здѣсь-то онъ опять едва не попалъ въ руки бунтовщиковъ. Какой-то Пугачевскій полковникъ, переправясь черезъ Волгу, прибылъ въ колоніи, возмутительною прокламаціей успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ колонистовъ и, обѣщая за Державина 10,000 руб., отправилъ нарочныхъ искать его. Въ толпѣ этого полковника находился и бывшій служитель Державина, нанятый имъ въ Казани гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ, который подъ Петровскомъ былъ захваченъ бунтовщиками въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами. Теперь этотъ гусаръ взялся доставить Державина Пугачеву за условленную сумму. 8-го числа около полудня Державинъ услышалъ о пріѣздѣ воровскаго полковника въ колоніи, но не зналъ куда бѣжать. Къ счастію, его спасъ егерь капитана Вильгельма, Иванъ. Посланный, чтобы развѣдать объ угрожающей опасности, онъ вдругъ прискакалъ назадъ съ извѣстіемъ, что шайка, ищущая Державина, завтракаетъ въ ближайшей колоніи, въ 5 верстахъ отъ него [1]). Державинъ взялъ лошадь, примчавшую егеря, и поскакалъ въ Сызрань, куда было 90 верстъ, къ Мансурову. Дорога шла мимо караула въ 200 человѣкъ кресть-

1) По рапорту къ гр. П. И. Панину (№ 111) Державинъ въ то время находился въ колоніи Паниной.

янъ, прежде выставленнаго Державинымъ на Иргизѣ. Перемѣняя здѣсь лошадь, онъ замѣтилъ въ этихъ крестьянахъ духъ буйства: зная уже объ участи Саратова, они, какъ онъ догадывался, хотѣли схватить и отвести его къ бунтовщикамъ. Поэтому Державинъ не спускалъ съ нихъ глазъ, держа руку на пистолетѣ; во время перевоза черезъ Волгу онъ прислонился къ борту парома, поворотя къ нимъ лицо, и не перемѣнялъ этого положенія: «а какъ всякой изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся». Только что пристали къ берегу, онъ проворно соскочилъ съ парома и благополучно достигъ Сызрани 15-го августа.

Между тѣмъ, какъ Державинъ былъ въ Саратовѣ и, вынужденный обстоятельствами, спѣшилъ въ мѣстопребываніе одного изъ военачальниковъ, — лица, переписывавшіяся съ нимъ, продолжали посылать ему свои ордера въ Малыковку.

4-го августа, т. е. въ день похода Державина подъ Петровскъ, князь Голицынъ изъ Казани увѣдомлялъ его между прочимъ (№ LXXXII) о своемъ назначеніи на мѣсто Щербатова, отозваннаго въ Петербургъ «къ высочайшему двору», какъ сказано въ этомъ письмѣ. (Извѣстно, что Императрица находила слишкомъ большую медлительность въ дѣйствіяхъ Щербатова). Черезъ день, 6-го числа, Голицынъ опять писалъ Державину (№ LXXXII): «Изъ послѣдняго рапорту, присланнаго отъ вашего благородія къ г. генералъ-маіору Потемкину — такъ начинался ордеръ — я усматриваю всѣ достойныя учрежденія, которыя берутся въ Саратовѣ къ оборонѣ храброй сего города. Я почитаю, что производство онаго больше поводами и хорошими вашими совѣтами предуспѣвается: старайтеся сколь можно подкрѣплять духи слабые и заслужите честь и славу предъ всемилостивѣйшей нашей Государыней и отечествомъ». Описывая потомъ движенія войска и прося «обо всемъ почаще увѣдомлять» его, Голицынъ кончаетъ извѣстіемъ о мирѣ съ Турціею: «Ея Императорское Величество всемилостивѣйшимъ своимъ письмомъ изволила меня увѣдомить, что съ Портою Оттоманскою наиполезнѣйшій и славный миръ заключенъ. Сіе извѣстіе доставлено въ Петербургъ отъ его сіятельства графа Петра Александровича сына» (Румянцова), «который всемилостивѣйше пожалованъ генералъ-маіоромъ. Притомъ Ея Императорское Ве-

личество высочайше изволила назначить, чтобъ вся кавалерія 2-й арміи обратилась на покореніе здѣшнихъ бунтовщиковъ».

Отъ тѣхъ же самыхъ чиселъ Державину писалъ и Потемкинъ, изъ Казани же. Оба эти письма помѣщаются здѣсь цѣликомъ: (№ CIV) «Рапортъ вашъ отъ 31-го числа (іюля) я получилъ. Все, что вами объяснено въ немъ, наводитъ совершенную жалость въ разсужденіи положенія дѣлъ, каковыя происходятъ въ Россіи, тогда какъ сіе государство, правимое премудрой Монархиней, славясь побѣдами, пріобрѣло славный и торжественный съ Турками миръ. Нѣтъ и не можетъ быть, кто чувствуетъ важность дѣлъ, который бы безъ ужаса могъ видѣть всѣ звѣрскія дѣла изверга Емельки Пугачева, но должно не унывать только, а исполнять прямое дѣло; все, что вы учреждали для нападенія на злодѣя, достохвально. Что принадлежитъ до огражденія Саратова, я князю Петру Михайловичу Голицыну сообщилъ, какъ командующему всѣми войсками Ея Императорскаго Величества въ здѣшнемъ краю, и онъ уже послалъ строгій ордеръ къ Саратовскому коменданту, дабы они учредились къ тому условію, каковое прежде положили. За злодѣемъ вслѣдъ идетъ графъ Меллинъ съ деташаментомъ и подполковникъ Муфель; думаю, что уже имѣлъ съ нимъ дѣло; князь Петръ Михайловичь и самъ скоро выступитъ. Отъ Москвы жъ съ пятью полками генералъ-маіоръ Чорба идетъ и ежели догонятъ злодѣя, то кажется онъ довольно будетъ наказанъ за злодѣйства свои; между тѣмъ давайте знать кому надлежитъ: что всякой, кто его доставитъ въ руки живаго, получитъ награжденія двадцать пять тысячъ и болѣе. Впрочемъ возлагаю на васъ полную надежду, что вы ничего не упустите, что только можетъ служить къ пользѣ отечества и доказательству ревности въ службѣ Ея Императорскаго Величества. Впрочемъ я съ почтеніемъ пребываю» и пр.

(CVIII) «Рапортъ вашъ отъ 2-го августа [2]) и приложенныя при

---

2) Черновой отпускъ этого рапорта сохранился (№ 78), но, къ сожалѣнію, онъ писанъ такъ поспѣшно, что въ немъ можно разобрать только отдѣльныя слова и фразы:

«Вчерашняго числа получилъ я лестный для меня ордеръ. Такія обо мнѣ вашего превосходительства мысли заставляютъ меня болѣе себя чувствовать, слѣдовательно болѣе имѣть усердія къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Импе-

немъ подписки я получилъ. Учрежденія ваши достойныя похвалы не оставлю я представить со всеподданнѣйшей моей резолюціей ко двору Ея Величества. Что касается до учрежденій тѣхъ, чтобы опредѣлить къ вамъ одного командира, то думаю на сіе рѣшительно послано повелѣніе отъ генералъ-маіора князя Голицына; о движеніяхъ подполковника Муфеля, уповаю, вы извѣстны; а какъ я надѣюсь, что помянутый подполковникъ соединился около 30-го числа сего теченія съ деташаментомъ маіора графа Меллина, то уповаю, что оба соединенные деташаменты облегчатъ вамъ подвигъ; сверхъ того князь Петръ Михайловичь прибудетъ къ Симбирску 10-го числа; полковникъ Михельсонъ находится въ Арзамасѣ, а изъ Москвы слѣдуютъ съ генералъ-маіоромъ Чорбою полкъ пѣхоты, два полка конныхъ и 700 Донскихъ казаковъ, да на Пензинскую дорогу выдутъ два полка пѣхоты; два гусарскихъ, 200 человѣкъ Бошняковъ и полкъ Донскихъ казаковъ, а отъ второй арміи вся кавалерія поворочена къ Дону; ибо славный миръ съ Оттоманскою Портою заключенъ и для удостовѣренія препровождаю къ вамъ копію съ реляціи генералъ-фельмаршала къ Ея Императорскому Величеству: возвѣстите о семъ народу. Впрочемъ я съ особливымъ почтеніемъ пребываю и пр.[3]).

Наконецъ 8-го августа, т. е. уже наканунѣ выступленія Пугачева изъ разореннаго Саратова, Мансуровъ, только что перепра-

---

ратрицы и болѣе прилежать благоволенія вашего быть достойнымъ. Долгъ мой есть, чтобы попался въ разставленныя мною сѣти злодѣй, но та бѣда, что его должно теперь въ странѣ сей удерживать не сѣтьми, но узами.... когда команды разсѣютъ его скопища и заставятъ его одного укрываться, то у меня люди готовы развѣдывать его. Теперь же слухъ его толпы.... и всѣхъ приводитъ въ робость. Однакожъ приложенныя при семъ подписки представятъ вашему превосходительству, что употребленъ мной человѣкъ, чтобы и посреди скопища его искоренить варвара. Думаю я, что ежели онъ и дойдетъ до Волги, то нашедъ суда всѣ отъ Сызрани до Саратова по нагорную сторону затопленныя, которыя я велѣлъ затопить..... ....
Сколько мнѣ труда стоило хлопотать съ комендантомъ и уже теперь привелъ въ порядокъ ....
Его превосходительство Петра Никитича Кречетникова должно благодарить, что онъ велѣлъ сводить легкія полевыя команды къ Царицыну.....
Филарета здѣсь не видно и врядъ ли онъ теперь здѣсь покажется.

3) Въ концѣ этого письма, въ подлинникѣ, французская приписка: «Au lieu de dix mille roubles que vous avez promis à qui attrapera le scélérat, promettez vingt mille et j'en réponds». Потемкинъ забылъ, что въ предъидущемъ письмѣ онъ уже уполномочивалъ Державина обѣщать за поимку Пугачева 25 т. и болѣе.

вившійся черезъ Волгу на пути въ Сызрань, слишкомъ поздно писалъ къ Державину (№ LXXXV): «Я вчерась, перешедъ 65 верстъ марша, прибылъ къ переправѣ Волги-рѣки ночью; къ великому моему оскорбленію, погода противная удержала меня до двухъ часовъ по полудни, а съ того времени началъ переправляться чрезъ рѣку, но и тутъ препятствіе: худой перевозъ и малыя суда дѣлаютъ мнѣ замедленіе, однако завтра рано съ частію передовыхъ войскъ пойду въ Сызрань, о чемъ васъ и увѣдомляю. Сію же минуту присланъ ко мнѣ изъ Сызрани посланный вашъ фузелеръ съ пакетами, что будто бы бывшіе въ командѣ вашей Донскіе казаки или отхвачены злодѣемъ, или предались — обстоятельно мнѣ сказать не могъ, и что будто бы онъ самъ злодѣй 2 числа былъ въ Петровскомъ, напротивъ чего приводитъ меня въ недовѣрствіе полученной мною сего числа отъ подполковника Муфеля рапортъ, что онъ, Муфель, 5 числа съ деташаментомъ своимъ прибылъ въ Пензу и точно увѣдомленъ отъ гражданъ, что Пугачевъ съ 2-го числа находился въ Пензѣ, а 3-го изъ Пензы бѣжалъ къ сторонѣ Саратова; за нимъ слѣдуютъ въ разстояніи неболѣе 24 часовъ маіоръ графъ Меллинъ, потомъ Муфель и подполковникъ Михельсонъ съ надежными деташаментами; дайте о семъ увѣдомленіе Саратову! я же по переправѣ отправлю тотчасъ партію къ сторонѣ Малыковки, а васъ прошу не оставить меня вашими о семъ злодѣѣ увѣдомленіями, и сего посланнаго вашего съ симъ къ вамъ обратно отправилъ, приказавъ ему какъ возможно ускорить своимъ къ вамъ пріѣздомъ».

По отправленіи этого письма, Мансуровъ продолжалъ свой маршъ въ Сызрань, куда и прибылъ за день до Державина. Послѣдній передалъ ему все, что зналъ о Саратовѣ и направленіи пути Пугачева; но такъ какъ при Мансуровѣ былъ только слабый отрядъ, состоявшій большею частію изъ ненадежныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сами участвовали въ бунтѣ, то этотъ генералъ не рѣшился идти на освобожденіе Саратова, а сталъ дожидаться прибытія князя Голицына. Съ этою цѣлью и Державинъ остался въ Сызрани.

При разсказѣ о дѣйствіяхъ его подъ Саратовомъ, мы, слѣдуя нити главныхъ происшествій, не упомянули еще о нѣкото-

рыхъ распоряженіяхъ его, а потому и возвратимся къ нимъ теперь. Во время приближенія Пугачева къ Саратову, Державинъ отправилъ въ толпу его двороваго человѣка Карамышевой, смѣлаго и проворнаго Былинкина, который вызвался убить самозванца. Не успѣвъ въ этомъ до разоренія Саратова, онъ присоединился къ какой-то отдѣльной шайкѣ и услышавъ, будто всѣ бывшіе въ Саратовѣ офицеры, а въ томъ числѣ и Державинъ, погибли, боялся, что если попадетъ въ руки нашихъ, то безъ Державина не будетъ въ состояніи оправдаться, а потому и задумалъ разсѣять ту шайку. Это ему въ самомъ дѣлѣ удалось: перевязавъ ея начальниковъ, онъ представилъ ихъ нашимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исторгъ «изъ когтей смерти четверыхъ дворянъ и четверыхъ разнаго званія служивыхъ людей», приготовленныхъ разбойниками къ смерти. [4])

Тогда же, т. е. когда въ Саратовѣ ожидали Пугачева, Державинъ отправилъ своего повѣреннаго, Серебрякова, къ Мансурову съ просьбою идти поспѣшнѣе на помощь этому городу, но въ дорогѣ, на Иргизской степи, Серебряковъ попалъ въ руки другой шатавшейся шайки и былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Это, по замѣчанію Державина, было очень кстати какъ для самого Серебрякова, такъ и для замѣшаннаго съ нимъ въ одно уголовное дѣло офицера Максимова и для многихъ сенатскихъ чиновниковъ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть еще объ одной предосторожности Державина, которая, бывъ взята имъ въ самую опасную для него минуту, показываетъ все его присутствіе духа и неусыпную распорядительность. Когда онъ, находясь въ колоніи Шафгаузенъ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что его ищутъ сообщники Пугачева, то онъ послалъ въ Малыковку, тамошнимъ должностнымъ лицамъ, приказаніе стараться спасти дворцовую экономическую казну и его секретныя бумаги, удалясь съ ними на какой-нибудь близлежащій островокъ на Волгѣ, гдѣ и окопать-

---

4) Такъ разсказанъ въ первоначальномъ журналѣ Державина случай, о которомъ упомянуто на 87 страницѣ печатнаго текста Записокъ, гдѣ, по неразборчивости рукописи, вкрались слѣдующія двѣ невѣрности: «Кариной» вмѣсто *Карамышевой* и «Былинка» вмѣсто *Былинкинъ*. Сверхъ того въ самой рукописи ИПБ. ошибочно написано «въ семъ мѣстѣ» вмѣсто *въ семъ мѣсяцѣ*, какъ видно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Въ семъ же мѣсяцѣ».

ся, а въ случаѣ нападенія мятежниковъ, обороняться до прихода нашихъ войскъ. Избѣгла ли Малыковка предполагаемаго здѣсь посѣщенія, увидимъ далѣе.

IV. Распоряженія Державина для защиты заволжскихъ колоній отъ Киргизъ-Кайсаковъ.

Мы уже не разъ упоминали о заволжскихъ колоніяхъ, въ которыхъ Державинъ отчасти имѣлъ свое пребываніе во время бунта. Такъ какъ вскорѣ онѣ сдѣлаются главной сценой его дѣятельности, то здѣсь кстати будетъ заранѣе познакомиться съ этой мѣстностью, которая пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе интереса, что имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи поэтической дѣятельности Державина: здѣсь, въ минуты досуга, писалъ онъ пьесы, изданныя имъ вскорѣ послѣ Пугачевщины подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». До сихъ поръ эта гора оставалась чѣмъ-то загадочнымъ; было даже высказано предположеніе, не придумалъ ли Державинъ это названіе просто для куріозу, ради заманчивости заглавія ([5]). Вслѣдствіе переписки съ мѣстными властями того края, мы имѣемъ возможность представить самыя точныя по этому предмету свѣдѣнія.

Приволжскія нѣмецкія колоніи возникли въ началѣ царствованія Екатерины II, лѣтъ за 10 до Пугачевщины, и расположены на луговой, т. е. лѣвой сторонѣ Волги ([6]). Хотя онѣ нынѣ находятся въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, однако главное управленіе ихъ и до сихъ поръ остается въ Саратовѣ, почему онѣ иногда все еще называются Саратовскими колоніями. Начинаясь верстахъ въ 50 отъ этого города, на противоположномъ берегу, колоніею Екатеринштадтъ, онѣ тянутся на такое же пространство вверхъ по Волгѣ почти до впаденія въ нее р. Иргиза; въ 6-ти верстахъ отъ Иргиза (въ 4-хъ отъ берега Волги) лежитъ колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ потому называетъ совершенно вѣрно крайнею. (Зап., стр. 69).

---

5) Зап. Державина, стр. 103 въ примѣчаніи.

6) См. въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи статью г. Костомарова: «Очеркъ исторіи Саратовскаго края».

Въ 6-ти верстахъ за Шафгаузеномъ (слѣд. верстъ 9 — 10 отъ Волги) тянется въ степи, паралельно съ рѣкой, холмистая возвышенность, занимающая въ длину верстъ 10, въ ширину версты 3. Одинъ конецъ этой гряды приходится противъ Шафгаузена, а другой — противъ 6-й колоніи, Солотурнъ. На восточномъ концѣ, за Шафгаузеномъ, возвышенность постепенно растетъ и предъ склономъ на сѣверовостокъ образуетъ овальную верхушку, которой разстояніе отъ подошвы составляетъ футовъ 300. Это и есть *Читалагай* (по нынѣшнему мѣстному произношенію Русскихъ—Чертолагай, у Нѣмцевъ—Шитлагай) (7). Въ гористой сторонѣ онъ считался бы землянымъ холмомъ, не болѣе, но здѣсь слыветъ горою, потому что среди плоской степи кажется порядочною возвышенностію, и съ вершины его открывается во всѣ стороны обширный видъ, особенно на югъ является необозримая степь. Такъ же точно и съ другаго конца, противъ колоніи Солотурнъ, этотъ кряжъ образуетъ одинаковой высоты и формы вершину, называемую «Калмыцкой горой». Промежутокъ между обѣими горами составляетъ плоскогоріе (plateau); вся гора безлѣсна. Отъ подошвы Читалагая идутъ болота и пруды, поросшіе высокимъ тростникомъ; изъ нихъ вытекаетъ рѣчка Вертуба, впадающая въ Волгу.

Нынѣшнее населеніе колоніи Шафгаузенъ составляетъ болѣе 1,500 душъ обоего пола или около 175 дворовъ. Первые поселенцы были по большой части родомъ изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ владѣній. Впрочемъ здѣсь нѣтъ ни одной колоніи, въ которой бы поселились безъ примѣси жители той или другой страны Германіи. Всего болѣе было высельниковъ изъ Гессена и изъ Швабіи; менѣе изъ Саксоніи, Пруссіи, Мекленбурга, Помераніи и др. земель. Впослѣдствіи многіе переходили изъ одной колоніи въ другую. Изъ этой-то смѣси различныхъ Нѣмецкихъ

---

7) Для объясненія имени Читалагай я обращался къ П. П. Семенову, бывавшему въ Киргизской степи, и къ г. академику Дорну. По мнѣнію г. Семенова, это имя должно состоять изъ двухъ Татарскихъ словъ: *чи* есть названіе степной травы, въ родѣ камыша, изъ которой на востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талагай* значитъ—голова, верхушка. Г. Дорнъ не отъискалъ въ Татарскомъ языкѣ этихъ словъ. Однакожъ мѣстные жители, пасторъ Пундани и г. Шмальценъ, находятъ приведенное объясненіе очень правдоподобнымъ, потому что въ окрестностяхъ горы, именно около Бичкасова озера, растетъ камышъ разнаго рода.

народовъ, поселившихся на Волгѣ, произошло нынѣшнее поколѣніе, въ которомъ діалектическія различія почти сгладились, такъ что теперь господствующій въ колоніяхъ языкъ есть литературный — верхненѣмецкій (hochdeutsch), однакожъ почти въ каждой колоніи съ особеннымъ оттѣнкомъ произношенія. Жители сохранили, почти во всей чистотѣ, свои національные нравы и обычаи, свой образъ жизни, свою одежду и архитектуру. Преданія о Пугачевщинѣ еще до сихъ поръ не изгладились между колонистами. «Когда я — пишетъ намъ г. Пундани, пасторъ колоніи Баратаевки — опредѣлился сюда 38 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые старожилы Шафгаузена разсказывали мнѣ про Пугачевщину и говорили, что тамъ стояли двѣ пушки, которыя потомъ отправлены были на Иргизъ». Отъ первыхъ же поселенцевъ идетъ преданіе, что при холмѣ, въ чертѣ Баратаевки, когда-то стояло войско, и теперь еще тамъ видны остатки укрѣпленій.

Мы оставили Державина вмѣстѣ съ Мансуровымъ въ Сызрани. Было упомянуто, что во время пребыванія Державина въ колоніяхъ, послѣ разоренія Саратова, большая часть иностранныхъ поселенцевъ была вовлечена въ возмущеніе. Вслѣдствіе этого Державинъ, находясь при Мансуровѣ, отнесся къ нему между прочимъ съ такимъ рапортомъ (№ 63): «Во время злодѣйскаго вступленія въ г. Саратовъ посыланные мною для развѣдыванія иностранцы письменно извѣстили, что бунтовщики въ колоніяхъ были и возмутили колонистовъ. Каковы же ихъ поданныя объявленія, при семъ точные переводы вашему превосходительству поднести смѣю, а оригиналы долженъ я отослать въ секретную коммиссію. При семъ также подношу сочиненное отъ имени вашего превосходительства объявленіе и переведенное мною для возстановленія повиновенія въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ иностранныхъ. Когда, по разсмотрѣнію вашего превосходительства, оное объявленіе найдено будетъ таковымъ, каковымъ оно должно быть, то не изволите ли приказать распубликовать оное въ колоніяхъ, а чтобъ оно имѣло прямое свое дѣйствіе, то беретъ на себя всемилостивѣйшей Государынѣ оказать службу живущій въ колоніяхъ г. капитанъ и кавалеръ Вильгельмъ; только проситъ онъ, чтобъ дано ему бы-

ло отъ васъ или отъ находящихся въ колоніяхъ, 80 человѣкъ казаковъ, для безопасности отъ взбунтовавшихся калмыковъ». А вотъ и приложенный къ этому рапорту манифестъ отъ 13-го августа, въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ Нѣмецкаго подлинника (см. № 107). «Манифестъ отъ командующаго арміею Ея Императорскаго Величества при Волгѣ, генерала П. Д. Мансурова, всѣмъ въ колоніяхъ вокругъ Саратова поселеннымъ иностранцамъ и обывателямъ: Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ *въ нынѣшнія мятежныя времена* [8]) дерзнули забыть не только щедроты нашей всемилостивѣйшей Государыни, но и присягу свою, и въ безразсудныхъ мечтаніяхъ покидаютъ даже свои жилища, повергая себя въ величайшее бѣдствіе: то, какъ оставшіеся доселѣ вѣрными подданными, такъ и забывшіе долгъ свой симъ призываются воздержаться отъ преступныхъ мыслей, за неусыпныя о васъ попеченія не платить неблагодарностью и оставаться спокойно на мѣстахъ вашего поселенія, потому что въ Саратовъ и въ вашу сторону поспѣшно придетъ сильное войско подъ моимъ начальствомъ для защиты вашей, для истребленія и преслѣдованія явившихся между вами злодѣевъ, и въ такомъ случаѣ обѣщается вамъ продолженіе помощи и щедротъ всемилостивѣйшей Государыни нашей. Тѣ же, которые окажутся измѣнившими присягѣ своей, будутъ сочтены государственными преступниками и должны ожидать *строжайшей по законамъ казни.* Что вы останетесь вѣрными нашей всемилостивѣйшей Государынѣ и долгу своему, надѣюсь тѣмъ болѣе, что вамъ, какъ иноземцамъ и разсудительнымъ Европейцамъ, должно быть слишкомъ хорошо извѣстно, что выдающій себя за императора, *главный бунтовщикъ Емелька Пугачевъ не что иное есть какъ свирѣпый варваръ, тиранъ и изверг*ъ, истребленія котораго весь родъ человѣческій *желать долженъ. Для того чрезъ сіе высочайшимъ именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни Императрицы обѣщаю я тому, который сего мятежника Пугачева доставитъ ко мнѣ живымъ въ руки, дать* 25 *тысячъ рублевъ; который же*

---

8) Подчеркнутыя мѣста суть выраженія самого Державина изъ черноваго перевода, оставшагося при его бумагахъ, но которымъ мы не могли вполнѣ воспользоваться, потому что большей части его нельзя разобрать (№ 48). Нѣмецкій подлинникъ написанъ рукою капитана Вильгельма.

истребитъ его и представитъ ко мнѣ мертваго, тотъ получитъ половину сей суммы».

Между-тѣмъ Мансуровъ и Державинъ дожидались князя Голицына, по условію, близъ Сызрани въ селѣ Колоднѣ, которое лежало на пути его въ Пензу. По свиданіи съ нимъ Мансуровъ отправился на лѣво по берегу рѣки Волги, а Державинъ пробылъ нѣсколько дней при князѣ для подробнѣйшихъ съ нимъ объясненій и въ ожиданіи отъ Потемкина, изъ Казани, разрѣшенія: что̀ предпринять и куда обратиться послѣ того какъ Пугачевъ уже прошелъ чрезъ мѣста, порученныя наблюденію Державина и гдѣ, слѣдовательно, его присутствіе дѣлалось затѣмъ ненужнымъ.

Въ это время до князя Голицына дошелъ слухъ, что селенія на Иргизѣ и еще болѣе приволжскія колоніи опустошаются Киргизъ-Кайсаками. Такъ какъ отрядъ Голицына былъ очень не великъ, а притомъ раздробленъ для возстановленія спокойствія въ Пензинской и Симбирской провинціи, то не съ чѣмъ было идти на помощь разоряемымъ селеніямъ. Тогда-то Державинъ, не получая отвѣта отъ Потемкина, вызвался идти на Киргизъ-Кайсаковъ съ крестьянами, лишь бы ему дано было небольшое подкрѣпленіе военными людьми. Голицынъ, соглашаясь на то, далъ Державину слѣдующій ордеръ отъ 20 августа, изъ деревни Телятниковой (№ LXXXVII): «Ваше благородіе предъявили мнѣ свою готовность и желаніе набрать изъ Малыковки, какъ и съ прочихъ селеніевъ, до 600 и болѣе вооруженныхъ обывателей, для употребленія противъ варварскихъ набѣговъ Киргизъ-Кайсаковъ, которые нынѣ столь дерзостны, что коснулися къ среднимъ селеніямъ, лежащимъ на рѣкѣ Иргизѣ; то я съ охотою моею принимаю сей новый опытъ вашего усердія къ услугамъ Ея Императорскаго Величества и отечества, препоруча вамъ въ точное и въ одно зависящее распоряженіе. При томъ подаю вамъ нижеслѣдующіе способы:

«Какъ для набора обывателей и приведенія въ нѣкоторое устройство оныхъ неминуемо надобна воинская команда, на то отрядилъ часть казаковъ изъ деташамента г. генералъ-маіора и кавалера Мансурова. Но какъ оные еще не прибыли, то приказалъ командировать въ команду вашу 25 гусаровъ съ унтеръ-

офицеромъ полка Бахмутскаго, и когда оные казаки прибудутъ, то непремину въ скорости къ вамъ прислать, а для снабженія порохомъ приказалъ потому же отпустить артиллеріи поручику Решлингу три пуда, и полтора пуда свинцу и одну трехъ фунтовую пушку, съ полнымъ числомъ снарядовъ.

«А какъ поселенные иностранцы въ колоніяхъ должны брать съ прочими равное участіе оборонять и свои жительства, то ихъ начальникъ г. капитанъ Вильгельмъ находитъ средство набрать до 300, почему и далъ мое повелѣніе, чтобы немедленно къ тому приступилъ и зависѣлъ бы отъ наставленія вашего.

«Въ заключеніе прошу вашего благородія, чтобы какъ можно скорѣе могли окончить оный наборъ и готовы были слѣдовать туда, гдѣ больше набѣги отъ воровъ Киргизъ-Кайсаковъ чинятся, имѣя главный предметъ, дабы обезпечить тѣмъ колонію, какъ и жительство на Иргизѣ, утвердя потомъ въ краяхъ селеніевъ посты и составя чрезъ патрули безперерывную комуникацію, а между тѣмъ примѣчать можете и на главное стремленіе злодѣя Пугачева. Если онъ отъ преслѣдуемыхъ за нимъ нашихъ войскъ опрокинется на луговую сторону, то чтобъ заблаговременно могли свѣдать и меня о томъ увѣдомить.

«Бывшій въ военной службѣ поручикъ Гогель, что нынѣ находится въ колоніи, также желаетъ быть употребленнымъ въ сію экспедицію; то ваше благородіе извольте его опредѣлить къ тремъ стамъ колонистамъ. Если вамъ какія будутъ препятствія въ успѣхахъ въ препорученномъ дѣлѣ, то не оставьте меня увѣдомить, а я не премину подавать вамъ всевозможныя вспомоществованія.

«Впрочемъ за должность почитаю представить къ высшей командѣ, что вы взялись въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ за столь благородное дѣло для общества, и полагаю твердую надежду на васъ, на постоянную вашу ревность и достоинство, что вы предпріятія свои съ пользою произведете».

Въ слѣдъ за тѣмъ Голицынъ прислалъ къ Державину 8 колодниковъ и одну женщину, виновныхъ въ остановкѣ ѣхавшаго курьера и доставленіи его къ Пугачеву; Державину предписывалось взять ихъ съ собою и главнаго изъ нихъ повѣсить

на мѣстѣ преступленія, а «прочимъ учинить жестокое тѣлесное наказаніе». (№ LXXXVIII).

Въ тотъ же день, 21 августа, Державинъ съ своимъ новымъ гусарскимъ отрядомъ выступилъ къ Малыковкѣ, чтобы тамъ набрать крестьянъ; но едва онъ прошелъ верстъ 40, какъ получилъ отъ князя Голицына слѣдующій ордеръ (№ XC): «Сей моментъ явились здѣсь одинъ офицеръ отставной Хардинъ, а другой унтеръ-офицеръ, посланный изъ Симбирска курьеромъ въ Пензу, которые были пойманы въ злодѣйскую шайку атамана разбойника Воронова, а послѣ 17 іюля бѣжали изъ села Алексѣевскаго, что на большой Саратовской дорогѣ, въ которомъ оставили разбойниковъ сильныхъ числомъ въ 700 человѣкахъ. Я къ поимкѣ и преслѣдованію сихъ неистовыхъ людей завтрашняго числа отселѣ выступлю по большой Саратовской дорогѣ и стараться буду форсированный маршъ сдѣлать, отрядя потомъ сколько имѣю конницы съ подкрѣпленіемъ пѣхоты для пораженія и совершеннаго истребленія сихъ изверговъ; я васъ увѣдомляю о семъ, чтобы взяли свои мѣры иногда если клоненіе злодѣевъ будетъ къ Малыковкѣ, что и можетъ статься, чтобъ не могли попасться въ ихъ варварскія руки, а всего вѣрнѣе предпочитаю, что до разбитія оной партіи, не лучше ли когда бъ возвратилися обратно къ корпусу.

«Пошлите притомъ провѣдать набережною стороною, приказавъ онымъ посланнымъ, когда оная шайка покажется къ тѣмъ мѣстамъ, то бы немедленно меня увѣдомили».

Далѣе собственной рукой Голицына приписано:

«Посылаю при семъ самаго того унтеръ-офицера, который былъ у злодѣевъ, для лучшаго вамъ познанія, на которыя они мѣста шли. О г. генералъ-маіорѣ Мансуровѣ не знаю, гдѣ теперече находится и какъ онъ могъ пропустить эту шайку».

Присланный съ этимъ письмомъ унтеръ-офицеръ сообщилъ Державину, что хотя шайка Воронова, называющаго себя Пугачевскимъ генераломъ, и многочисленна, но она для Державина не опасна, потому что спѣшитъ на соединеніе съ Пугачевымъ, бѣгущимъ отъ Михельсона къ Царицыну. Поэтому Державинъ рѣшился идти далѣе и отвѣчалъ князю (№ 102): «Получа ордеръ вашего сіятельства о шатающейся шайкѣ въ

селѣ Степной Алексѣевкѣ и что оная шайка въ семъ селѣ была уже 19 числа, не знаю я куда она прямо обратила свое стремленіе; однако, какъ унтеръ-офицеръ сказывалъ, что прорывается она въ Саратовъ, то, положась на волю Божью, рѣшился идти въ Сосново и тамъ съ собранными у управителя двумя стами мужиками вооруженными буду ожидать извѣстія отъ вашего сіятельства о разбитіи толпы помянутой, также и пославъ въ Малыковку, узнаю обстоятельства какъ жительства сего, такъ и всей кругъ оной околичности».

На другой же день Державинъ получилъ отъ Голицына увѣдомленіе, что Мансуровъ разбилъ шайку Воронова, схвативъ самого ея предводителя и 435 сообщниковъ его, почему князь и предписывалъ Державину — «слѣдовать въ назначенное мѣсто съ крайнею поспѣшностью». (№ XCI.) Между тѣмъ Державинъ еще наканунѣ исполнилъ тяжелую обязанность: остановясь въ селѣ Поселкахъ, гдѣ схваченъ былъ упомянутый курьеръ, онъ, по приказанію Голицына, повѣсилъ тамъ крестьянина Михаила Гольцова. Такую же казнь долженъ онъ былъ совершить въ Сосновской волости: открывъ убійцъ Серебрякова — большею частью бѣглыхъ солдатъ, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ, онъ одного изъ нихъ повѣсилъ, а прочихъ для дальнѣйшаго слѣдствія отправилъ къ экономическому казначею Сосновской волости, артиллеріи капитану Палтову. Въ рапортѣ къ нему (№ 41) насчетъ главнаго изъ преступниковъ сказано: «Для устрашенія, изъ нихъ одинъ, на злодѣйскомъ сраженіи въ поимкѣ ихъ раненый, бѣглый солдатъ Иванъ Григорьевъ, по данному мнѣ повелѣнію и по опредѣленію моему, за его злодѣйство, въ сходство государственныхъ правъ, повѣшенъ».

Въ послѣднихъ числахъ августа (вѣроятно 25) Державинъ прибылъ въ знакомую ему Малыковку, куда онъ, какъ мы видѣли, при вынужденномъ своемъ удаленіи изъ колоній, послалъ приказаніе о вывозѣ казны и секретныхъ бумагъ; предосторожность эта была очень нужна, потому что вскорѣ варварская шайка дѣйствительно посѣтила Малыковку и Державинъ засталъ это село еще въ сильномъ волненіи отъ совершившихся тамъ ужасовъ. По его наставленію, экономическій казначей Тишинъ, дворцовый управитель Шишковскій и Саратовскій артиллерійскій

унтеръ-офицеръ съ 20 солдатами скрылись съ казною и дѣлами на небольшомъ островѣ по близости отъ Малыковки, «взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселянъ». Малолѣтнихъ дѣтей своихъ жена казначея не рѣшилась увезти также на островъ, боясь, что они плачемъ и крикомъ выдадутъ спрятавшихся, и потому, надѣвъ на нихъ «крестьянскія замаранныя рубашенки, она оставила ихъ съ кормилицами и нянькой у надежныхъ мужиковъ». Безпокойство материнскаго сердца было причиною погибели всего семейства.

На другой день рано два злодѣя, пріѣхавъ въ Малыковку, «объявили, что они изъ арміи батюшки; народъ вмигъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію и они такъ напились, что легли близъ кружала въ растяжку. Обыватели поставили вкругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи». На слѣдующее утро казначейша, соскучась по дѣтяхъ и думая, что въ селѣ нѣтъ никого изъ бунтовщиковъ, уговорила мужа съѣздить и посмотрѣть дѣтей. Сѣли въ лодку, заклались травою и съ помощію двухъ гребцовъ и кормщика благополучно приплыли къ берегу. Тутъ кормщикъ, измѣня, сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену; мучили и, неистово наругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то схватя за ноги размозжили объ уголъ головы младенцевъ; казначея и казначейшу раздѣвъ повѣсили на мачтахъ и потомъ разстрѣлявъ уѣхали». (Зап., стр. 90; ср. выше стр. 81).

Послѣ того бунтовщики болѣе не тревожили Малыковку. Шишковскій и унтеръ-офицеръ съ солдатами воротились изъ своей засады въ село. Когда же тамъ провѣдали о приближеніи Державина съ вооруженными людьми изъ отряда Голицына, то обыватели, боясь заслуженнаго наказанія за «предательство двумъ пьянымъ бездѣльникамъ», схватили участниковъ въ убійствѣ Тишиныхъ и посадили ихъ подъ караулъ. Державинъ тотчасъ допросилъ ихъ и по данной ему власти приговорилъ къ смерти [9]). Описаніе этой казни возьмемъ слово въ слово изъ его

---

9) Конечно, эту самую казнь и разумѣетъ г. Костомаровъ въ статьѣ своей: «Поѣздка въ г. Волгскъ», когда онъ говоритъ: «Послѣ успокоенія края Сапожни-

Записокъ (стр. 91). Это одно изъ тѣхъ мѣстъ его автобіографіи, которыя показываютъ, что онъ не всегда только въ поэзіи слѣдовалъ внушеніямъ своей сильной фантазіи, склонной ко всему торжественному и таинственному. «Чтобъ больше устрашить колеблющуюся чернь и привесть въ повиновеніе, приказалъ на другой день въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ, мужскому и женскому полу, выходить на лежащую близъ самаго села Соколову гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачиться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеровъ 20 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разъѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго, съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ не щадя рубить. Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ чрезъ все село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказанныхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить, а 200 человѣкъ, бывшихъ на Иргизскомъ караулѣ, которые его хотѣли поймавъ отвести къ Пугачеву, пересѣчь плетьми. Сіе все совершали, и самую должность палачей, не иные кто какъ тѣ же самые поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ же только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были Государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: «виноваты и ради служить вѣрою и правдою.»

Таковъ былъ примѣръ строгости, данный Державинымъ жителямъ села, въ которомъ онъ жилъ передъ Саратовскими происшествіями. За тѣмъ онъ велѣлъ набрать до 1,000 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ ратниковъ и 100 телѣгъ съ провіантомъ. «Въ одни сутки, говоритъ онъ, все было исполнено: 700

ковъ, съ пятью другими преступниками, былъ повѣшенъ». Сар. Пам. кн. на 1859, стр. 96.

исправныхъ конниковъ явились передъ нимъ съ сказаннымъ обозомъ изъ ста телѣгъ, и онъ былъ готовъ къ выступленію».

Но прежде нежели послѣдуемъ за нимъ, мы должны остановиться на двухъ полученныхъ имъ здѣсь важныхъ бумагахъ. Одна, отъ Потемкина (20 августа), была слѣдующаго содержанія (CXXIII): «Рапортъ вашъ отъ 16 сего мѣсяца я получилъ; съ чувствительнымъ удрученіемъ сердца читалъ я донесеніе ваше о производимомъ варварствѣ надъ несчастными людьми злодѣя и изверга Пугачева; видно, что могущество небесное терпитъ его злодѣйство и въ казнь другихъ попускаетъ оное. Трудно тамъ располагать оплотъ разумомъ, гдѣ тысячи причинъ стекаются къ попущенію сего злодѣя и къ усиливанію его. Не одинъ Саратовскій комендантъ, по несчастію, увеличилъ силы сего злодѣя. Саратовскій и Пензинскій воеводы первые ополчили его артиллерію. Явно отъ низкой души и прямой трусости своей, комендантъ дѣлалъ все къ вреду отечества и къ ободренію врага; не укрѣпивъ городъ, довершилъ зло, которое могло только отъ сего произойти. Коль велико могущество Божіе, что миръ совершенъ, теперь изъ Москвы слѣдуютъ полки на пораженіе злодѣя. Но если онъ предуспѣетъ завладѣть Царицынымъ, то еще болѣе усилится, и тогда трудно будетъ его Михельсону и Муфелю разбить. Что касается до повороту его на Донъ, то уповаю, тамъ скоро встрѣтитъ его вся вторая армія; однако сіе не облегчаетъ горесть, когда видимъ мы распространеніе зла отъ такого изверга въ самыхъ нѣдрахъ отечества нашего.

«Ваше высокоблагородіе, не находя болѣе возможности быть полезнымъ по препорученной вамъ коммисіи отъ покойнаго генералъ-аншефа Бибикова, можете быть въ Казань, гдѣ, самолично изъяснясь со мной, будете имѣть новое дѣло. Но я желаю всемѣрно, чтобъ вы управительскихъ дѣлъ копіиста Петра Алексѣева доставили въ Казанскую секретную коммисію».

Другая бумага, полученная Державинымъ, содержала циркуляръ вновь назначеннаго главнокомандущимъ для усмиренія мятежа, графа П. И. Панина. Извѣстно, что когда, послѣ разоренія Казани, Императрица была крайне озабочена успѣхами Пугачева, Панинъ, бывшій почти со взятія Бендеръ въ немило-

сти, изъ сельскаго своего уединенія просилъ поручить ему окончаніе дѣла. Екатерина изъявила согласіе, и 29 іюля былъ подписанъ указъ о назначеніи Панина. Вотъ циркуляръ его отъ 25 августа, заимствуемый нами съ копіи, написанной рукою Державина (№ XCIV): «1774 г. августа 25 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по данной мнѣ полной мочи, за собственнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ, въ имени Императора Петра третьяго, который, извѣстно всему государству, 12 тому уже лѣтъ какъ скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ не только къ пресѣченію сего бунта, но къ возвращенію въ прежнее вѣрноподданническое повиновеніе Ея Императорскому Величеству законно владѣющей скипетромъ всероссійскимъ Императрицѣ Великой Екатеринѣ второй, всѣхъ возмутившихся онымъ бунтомъ Ея Величества подданныхъ, измѣнниковъ и сообщниковъ его, предполагаю я симъ по государственнымъ законамъ поступить по нижеписанному: 1) Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки или и способствовали только поимкѣ и предательству въ руки измѣнниковъ, на смертное убійство своихъ воеводъ, всякихъ поставленныхъ отъ Ея Величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, изъ тѣхъ какъ самыхъ убійцъ, такъ и изъ предателей заводчиковъ, изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колоды у проѣзжихъ дорогъ. 2) Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками сѣчь жестоко при висѣлицахъ плетьми. 3) Ради таковой кары, при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя бунтовали или хотя и ослушными противу законнаго начальства оказались, поставить и впредь до указа не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро. 4) Если заводчиковъ въ убивствахъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, никакими настоящими обличеніями изы-

скивать гдѣ нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ, гдѣ начальники, священники и всякаго званія вѣрноподданные умерщвлены или преданы ихъ же поселянами, принуждать къ выдачѣ заводчиковъ метаніемъ между ими жребія, для повѣшанія третьяго, а ежели симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно сотаго между таковыми съ жеребья повѣсить, а остальныхъ всѣхъ возрастныхъ пересѣчь плетьми. 5) Всѣхъ поселянъ, возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ и въ должное повиновеніе своимъ начальникамъ и помѣщикамъ, утвердить въ томъ цѣлованіемъ Евангелія и креста, объявивъ, что если кто изъ нихъ дерзнетъ впредь какимъ-нибудь образомъ пріобщаться къ бунтовщикамъ или утверждать самозванца настоящимъ Петромъ третьимъ, который 12 тому уже лѣтъ, всему государству извѣстно, подлинно скончался, или кто сдѣлаетъ малѣйшее ослушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе такихъ заводчиковъ или подсыльныхъ отъ государсвенныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшія канцелярію или воинскую команду не представятъ, за то въ самой скорости присланными изъ войска команды генерала графа Панина, состоящаго теперь здѣсь внутри земли, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ безъ изъятія возрастные мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земля во владѣніе другимъ, въ вѣрности пребывшимъ всегда къ Ея Императорскому Величеству подданнымъ и помѣщикамъ. 6) Если бы паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобъ нашлись заслужившіе по вышеписанному предложенію наказаніе смертной казни или тѣлесныя истязанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличенію содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ, и о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представлять генералу графу Панину чрезъ нарочныхъ, и 7) Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ собственными обывателями, что казеннаго и помѣщичьяго разграблено, оное принуждать обратно возвращать, съ тѣмъ угроженіемъ, если у кого что изъ такого

пограбленнаго и собственно собою не возвращеннаго впередъ отыщется, то таковой непремѣнно будетъ повѣшенъ».

Въ Малыковкѣ же Державинъ получилъ двѣ бумаги отъ князя Голицына, изъ близлежащаго села Колояра, куда между тѣмъ пришелъ этотъ генералъ. Извѣщая Державина о пораженіи Мансуровымъ шайки Воронова, онъ между прочимъ писалъ (XCIII): «Потому вашего благородія ничто не можетъ остановить отъ продолженія того полезнаго дѣла, которое вы взяли на себя трудъ исполнить» и далѣе: «Превеличайшія до меня жалобы доходятъ на Алексѣевскихъ крестьянъ, принадлежащихъ вдовѣ княгинѣ Голицыной, какъ на прочихъ сосѣдственныхъ объ ихъ явномъ преклоненіи къ злодѣйству, и что многія шалости производятъ и теперече продолжаютъ; прошу васъ, чтобы главныхъ зачинщиковъ отыскать и тѣ, которые доказаны будутъ въ смертоубійствѣ дворянъ или какихъ чиновниковъ, то первыхъ изъ оныхъ двухъ казнить смертію, а прочихъ мѣсто кнута плетьми наказать. Однимъ токмо строгимъ поступкомъ можно сію, варварствомъ напоенную чернь удержать отъ бунта.

«Ежечасно ожидаю отъ передовыхъ деташаментовъ извѣстій; послѣдній рапортъ имѣлъ отъ г. Михельсона, пущенной въ 18-й день августа, что онъ считаетъ соединенными войсками подоспѣть къ 20 или къ 21-му къ Царицыну; и такъ если сей городъ, соблюдая свою непоколебимую вѣрность, удержится дня три противъ самозванца Пугачева, то надобно ожидать рѣшительнаго дѣла, тѣмъ паче, что подъ Царицынымъ находится 4,000 Калмыкъ. Не оставьте отъ себя употребить всѣ способы послать вѣрныхъ людей внизъ по Волгѣ промежду Камышенки и Царицына развѣдать, не будетъ ли уклоненія самаго первоначальнаго злодѣя на луговую сторону, какъ отъ оныхъ мѣстъ есть дорога на Узени; я отъ своихъ посланныхъ еще не имѣю никакаго слуха.

«Около Пензы и Саранска возмущеніе въ черни происходитъ въ вышнемъ градусѣ и такъ, что Пензенскіе уланы съ ихъ шефомъ окружены въ Головинскихъ вотчинахъ; но отправленной отъ меня г. подполковникъ Бедряга, надѣюся, что вчера туда достигъ и накажетъ жестоко преступниковъ».

Другой ордеръ Голицына былъ такого содержанія (№ XCV): «Сейчасъ явился ко мнѣ графа Петра Борисовича Шереметева села Камышляйки прикащикъ Петръ Смирной и объявилъ, что вѣдомства Малыковской волости крестьяне Иванъ Удилищевъ, да села Нарышкина Родіонъ, а какъ прозваньемъ не вѣдаетъ, будучи въ злодѣйской толпѣ, пріѣзжали самъ пятъ въ означенное село Камышляйку и, разграбивъ домъ господской, мучили онаго прикащика и жену его плетьми немилосердо и хотѣли повѣсить; но по просьбѣ того села крестьянъ оставили ихъ едва вживѣ и побѣжали разбивать стоящій въ томъ селѣ питейный домъ, въ которое время означенный прикащикъ отъ нихъ скрылся и тѣмъ спасъ животъ свой. А какъ оные тираны, по объявленію сего прикащика, содержатся въ Малыковской волости подъ карауломъ, то имѣете ваше благородіе, по доказательству сего прикащика, котораго при семъ къ вамъ препровождаю, учинить имъ надлежащее разсмотрѣніе и спросить, куда оными злодѣями ограбленная у него пажить дѣта, и что окажется съ показаніемъ ихъ преступленій, прислать ко мнѣ рапортъ».

Въ 1-й изъ этихъ бумагъ князь Голицынъ обѣщалъ было еще 50 Яицкихъ казаковъ, однако жъ Державинъ, не дождавшись ихъ, 30 августа переправился черезъ Волгу; колоніи нашелъ онъ почти опустѣвшими, и остановясь въ селеніи Красный Яръ на Иргизѣ, послалъ Голицыну слѣдующій рапортъ (№ 68): «Ордера вашего сіятельства, первой о начатіи моей экспедиціи и о разобраніи Алексѣевскихъ жителей, второй о возвращеніи пограбленной пажити въ селѣ Камышляйкѣ у прикащика Смирнова, получилъ, на которые донесть имѣю: изъ посланныхъ передъ симъ моихъ рапортовъ ваше сіятельство уже изволите видѣть, что я для отраженія Киргизъ-Кайсаковъ съ командою за Волгу переправился и еще третьяго дня бы съ ними могъ имѣть дѣло; но сіи вѣтреные воры бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто по степи и не даютъ наказать себя. Почему я предпріялъ теперь, остановясь въ жительствѣ въ Красномъ Ярѣ, снабдить себя провіантомъ и сождать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ, еще собирающихся, и имѣющихъ быть присланныхъ отъ вашего сіятельства казаковъ и слѣдовать за ними далѣе въ степь. Ежели ваше сіятельство повелѣть изволите, то пойду и на Узени, гдѣ хотя

невѣроятно, но какъ сказываютъ, они свое главное и становище имѣютъ. Выбѣжавшіе отъ сихъ воровъ плѣнники доносятъ мнѣ, что они были захвачены разными партіями, которыя и не сильнѣе были, какъ каждая изъ нихъ состояла человѣкъ около 50. По симъ обстоятельствамъ ежели и буду въ одномъ краю, то они могутъ озорничать въ другомъ. И такъ желалъ бы я ихъ гдѣ захватить и разбить, но должно же мнѣ наблюдать прикрытіемъ отъ Малороссійской Саратовской «(т. е. Покровской)» слободы до слободы Мечетной, это сдѣлаетъ болѣе 150 верстъ; также могутъ они дѣлать свои набѣги и даже и къ самой Самарѣ. На сіе вашего сіятельства ожидаю повелѣнія, идти ли мнѣ всею моею собранною ратью искать ихъ по степи станъ, или сдѣлать только кордонъ, отъ слободы Мечетной до Малороссійской Саратовской слободы, до Самары же отъ Мечетной ежели-бъ изволили кому другому также приказать собрать горныхъ противъ тѣхъ мѣстъ жителей и расположить кордонъ. Но ежели отъ Яика до Мечетной, какъ сказываютъ, есть форпосты, то сего ужебъ было и довольно. Передо мной еще былъ пойманъ одинъ Киргизъ-Кайсакъ, который отъ раны умеръ. Онъ, будучи спрашиванъ, сказывалъ, яко бы они разосланы отъ самого хана для похищенія людей и отгонки табуновъ. Алексѣевскихъ жителей мнѣ было пересѣчь некогда, а какъ я вашему сіятельству рапортомъ моимъ доносилъ, что одного изъ убійцъ смотрителя моего Серебрякова тамъ для страху повѣсилъ; когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню и ихъ пересѣку. Грабившіе Малыковскіе жители прикащика Смирнова разберутся также, какъ я возвращуся и что отъ нихъ отобрано будетъ, прикащику возвращу; но одинъ изъ нихъ, а именно Нарышкинской житель Родіонъ Сахаровъ, какъ я доносилъ вашему сіятельству, въ Малыковкѣ повѣшенъ. Всенижайше прошу вашего сіятельства Малыковскаго жителя, прозываемаго Борясюнка, который пойманъ и содержится въ Саратовѣ, прислать приказать въ Малыковку, ибо онъ убійца казначея Тишина и его младенцевъ, такъ долженъ предъ тѣми же жителями, предъ которыми совершилъ свое варварство, и получить себѣ, ежели приказать изволите, и возмездіе. Колонисты собираются въ колоніи Шафгаузенъ и еще нѣсколько только собралося крейса г. капитана Вильгельма,

прочіе же нѣтъ, какъ видно худо слушаются и ждутъ также привесть себя въ послушаніе, какъ учинено съ злодѣями и въ Малыковкѣ. При опекунской конторѣ остался присутствующій г. совѣтникъ Тилингъ [10]); я его просилъ, чтобъ онъ о состояніи своей конторы вашему сіятельству отрапортовалъ и вотъ при семъ его пакетъ прилагаю; что въ немъ писано, мнѣ неизвѣстно. Изъ словъ его вижу, что у нихъ съ оставленнымъ за коменданта несогласіе и также какъ прежде неустройство [1]). Тотъ можетъ собрать похищенный конторскій провіантъ, но не собираетъ, а который собралъ по требованіямъ сего совѣтника, не даютъ, комисары же, чѣмъ кормить колонистовъ не имѣютъ, во всемъ семъ должно учинить порядокъ, и ежели не довольно будетъ можно пограбленнаго собрать, то заблаговременно колонистамъ хлѣба промыслить. Впрочемъ помрутъ или разбѣгутся. Не изволите ли ваше сіятельство послать правящему въ Саратовѣ за коменданта ордеръ и велѣть, по требованіямъ совѣтника, собранный хлѣбъ комисарамъ для выдачи колонистамъ выдавать и самому ему прилежно стараться о собираніи похищеннаго провіанта, ибо сказываютъ, его у жителей хотя и не весь, но собирать можно».

Въ колоніяхъ къ Державину присоединился уже не разъ названный нами Ѳедоръ Гогель, и 1-го сентября они изъ селенія Краснаго Яра (что на Иргизѣ) пошли степью. Сверхъ гусаръ у Державина было не болѣе 5—600 крестьянъ. Описаніе этого похода мы возьмемъ не изъ Записокъ, составленныхъ Державинымъ черезъ столько лѣтъ, а изъ первоначальнаго журнала его и изъ рапорта князю Голицыну. «1-го числа сего мѣсяца, разсказываетъ Державинъ въ своемъ журналѣ, предпріялъ я прямо прорѣзывать степь, дабы напасть гдѣ на ихъ (Киргизовъ) станъ и отбить плѣнъ, похищенный ими. 4-го числа былъ я толико счастливъ, что нашелъ на ихъ весьма немалолюдную толпу и на вершинахъ рѣки Малаго Карамана по сраженіи благополучно разбилъ оную и отнялъ однихъ колонистовъ 811, а съ прочими

10) Въ Мѣсяцословѣ 1774 г. Іоганъ Филипъ фонъ Тилингъ названъ ассесоромъ; самъ же Лодыжинскій главнымъ судьею въ конторѣ опекунства.

1) Пугачевъ оставилъ въ Саратовѣ комендантомъ казацкаго урядника Уфимцева; когда же черезъ два дня (11 августа) туда пришелъ полковникъ Муфель, то должность эта поручена была члену низовой соляной конторы Савельеву. Сарат. губ. вѣдом. 1843, № 30.

около тысячи человѣкъ. По учиненіи сего не могъ я глубже въ степь простирать своего марша, ибо изнуренные и измученные плѣнники меня обременяли, такъ что, не взирая, что каждому далъ провіантъ, долженъ былъ его посадить и на лошадь, а потому, довольствуясь симъ успѣхомъ, возвратился я и привелъ отбитый плѣнъ съ ихъ имѣніемъ и со скотомъ въ колонію Тонкошуровку и отдалъ крейса того коммисару Польской службы подполковнику Гогелю, а опекунской конторѣ далъ знать о попеченіи, чтобъ не уморить ихъ съ голоду. Послѣ сего нѣкоторою частью своихъ крестьянъ, которыхъ у меня и всего 500 было, учинивъ прикрытіе въ пристойныхъ мѣстахъ колоніямъ и сдѣлавъ въ оныхъ сколько нибудь военный порядокъ, хотѣлъ я паки идти для поисковъ хищническихъ Киргизскихъ партій, ибо вышеписанною побѣдою не могъ я еще возвратить всего плѣна, а особливо того, который сначала ихъ нападенія изъ Иргизскихъ степей уведенъ былъ. Но, будучи какъ ордеромъ генерала князя Голицына, такъ въ тотъ же день и чрезъ Яицкаго старшину маіора Бородина Трубчевскимъ комендантомъ увѣдомленъ, что Пугачевъ по разбитіи его подъ Чернымъ Яромъ бросился на луговую сторону и пробирается на Узени, котораго онъ и посланъ преслѣдовать, — для того, когда я еще не имѣя извѣстія, что генералъ князь Голицынъ съ своимъ деташаментомъ подвинулся на Иргизъ, то чтобъ занять сей приходъ, учредивъ, какъ выше сказано, въ пристойныхъ мѣстахъ по колоніямъ посты, отправился я на рѣку оную» (№ 109).

Въ рапортѣ же князю Голицыну, писанномъ вѣроятно въ самый день разогнанія Киргизовъ или по крайней мѣрѣ не позже слѣдующаго дня, Державинъ такъ описывалъ свой походъ (№ 66 и 104): «Не дождавшись отъ вашего сіятельства посланныхъ казаковъ и прочихъ къ собранію подлежащихъ, по приказу моему крестьянъ, не упущая болѣе грабительствовать Киргизъ-Кайсакамъ время, какъ я доносилъ вашему сіятельству, выступилъ я изъ жительства Краснаго Яру и пошелъ прямо на Узени, чаявъ тамъ найдти Киргизъ-Кайсаковъ станъ. Имѣя 600 человѣкъ собранныхъ крестьянъ, оставилъ я 100 человѣкъ для закрытія Иргизскихъ селеній, а колонистовъ, раздавъ имъ

порохъ и свинецъ, для того оставилъ я также въ ихъ жительствахъ, чтобъ они свои селенія защищали.

«Продолжая усильной мой походъ три дня, улучилъ я хищниковъ Киргизъ-Кайсаковъ при вершинахъ рѣки Карамана. Какъ же скоро оныхъ передовщики мои открыли, то сдѣлавъ я съ гусарами два отряда, одинъ подъ командою г. Польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, а другой подъ командою Саратовскаго баталіона поручика Зубрицкаго, велѣлъ атаковать ихъ во фланги, а самъ, прикрывъ мою пушку и сдѣлавъ изъ обозу вагенбургъ, слѣдовалъ въ ихъ средину. Но какъ скоро мои отряды на нихъ сильно ударили, то тотчасъ ихъ опрокинули (эта фраза послѣ измѣнена нѣсколько, но поправки нельзя разобрать).

«На мѣстѣ убитыми сочтено 42, въ полонъ взято 10,[2]), нашего плѣну отбилъ колонистовъ 811, Малороссіянъ 20 человѣкъ. Учиня жъ сію побѣду, хотя и должно было мнѣ еще продолжать мой маршъ въ степь далѣе, за первой Киргизской партіей, которая успѣла увесть, уповаю, колонистовъ около 150 и уже давно впередъ отправилась; но какъ сей отбитой полонъ тягчилъ меня, ибо будучи умученъ заставилъ везти...., также и безъ одежи и безъ корму не можно было его оставить на мѣстѣ; то и прибылъ я съ нимъ въ колонію Маріенталь. Тутъ теперь собралъ господъ крейсъ-коммисаровъ и отдалъ имъ на руки какъ людей, такъ и скотъ, котораго великое же множество отбилъ». Изъ остальной половины этого рапорта, писанной съ чрезвычайною поспѣшностью, можно разобрать только нѣкоторыя фразы. Какъ видно изъ нихъ, Державинъ при рапортѣ отправилъ къ Голицыну, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, двухъ оставшихся въ живыхъ Киргизовъ, которые показывали, что товарищей ихъ подбивалъ на разбой, безъ дозволенія ханскаго, киргизскій же владѣлецъ, именемъ Каранай. Въ разбитой партіи было около 1 т. человѣкъ «и я бы всѣхъ не упустилъ, прибавлялъ Державинъ, еслибъ воины мои были не мужики и лошади были у нихъ какъ у Киргизцевъ легкія». «Не знаю, будутъ ли впередъ Киргизцы озорничать, но только надлежитъ, ваше сія-

2) Въ первоначальной редакціи было показано 6 и прибавлено: «ибо люди разгоряченные легче кололи нежели брали въ плѣнъ.»

тельство, заблаговременно прислать команду и всю степь до Яика вычистить. Впрочемъ они, какъ Волга станетъ, по.... снѣгу великихъ бѣдъ надѣлать могутъ. Можно ли не военныхъ людей въ дальній походъ употребить, ваше сіятельство изволите разсудить сами. Я насилу ихъ собрать могъ и теперь разставилъ отъ Иргиза до Карамана изъ нихъ партіи и учреждаю разъѣзды. Господъ крейсъ-коммисаровъ просилъ я, чтобъ сдѣлали въ колоніяхъ разъѣзды и взяли предосторожности».

Подробности послѣдняго распоряженія видны изъ слѣдующаго ордера крейсъ-коммисарамъ (№ 55) [3]): «Дабы учредить для безопасности порядочную связь разъѣздовъ въ прикрытіе ввѣренныхъ вамъ колоній, то извольте оные разъѣзды разослать такимъ образомъ: г. капитану Вильгельму имѣть свой патруль на *горѣ Читалагаѣ*, и въ одну сторону посылать до жительства Иргизскаго *Краснаго Яру*, а въ другую до колоніи *Гокенберга*. Г. поручику Иванову въ одну сторону посылать изъ *Екатеринштата* до *Гокенберга*, а въ другую до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ, а въ третью сторону до колоніи *Краснаго Яру*. Изъ *Краснаго Яра* г. маіору Пиль посылать до Малороссійской *Покровской слободы*, а въ другую сторону вверхъ большаго Карамана до колоніи *Тонкошуровки* [4]). Отъ сей же колоніи имѣющій тамъ свой постъ, г. поручикъ Зубрицкой будетъ посылать свой разъѣздъ отъ *Тонкошуровки* вверхъ большаго Карамана до колоніи *Мечетной* и въ другую сторону до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ. Такимъ образомъ учиненная связь изъ одного мѣста до другаго будетъ дѣлать безопасность и сообщать вѣрнѣйшія извѣстія, но только чтобъ въ сіи разъѣзды посылаемы были люди надежные. Сіи разъѣзды будутъ состоять какъ изъ вашихъ колонистовъ, которыхъ вы на то нарочно доброконныхъ учредить имѣете, такъ и изъ присланныхъ съ нагорной стороны жительствъ крестьянъ, которыхъ будетъ въ Красномъ Яру, въ Екатеринштатѣ и въ Панинской по сту человѣкъ, о высылкѣ которыхъ уже и повелѣніе послано. Окромѣ

---

3) Ср. частное письмо Вильгельма № 142 отъ 29 августа.

4) Державинъ всегда такъ пишетъ это имя, но въ письмѣ Вильгельма № 142 — *Тонкошкуровка*. Въ изданномъ текстѣ Записокъ (стр. 93) имя это, по неразборчивости рукописи, напечатано невѣрно.

же разъѣздовъ, которые вы имѣете посылать внутрь степи по крайней мѣрѣ верстъ по 20, прикажите стоять пикетамъ на мѣстахъ высокихъ и чтобъ рапорты ваши.... доходя до Иргизскаго Краснаго Яру, оттуда уже доставляться будутъ мнѣ. Самимъ же вамъ быть при своихъ крейсахъ безотлучно и своими распоряженіями и учрежденіями помогать мнѣ.»

По разсказу Державина въ Запискахъ его, онъ еще на пути въ степь сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для защиты колоній отъ Киргизскихъ набѣговъ. Раздѣливъ разстояніе между двумя крайними колоніями, Екатеринштатомъ и Шафгаузеномъ, на 4 форпоста, онъ на каждомъ изъ нихъ поставилъ по 50 крестьянъ; для наблюденія же надъ Киргизами завелъ порядокъ, обыкновенный у степныхъ Татарскихъ народовъ, т. е. на пригоркахъ (курганахъ?) велѣлъ онъ устроить маяки съ тѣмъ, чтобы тамъ по очереди стояло на караулѣ человѣка по три изъ колонистовъ, и при первомъ появленіи Киргизовъ, зажигать ближайшій маякъ, къ которому и собираться какъ вооруженнымъ крестьянамъ по 50 человѣкъ съ той и съ другой стороны, такъ и колонистамъ, сколько ихъ гдѣ случится.

Въ этомъ разсказѣ однакожъ есть, кажется, неточность. Изъ рапорта князю Голицыну, послѣ разогнанія Киргизовъ, видно, что Державинъ оставилъ въ колоніяхъ не 200, а только 100 человѣкъ. Вообще описывая всю эту экспедицію въ своихъ Запискахъ, Державинъ впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Такъ не только число собранныхъ въ Малыковкѣ, по его приказанію, крестьянъ увеличено имъ на цѣлую сотню (ср. его рапорты и подлинный журналъ), но тоже сдѣлано и съ числомъ плѣнныхъ, отбитыхъ имъ въ стычкѣ съ Киргизами: въ Запискахъ сказано, что ихъ было около 1,500, тогда какъ по рапорту нельзя насчитать болѣе тысячи.

Немедленно по возвращеніи изъ степи Державинъ, донося князю Голицыну о своемъ походѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ горячо хвалилъ ему главныхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ рапорта 5 сентября (№ 67) онъ распространяется именно о всѣхъ «въ усердіи отличившихся», и послѣ нѣсколькихъ неразобранныхъ нами строкъ говоритъ: «Смѣю представить къ благоволенію вашего сіятельства

г. польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, яко болѣе всѣхъ при семъ случаѣ рачившаго и трудившагося». Ходатайствуя потомъ за поручика Саратовскаго баталіона Зубрицкаго и двухъ унтеръ-офицеровъ своихъ, гусарскаго и фузелернаго, онъ наконецъ проситъ о награжденіи дворцоваго крестьянина Трофима Герасимова, «котораго я къ вашему сіятельству съ симъ рапортомъ посылаю», званіемъ мѣщанина «для подражанія ему прочихъ крестьянъ». Послѣ того Державинъ, испрашивая у Голицына позволенія «оставить здѣшнія мѣста и слѣдовать въ Казань», куда вызывалъ его Потемкинъ, однакожъ прибавляетъ: «Нѣтъ ли какихъ должностей въ разсужденіи поиска и поимки Пугачева въ странѣ здѣшней, ежели онъ въ округу мою удаляется, или какихъ другихъ, на что вашего сіятельства прошу милостиваго и скорѣйшаго увѣдомленія. Присланный манифестъ отъ имени его сіятельства П. И. Панина публикую: висѣлицы и прочее по бунтующимъ жительствамъ велю изготовить».

На той же страницѣ нѣсколько ниже приписано Державинымъ слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Кто охотникъ до просвѣщенія, тотъ заплачетъ глядя на изодранныя ученыхъ людей книги, кто домострой, тотъ погорюетъ о сокрушенныхъ домоводствахъ (?), а кто человѣкъ, тотъ слезно возропщетъ, смотря на тѣла варварски избіенныхъ, которыхъ при колоніи Маріенталѣ собралъ я 28 и предалъ погребенію».

Въ тотъ самый день, когда отправлено было это донесеніе, т. е. 5 сентября, Державинъ получилъ отъ князя Голицына двѣ бумаги, въ которыхъ тотъ, сообщая ему только что доставленное изъ Камышенки извѣстіе о совершенномъ пораженіи Пугачева, писалъ (№ CIII), что «самозванецъ переправился на луговую сторону, и на Узеняхъ найдетъ себѣ всеконечное укрывательство и потомъ, соединяся съ Киргизъ-Кайсаками, въ состояніи будетъ навести вновь безпокойства: такъ вашего благородія увѣдомя, надѣюся, что вы не оставите находить всѣ средства точно удостовѣриться, куда злой замыселъ сего нечестиваго самозванца клонится и не можно ли найдти такихъ вѣрныхъ обывателей, которые бъ его могли поймать, или умертвить, и побужденіе на столь надобное и нужное дѣло употре-

бить удобовозможные способы, не жалѣя въ томъ денегъ, а сколько вамъ надобно на первый случай, извольте употребить на мой собственный счетъ, я не премину къ вамъ доставить. Весьма полезенъ къ сему дѣлу *Леонтій Федотовъ*, но онъ отправленъ отъ меня къ Александру Васильевичу Суворову, и такъ по всѣмъ предположеніямъ, я почелъ за нужное въ самой скорости движеніе сдѣлать къ Сызрану, и надѣюся прибыть завтрашній день, а оттуда буду болѣе основывать свой оборотъ по увѣдомленіямъ вашимъ, а между тѣмъ буду продолжать свой путь на Соснову, смотря гдѣ удобнѣе можетъ быть переправиться на супротивный берегъ рѣки Волги. Прошу вашего благородія почасту доставлять ваши ко мнѣ увѣдомленія и гдѣ Киргизъ-Кайсаки болѣе нападенія дѣлаютъ».

Между тѣмъ Голицынъ обрадованъ былъ рапортомъ Державина о благополучномъ окончаніи Киргизской экспедиціи и отвѣчалъ ему ордеромъ, на который Державинъ указываетъ и въ Запискахъ своихъ (стр. 93): «Я не въ состояніи описать моего удовольствія, получа вашъ рапортъ, въ которомъ нашелъ, что вы надъ Киргизъ-Кайсаками одержали совершенную побѣду, освободя отъ неволи болѣе осьми сотъ несчастныхъ колонистовъ, которые были въ оковахъ. Однимъ словомъ чрезъ хорошее ваше учрежденіе совсѣмъ привели вы тамошній край въ спокойствіе и безопасность. Признаться должно, что ваша побѣда не столь велика бы была, когда бы вы имѣли команду военныхъ людей, но тѣмъ болѣе пріобрѣли вы себѣ чести, одержавъ побѣду такими людьми, которые ни образа нашей битвы, ни малѣйшей привычки не имѣютъ. За все сіе приношу вамъ искреннее мое благодареніе, равно какъ и соучаствовавшимъ съ вами: г. Гогелю и поручику Зубрицкому, а командѣ вашей вы объявите, что безъ награжденія не останется. Я же спѣшу о столь достохвальныхъ вашихъ подвигахъ донести главнокомандующему г. генералъ-аншефу и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу П. Ив. Панину [5]).

---

5) Въ то же время и князь Иванъ Баратаевъ, вѣроятно адъютантъ князя Голицына, писалъ къ Державину отъ 7 сентября: «Какъ вы насъ обрадовали присланнымъ, что такимъ войскомъ, какое у васъ, прогнали Киргизцовъ, сихъ уродовъ, и освободили пропадшихъ душъ изъ неволи. Богомъ клянусь, князь этому такъ доволенъ, по всему свѣту эхо пойдетъ» (Част. переп. № 80).

«Теперь приступаю я васъ увѣдомить о слѣдующемъ: отчасти уже извѣстны ваше благородіе изъ моихъ къ вамъ ордеровъ, что злодѣй Пугачевъ на голову со всею своею многочисленною толпою побитъ за Царицынымъ въ 100 верстахъ, а онъ самъ бѣжалъ на луговую сторону вверхъ. Какіе же дошли ко мнѣ, послѣ сего его пораженія, рапорты, съ оныхъ для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копіи, имѣя притомъ партикулярныя новости, что варваръ бѣгъ свой обратилъ къ Гурьеву городку, но какъ оно еще неосновательно, то я и прошу васъ отъ стороны Камышенки и Узеней имѣть наиприлежное примѣчаніе, учредя ваши посты отъ берега Волги, за большимъ Караманомъ отъ Краснаго Яра къ Узенямъ, и поставя оные такимъ образомъ, чтобы чрезъ патрули могла быть безпрерывная коммуникація, а впередъ дѣлали бы разъѣзды. Между тѣмъ не оставьте, ваше благородіе, послать вѣрныхъ подлазчиковъ въ Узени и въ самыя тѣ мѣста, гдѣ злодѣй можетъ укрывательство найдти, чтобы въ точности узнать о настоящемъ его положеніи. Теперь предстоитъ намъ случай совсѣмъ его сокрушить, слѣдовательно и надлежитъ брать къ тому всѣ возможныя средства. А я на васъ полную надежду возлагаю, что вы не пропустите всего того, что можетъ служить къ пользѣ нашего предпріятія. Я съ деташаментомъ моимъ сдѣлалъ въ три дня болѣе двухъ сотъ верстъ и теперь переправиться за Волгу великая погода и малое число перевозныхъ судовъ меня задерживаютъ, но однако надѣюсь быть къ Красному Яру, что на Иргизѣ, завтра. Главный мой предметъ въ томъ состоитъ, чтобы не дать злодѣю болѣе усилиться и не допустить пробраться какъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, такъ и къ Яицкому городку, а всего лучше, если Господь Богъ поможетъ, сего изверга поймать. Движенія деташамента моего будутъ простираться по Иргизу, чтобы въ нужномъ случаѣ васъ подкрѣпить, такъ какъ и не выпустить изъ примѣчаній Яицкаго городка, а между тѣмъ и отряженныя легкія войска изъ передовыхъ корпусовъ подоспѣютъ сюда.

«Впрочемъ я надѣюсь, что ваше благородіе не оставите взять всѣхъ нужныхъ осторожностей. А когда паче чаянія стремленіе злодѣя на васъ прямо будетъ, то вы можете всегда

подкрѣпленіе имѣть отъ меня, и въ такомъ случаѣ подвигаться ближе къ Иргизу. Если вамъ будетъ время, то извольте быть ко мнѣ, дабы полезнѣйшія можно было положить мѣры о вашихъ будущихъ оборотахъ. Я, ожидая частыхъ отъ васъ увѣдомленій, не премину доставить присланному отъ васъ жителю Малыковской слободы Трофиму Герасимову медаль за его вѣрную и усердную службу [6]). (№ CXI).

«Наконецъ не оставлю нынѣ же увѣдомить его превосходительство г. генералъ-маіора и кавалера Потемкина, что пребываніе ваше въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма нужно, и чтобы вы для того не были отсюда отлучены».

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о благодарственномъ письмѣ, полученномъ Державинымъ гораздо позже (въ апрѣлѣ 1775 г.) отъ конторы опекунства иностранныхъ за подписью Лодыжинскаго: «По случаю отбитыхъ вами въ прошломъ 1774 г. и возвращенныхъ въ колоніи изъ плѣна отъ Киргизъ-Кайсаковъ колонистовъ болѣе 800 человѣкъ и при нихъ не малаго числа лошадей и рогатаго скота, контора обязанною себя находитъ чрезъ сіе изъявить съ своей стороны благодарность, что толикое число принадлежащихъ высокой коронѣ людей съ ихъ скотомъ, стараніемъ вашимъ, изъ рукъ оныхъ похитителей освобожденными и возвращенными въ ихъ жилища остались, о чемъ и канцелярія опекунства иностранныхъ давно уже увѣдомлена». (№ XXVIII).

---

6) Еще прежде, отъ 30 августа, Державинъ представлялъ Голицыну о пожалованіи Герасимову медали и о награжденіи вдовы убитаго Серебрякова. Но на это ходатайство генералъ отвѣчалъ очень сухо отъ 4 сентября (№ CXII): «Серебрякова жена за услуги мужа ея конечно долженствуетъ быть награждена, но поелику я не знаю состоянія въ пропитаніи теперешней ея жизни, то и награжденіе каковое ей сдѣлать, я расположить не могу. Крестьянина же Трофима Герасимова описываете ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества тѣмъ, что онъ первый, который узналъ про Пугачева, и его стараніемъ сей злодѣй былъ въ Малыковкѣ пойманъ, за что и испрашиваете наградить его медалью, то я, не видя изъ вашего рапорта особливаго его усердія, кромѣ что его стараніемъ Пугачевъ пойманъ, наградить его тѣмъ не могу, ибо въ тогдашнее время поймать такого бродягу праздношатающагося не составляло ни какой трудности, а не учинившій онаго наказывается по законамъ яко сообщникъ и помощствующій его злодѣянію, а что надѣетесь, еслибъ и нынѣ пришелъ потаенно злодѣй въ Малыковку, не упустить его, то въ такомъ случаѣ кто его поймаетъ, и справедливо награждается, и каковое то награжденіе состоять будетъ, уже объявлено».

V. Распоряженія къ поимкѣ Пугачева и Филарета.

Мы видѣли, что Державинъ, возвратясь изъ степи, остановился въ колоніяхъ. Тамъ получилъ онъ слѣдующіе два ордера князя Голицына, оба отъ 8 сентября: 1-й (№ CXIII), «Рапортъ вашего благородія сей часъ ко мнѣ доставленъ, изъ котораго я вижу, что вы извѣстны о злодѣѣ, и потому надѣюся, что не оставите взять всѣхъ надежныхъ мѣръ; гдѣ вы можете со мною соединиться, ожидать буду увѣдомленіевъ, не меньше какіе способы найдете и къ сохраненію колоніи».

2-й (№ CXIV): «Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія, какіе вы имѣете слухи о злодѣѣ, а ему надобно неотмѣнно пробраться къ Узенямъ, такъ какъ ваше благородіе взяли къ тому средства, не оставьте подать ко мнѣ свѣдѣнія, а я завтрашняго числа буду въ Красномъ Яру, гдѣ ожидаю и васъ, чтобъ по свѣдѣніи на лучшихъ положить мѣрахъ о вашемъ будущемъ движеніи.

«Посланной отъ васъ въ разъѣздъ гусарскаго Бахмутскаго полка унтеръ-офицеръ Ездемиревичь явился у меня, который за хорошее поведеніе, а паче за отличившуюся храбрость въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ, произведенъ мною вахмистромъ».

Собственноручная приписка князя Голицына: «Сей часъ получилъ извѣстіе, что злодѣй Пугачевъ точно бѣжалъ луговою стороною вверхъ по Волгѣ и что изъ его шайки были въ Красномъ Яру, что за Караманомъ большимъ, забирать хлѣба; такъ ваше благородіе, какъ близко отъ тѣхъ мѣстъ находитесь, то прошу скорѣе меня извѣстить, чтобы я могъ своимъ движеніемъ потомъ располагать».

Такъ какъ между тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что разбитый Пугачевъ отправился на Узени, то Державину казалось, что теперь наступила настоящая минута для исполненія даннаго ему первоначально порученія, т. е. для поимки Пугачева. Онъ рѣшился составить для этого цѣлый отрядъ изъ бывшихъ при немъ крестьянъ села Малыковки и съ этою цѣлью отправился на Иргизъ въ Красный Яръ, куда между тѣмъ подоспѣлъ и самъ князь Голицынъ, такъ что они опять соединились. Державинъ, выбравъ сто самыхъ надежныхъ крестьянъ, придумалъ

отправитъ ихъ какъ будто для преслѣдованія Киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они, приставъ къ шайкѣ Пугачева, старались поймать его. Голицынъ одобрилъ этотъ планъ, и въ день выступленія съ своимъ корпусомъ изъ Краснаго Яра, 9 сентября, отдалъ приказъ, изъ котораго выписываемъ два относящіеся къ Державину пункта (№ 116): «1) Завтрашняго числа корпусу имѣетъ быть походъ по полуночи въ 5 часовъ и о выступленіи ожидать обыкновеннаго барабаннаго боя. 2) Командѣ гвардіи г. поручика Державина слѣдовать за часъ до выступленія корпуса и патрули свои посылать по сторонамъ, открывая землю сколько можно далѣе и болѣе. Прибывъ въ Криволоцку расположиться и ожидать прибытія корпуса, равно жъ и отрядить свои небольшіе боковые патрули, которые вдоль марширующаго корпуса отъ авангарда до аріергарда могли бы мѣстоположеніе очищать». Для обезпеченія себя въ вѣрности посылаемыхъ крестьянъ, Державинъ взялъ у нихъ женъ и дѣтей въ залогъ, а чтобъ поощрить ихъ далъ имъ по 5 рублей на брата, что было разрѣшено ему особымъ ордеромъ князя Голицына (№ CXVII). Чтобы придать своему отряду болѣе важности и ужасомъ отвратить людей отъ всякаго покушенія къ измѣнѣ, Державинъ — такъ разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ — приказалъ имъ собраться въ полночь въ лѣсу и, поставя въ ихъ кругъ священника съ Евангеліемъ на налоѣ, привелъ ихъ къ присягѣ и совершилъ казнь надъ однимъ преступникомъ: именно здѣсь былъ повѣшенъ тотъ изъ убійцъ Тишина, который въ свое время успѣлъ скрыться и избѣгнулъ казни, постигшей его сообщниковъ въ Малыковкѣ. Крестьяне обѣщали подъ присягою употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живаго или мертваго и отправились въ степь подъ начальствомъ выбраннаго изъ нихъ же старшины. Въ назначенное время князь съ своимъ корпусомъ пошелъ къ Яицкой крѣпости, а Державинъ съ остальными крестьянами остался на Иргизѣ.

На другой день послѣ того, какъ онъ разстался съ Голицынымъ, разосланные по степи подзорщики возвратились, правда, не съ пустыми руками, но и не съ Пугачевымъ. Они привели къ Державину Пугачевскаго полковника, бывшаго заводскаго

служителя Мельникова, который объявилъ ему чрезвычайную новость: Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками на ночлегѣ при Узеняхъ [7]) и увезенъ въ Яицкій городокъ, для передачи бывшему тамъ отъ секретной коммисіи офицеру Маврину; посланный Державинымъ отрядъ опоздалъ двумя днями на мѣсто, гдѣ казаки связали самозванца. Такъ добыча, о которой столько заботился Державинъ, ускользнула у него изъ-подъ рукъ въ рѣшительную минуту. Главная цѣль, для которой онъ былъ посланъ на Волгу, осталась недостигнутою, предпріятіе не удалось. Но такой неуспѣхъ долженъ быть приписанъ не столько ему, который ничего не упустилъ по своему порученію, сколько самому плану предначертанныхъ ему дѣйствій, основанному на несбывшемся предположеніи, будто Пугачевъ придетъ вторично искать убѣжища на Иргизѣ. Посылка Державина произошла изъ предосторожности, но предосторожность оказалась излишнею. Въ какой мѣрѣ его дѣятельность была, не смотря на то, полезна, постараемся опредѣлить въ послѣдствіи.

Не лучше удалось Державину отысканіе раскольничьяго инока Филарета, которое Потемкинъ не разъ поручалъ ему. Мы уже видѣли приписку о томъ въ одномъ изъ писемъ перваго, относящемся къ концу іюля. 2-го августа Потемкинъ писалъ Державину особо по этому дѣлу (№ LXXX): «Извѣстно мнѣ по допросамъ преступниковъ, что злодѣй и самозванецъ Пугачевъ отпустилъ [8]) съ награжденіемъ вѣдомаго вамъ старца Филарета. Употребите всю возможность къ сысканію его, ибо необходимо должно заключать, что оный старецъ будетъ новые дѣлать плевелы; я не отъемлю времени вашей заботы, которую вы имѣете въ приготовленіи вооруженія противу злодѣя; однако, какъ вамъ тамошнія дѣла извѣстны, то и способы вы предусмотрѣть можете сыскать толь нужнаго для слѣдствія человѣка».

Изъ допросовъ Пугачеву [9]) видно, что онъ, по возвращеніи изъ Польши, выказывалъ желаніе поселиться на р. Иргизѣ и поѣхалъ заявить о томъ въ Малыковку. Изъ Малыковки сна-

---

7) На Алтатѣ въ землянкѣ близъ села Александрова Гая. Сарат. губ. вѣд. 1843, № 30 (статья г. Леопольдова).

8) т. е. при разореніи Казани, гдѣ Филаретъ содержался подъ стражею.

9) См. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. Росс. 1858, кн. II.

*

чала хотѣли отправить его въ Симбирскъ для записки въ назначенное мѣсто, однакожъ потомъ отпустили его, и онъ поѣхалъ на Иргизъ въ раскольничій скитъ къ игумну Филарету, о которомъ услышалъ въ первый разъ еще на Польской границѣ въ Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ выдержалъ шестинедѣльный карантинъ: именно тамъ раскольникъ Кожевниковъ, доставлявшій иногда подаяніе Пугачеву, просилъ его поклониться настоятелю Филарету. На пути отъ границы къ Иргизу Пугачевъ заѣхалъ на устье Медвѣдицы въ казачьи хутора. Здѣсь хозяинъ Андрей Кузнецовъ, услыхавъ, куда онъ пробирается, сказалъ ему, что теперь «и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ». Пугачевъ признался, что задумываетъ бѣжать на Кубань. «Какъ можно, отвѣчалъ Кузнецовъ, бѣжать въ такой дальній путь малому числу? Слышно, что Яицкое войско давно бунтуетъ: такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ». А чтобъ придумать къ тому способы, Кузнецовъ также посовѣтовалъ обратиться къ знакомому ему Филарету. Какъ Кожевниковъ въ Добрянкѣ, такъ и Кузнецовъ уже надоумили Пугачева выдавать себя за Петра III. Они указывали ему на Филарета, какъ на человѣка, который, зная лучше всѣхъ состояніе Яицкихъ казаковъ, можетъ подать ему помощь и самые лучшіе совѣты. Пугачевъ дѣйствительно отправился въ Мечетную слободу (что нынѣ Николаевскъ въ Самарской губерніи), и явился къ Филарету. Этотъ съ радостію выслушалъ и одобрилъ планъ Пугачева, замѣтивъ, что «Яицкихъ казаковъ возмутить не только не трудно, но и весьма возможно». Мало того: Филаретъ обѣщалъ Пугачеву свое содѣйствіе. Чрезъ три дня, проведенные ими вмѣстѣ, они вдвоемъ отправились въ Малыковку просить, чтобы Пугачеву отсрочили поѣздку въ Симбирскъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него лошадь плоха. Получивъ отсрочку недѣли на три, онъ возвратился съ Филаретомъ въ Мечетную, но остановился уже не въ монастырѣ, а въ слободѣ у крестьянина раскольника Коссова, у котораго и прожилъ съ недѣлю. Филаретъ далъ Пугачеву совѣтъ ѣхать самому въ Яицкій городъ, снабдилъ его лошадью и деньгами и научилъ, какимъ образомъ привлечь къ себѣ тамошнихъ казаковъ: велѣлъ ему ѣхать отъ имени Филарета прямо къ казаку Денису Пьянову и ему первому назваться Петромъ III. Рѣшив-

шись ѣхать въ Яицкій городъ подъ предлогомъ закупки рыбы для себя и для Филарета, Пугачевъ нашелъ и товарища для этой поѣздки: это былъ тесть игумна Семенъ Филиповъ [10]). Дорогою и потомъ живя недѣлю у Дениса Пьянова, Пугачевъ открыто говорилъ о намѣреніи своемъ бѣжать съ казаками за Кубань къ Турецкому султану. По возвращеніи въ Мечетную слободу, онъ поѣхалъ для продажи закупленной рыбы въ Малыковку. Между тѣмъ Семенъ Филиповъ сталъ разсказывать въ Мечетной о толкахъ Пугачева. Слухи о томъ дошли до Малыковскаго управителя, какъ выше уже видѣли: Пугачевъ былъ схваченъ и отправленъ въ кандалахъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ Симбирскъ для допроса. Но въ Симбирскѣ его не допрашивали, а отослали въ Казань, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ губернскую (губернаторскую экспедицію), закованный въ ручныя и ножныя кандалы. Отъѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ у Филарета на сбереженіе 470 руб., полученныхъ имъ въ пути при возвращеніи изъ Польши отъ тѣхъ, которымъ онъ открылся. Какъ въ дорогѣ до Симбирска, такъ и послѣ въ Казани онъ, желая подкупить имѣвшихъ съ нимъ дѣло, часто упоминалъ объ этихъ деньгахъ и о Филаретѣ, какъ хранителѣ ихъ. Изъ Казани онъ, при помощи одного колодника, даже писалъ Филарету, чтобъ тотъ старался о его освобожденіи и прислалъ къ нему деньги. Впрочемъ у него и въ самой Казани, благодаря Филарету, нашлись доброжелатели. Въ Мечетной, еще до поѣздки Пугачева на Яикъ, игуменъ сказывалъ ему, что для прописки его надо бы ѣхать не въ Симбирскъ, а въ Казань, гдѣ пріятель Филарета («крайній другъ его»), раскольникъ, купецъ Щолоковъ, похлопочетъ около судей, чтобъ ему скорѣе былъ выданъ билетъ. Дѣйствительно, во время заключенія Пугачева въ Казани, Щолоковъ сдѣлался его покровителемъ: посѣщалъ его въ тюрьмѣ, помогалъ ему деньгами, просилъ за него губернатора фонъ-Бранта и секретаря Авраамова. Довольно подозрительно, что въ Казани Пугачева допрашивали небрежно и пропустили много времени, пока дѣло было представлено въ Сенатъ. На преступ-

---

10) Изъ допросовъ Пугачеву не видно этого родства между Филиповымъ и Филаретомъ, но оно указано въ «Матеріялахъ для исторіи Пугачевскаго бунта», напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г., № 9.

никѣ тяжелыя ножныя кандалы были замѣнены легкими, а ручныя и совсѣмъ сняты; изъ губернской перевели его въ обыкновенный острогъ. Когда же Пугачевъ бѣжалъ изъ Казани, циркуляръ о немъ губернатора былъ подписанъ только три недѣли спустя, да еще послѣ того пролежалъ 7 дней. При этомъ за нимъ послано было не на Яикъ, куда, какъ извѣстно было, Пугачевъ уже прежде ѣздилъ, а въ такія мѣста, гдѣ вовсе не было повода искать его. Сказанное достаточно показываетъ отношенія между Пугачевымъ и Филаретомъ. Изъ наставленія, которое Державинъ далъ старцу Іову, посланному въ Оренбургъ, мы уже видѣли, что Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани, отвезенъ въ Казань и тамъ посаженъ въ темницу. Но Пугачевъ, при разгромѣ Казани, выпустилъ его. Разумѣется, что правительству поимка Филарета казалась очень важною, и потому-то Потемкинъ просилъ Державина принять мѣры къ отысканію его. 2-го августа Державинъ отвѣчалъ ему: «Филарета здѣсь не видно и врядъ ли онъ теперь здѣсь покажется». Между тѣмъ однакожъ Державинъ пытался хитростью заставить Филарета открыть свое убѣжище и для того написалъ къ нему письмо, при отпускѣ котораго въ его бумагахъ отмѣчено слѣдующее: «Таковая точно отдана копія П. С. Потемкину. Сіе вымышленное письмо для того было написано, чтобъ приманить чрезъ его друзей на прежнее его жилище».

Вотъ и самое письмо (№ 59): «Отцу Филарету здравія желаю. Ежели ты по секретной коммисіи опасенъ и укрываешься, то, надѣясь на твое благочестіе, увѣряю тебя, что ежели ты поплатишься мнѣ двумя тысячами рублями, то и будь надеженъ, что тебѣ ничего не будетъ; только чтобъ ты ко мнѣ явился, или когда не увѣришься, то пришли письмецо, что у тебя выше сказанное готово и въ которомъ мѣстѣ отъ тебя взять, то и будетъ дѣло брошено; а всего бъ лучше переговорилъ со мною самъ. Доброжелатель твой, о котораго имени тебѣ скажетъ отецъ Фадей.» Но и это письмо осталось безъ успѣха; Филаретъ пропалъ безъ вѣсти и избѣгъ правосудія.

Голицынъ, еще не зная о поимкѣ Пугачева, продолжалъ переписываться съ Державинымъ о мѣрахъ къ утушенію мятежа. 10-го сентября (№ CXV) онъ поручалъ ему, на основаніи

предписанія графа Панина, преслѣдовать виновныхъ въ измѣнѣ колонистовъ и одного или двухъ въ страхъ другимъ повѣсить, а прочихъ «пересѣчь плетьми нещадно». 13-го числа (№ CXVIII) Голицынъ, все еще не имѣя свѣдѣнія, куда обратился разбитый Пугачевъ, увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи идти на Яицкій городокъ, «какъ тотъ край со всѣхъ сторонъ открытъ и безъ защищенія войскъ»; между тѣмъ онъ и Державину предписываетъ бдительность и назначаетъ ему остаться въ Мечетной слободѣ, наблюдая оттуда не только за Иргизомъ, но и за Узенями. Въ концѣ письма, извѣщая о движеніяхъ другихъ отрядовъ, онъ говоритъ о Суворовѣ: «Г. генералъ-поручикъ Суворовъ увѣдомилъ меня, что онъ 4-го сего мѣсяца изъ Царицына отправился луговою стороною преслѣдовать злодѣя, отрядя напередъ себя секундъ-маіора графа Меллина, препоруча охраненіе береговой стороны отъ самой Камышенки до Сызрану г. генералъ-маіору Мансурову, а отъ сего расположенія внизъ р. Волги чрезъ Царицынъ къ Черному Яру оставилъ на попеченіи г. генералъ-маіора князя Багратіонова.»

Черезъ нѣсколько дней, 17-го сентября, Державинъ получилъ и отъ самого Суворова слѣдующій лестный ордеръ (№ 121): «О усердіи къ службѣ Ея Императорскаго Величества вашего благородія я уже много извѣстенъ; то жъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи Киргисцовъ, какъ и о посланіи партіи 3 сентября дня (?) разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій. Я нынѣ при деташаментѣ графа Меллина слѣдую къ Узенямъ на рѣчкѣ Таргунѣ, до вершинъ его верстъ съ 60-тъ, оттуда до 1-го Узеня верстъ съ 40. Деташаментъ полковника Михельсона за мною сутках въ двухъ. Иду за реченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь. Иргизъ важенъ, но какъ тутъ слѣдуетъ отъ Сосновки его сіятельство князь Голицынъ, то отъ Узеней не учиню ли? или прикажу учинить подвигъ къ Яицкому городку.

Александръ Суворовъ».

10-го сентября 1774 года.
рѣка Тараусъ.

Вотъ, слѣдовательно, какъ рано и при какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ Державинъ сдѣлался извѣстенъ Суворову. Въ послѣдствіи между ними существовала постоянная пріязнь, продолжавшаяся до самой кончины великаго полководца.

Тогда же и Голицынъ, приближаясь къ Яику, узналъ отъ посланнаго Державинымъ нарочнаго о поимкѣ Пугачева и хотѣлъ по прибытіи въ городъ, 17-го числа, отправить съ этимъ извѣстіемъ курьера къ графу Панину въ Симбирскъ. Не доходя 15 верстъ до мѣста, онъ писалъ Державину, что для препровожденія курьера будетъ отряжено 50 человѣкъ Яицкихъ казаковъ и просилъ выслать на встрѣчу имъ къ рѣкѣ Камелику команду въ такомъ же числѣ, которая, принявъ гонца, конвоировала бы его до Волги. «Я только успѣваю вамъ сказать, приписалъ Голицынъ своей рукой, что злодѣй Пугачевъ твердо въ нашихъ рукахъ содержится въ Яикѣ». На другой же день Голицынъ изъ этого города увѣдомилъ Державина, что уже наканунѣ Суворовъ повезъ Пугачева въ Пензу «къ высшей командѣ» (№ CXX): «По полученіи сего толь пріятнаго извѣстія, прибавлялъ Голицынъ, за долгъ почелъ и ваше благородіе съ сею всеобщею радостію поздравить, рекомендуя притомъ, чтобъ вы всѣ по предписанію моему назначенные вамъ, какъ въ колоніи, такъ и на Иргизѣ посты содержать старались до тѣхъ поръ, пока не получите отъ меня о снятіи оныхъ повелѣнія, не менѣе также и содержать почты отъ Мечетной сюда не далѣе 60 верстъ, къ соединенію которыхъ и я отсель съ моей стороны таковыя жъ разстановить не оставлю, чрезъ которыя бъ посылаемые какъ отсель, такъ и слѣдующіе сюда курьеры безъ всякаго опасенія и задержанія проѣзжали».

Извѣстіе о поимкѣ Пугачева расшевелило честолюбіе всѣхъ военачальниковъ: каждому изъ нихъ захотѣлось быть первымъ въ передачѣ этой важной вѣсти далѣе, высшему начальству. Посланный съ нею княземъ Голицынымъ изъ Яицкаго городка къ графу Панину курьеръ былъ секундъ-маіоръ Пушкинъ. По приказанію князя онъ заѣхалъ на Иргизъ къ Державину и просилъ сказать чистосердечно, не далъ ли онъ знать о поимкѣ самозванца прямо отъ себя главнокомандующему или кому другому изъ генераловъ. Державинъ отвѣчалъ, что онъ «рапортовалъ

только тѣмъ, кого должно по командѣ, и именно: по воинской— князя Голицына, а по секретной — генерала Потемкина, предоставивъ извѣстить главное начальство имъ самимъ.» Пушкинъ былъ доволенъ этимъ, «полагая, что курьеръ, посланный къ Потемкину въ Казань, сдѣлавъ крюкъ въ нѣсколько сотъ верстъ на право, не могъ пріѣхать въ Петербургъ ранѣе отправленнаго прямою дорогою чрезъ Пензу къ графу Панину». Но такъ какъ Державинъ, при посылкѣ курьера въ Казань, прописалъ въ его подорожной цѣль поѣздки, чтобъ тѣмъ успокоить селенія, чрезъ которыя онъ будетъ проѣзжать, то Сызранскій воевода поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя случаемъ и тотчасъ послалъ нарочнаго къ графу Панину, до котораго извѣстіе и дошло этимъ путемъ прежде пріѣзда Пушкина. Эта случайность имѣла, какъ увидимъ ниже, очень дурныя послѣдствія для Державина.

Потемкинъ получилъ увѣдомленіе его 18-го сентября и въ тотъ же день отвѣчалъ (№ CXXII): «Пріятнѣйшее извѣстіе ваше о поимкѣ злодѣя Пугачева я съ неизреченнымъ обрадованіемъ получилъ сего сентября 18 дня; охотно бы я желалъ, чтобы вы увѣдомили меня обстоятельно, кто и какъ его поймали. Впрочемъ дайте мнѣ знать, гдѣ князь Петръ Михайловичь (Голицынъ).

«По одобренію вашему Гаврило Герасимовъ медаль получилъ, а женѣ Серебрякова я награжденіе сдѣлать не премину».

Знаменательна приписка на поляхъ этого письма: «Желалъ бы я охотно, чтобы злодѣй былъ доставленъ въ коммисію, а не въ военную команду, поелику оной посредство къ тому споспѣшествовало».

Это значило, другими словами: «Устройте, чтобы Пугачевъ былъ доставленъ ко мнѣ, а не къ главнокомандующему».

Съ своей стороны и Мансуровъ не могъ быть спокоенъ, услышавъ въ Саратовѣ, что поимка Пугачева совершилась мимо его: требуя высылки своей команды изъ Малыковки, куда Державинъ опять переѣхалъ и гдѣ она поэтому уже была не нужна, онъ прибавлялъ (№ CXXIV отъ 20 сентября): «Пріятно васъ, государя моего, прошу съ симъ посланнымъ меня увѣ-

домить, кѣмъ и гдѣ Пугачевъ былъ пойманъ и кому представленъ; я не имѣю ни откуда о томъ свѣдѣнія».

VI. Непріятности и неудачи по службѣ.

До сихъ поръ Державинъ, въ своей дѣятельности по Пугачевскому бунту, имѣлъ нѣсколько непріятныхъ столкновеній только съ мѣстными властями; всѣ же начальники его показывали ему особенное благорасположеніе. Теперь онъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ другое со стороны главнокомандующаго, графа П. И. Панина, съ которымъ еще не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ сентября, Державинъ получилъ почти одновременно чрезъ Голицына и Мансурова приказаніе графа Панина прислать объясненіе, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева? Правда, въ письмѣ Голицына пилюля была позолочена благодарностью за пораженіе Киргизовъ, но это не уменьшало ея горечи. Вотъ это письмо (№ CXXVII): «Его сіятельство главнокомандующій г. генералъ-аншефъ и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, графъ Петръ Ивановичь Панинъ, за доказанную вами въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ услугу, предписываетъ свою благодарность и вниманіе по уваженію оной, и что онъ о семъ дѣлѣ, по точности моего ему донесенія, какъ объ васъ, такъ и одобренныхъ вами въ отличности чинахъ, не оставитъ донести Ея Императорскому Величеству всемилостѣйшей Государынѣ.

«Вслѣдствіе его жъ сіятельства повелѣнія извольте прислать ко мнѣ къ доставленію ему рапортъ, въ которомъ объясните обстоятельство, какимъ образомъ не случились вы быть при защищеніи своего поста въ городѣ Саратовѣ и какая должность, кѣмъ и отъ кого поручена и съ какою командою вамъ была, а потомъ для чего, куда и за сколько времени предъ злодѣйскимъ нападеніемъ на помянутой городъ, съ какимъ числомъ команды отлучиться были принуждены; и сіе я точными объяснилъ словами, какъ его сіятельство мнѣ предписать изволилъ».

Потомъ приписка: «Я завтрашній день отселѣ выѣзжаю и путь возьму прямо на Самару; надѣюсь быть въ пятые сутки, и

такъ уповаю, вамъ способно будетъ со мною видѣться въ ономъ городѣ. Команда же ваша остается на прежнемъ положеніи». (20 сентября, Яицкій городокъ).

Что могло внезапно возбудить противъ Державина гнѣвъ главнокомандующаго въ такое время, когда по настоящему надлежало еще думать только о томъ, чтобы скорѣе изгладить слѣды страшнаго бѣдствія, причиненнаго возмущеніемъ? Державинъ не безъ вѣроятія приписываетъ эту невзгоду тому, что Панинъ, получивъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева стороною и такъ сказать случайно, вообразилъ, будто П. С. Потемкинъ успѣетъ прежде него донести о томъ Императрицѣ, и заподозрѣлъ Державина въ тайномъ разсчетѣ угодить сильному при Дворѣ родственнику и однофамильцу Потемкина.

Опасеніе Панина было несправедливо: уже 27-го сентября Императрица писала тогдашнему главнокомандующему въ Москвѣ, князю Михаилу Никитичу Волконскому: «Съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы *отъ графа Панина*, что Яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ» [1]). Но это обстоятельство разъяснилось уже гораздо позже, и понятно, что графъ Панинъ долженъ былъ негодовать на дерзкаго офицера, который по видимому обошелъ его. Притомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что около того же времени неудовольствіе главнокомандующаго противъ Державина было возбуждено наговорами на него партіи Бошняка и Кречетникова. Сами по себѣ эти ожесточенныя жалобы, можетъ быть, не произвели бы такого дѣйствія, но, въ связи съ собственнымъ неудовольствіемъ графа, онѣ пріобрѣтали особенную силу.

Оскорбленный сомнѣніями Панина, Державинъ, въ сознаніи чистоты своихъ дѣйствій и усердія въ исполненіи обязанностей, отвѣчалъ 5 октября слѣдующимъ обширнымъ, но въ высшей степени любопытнымъ рапортомъ прямо на имя самого главнокомандующаго (№ 111); въ подтвержденіе же своихъ словъ приложилъ онъ копіи съ 13-и бумагъ, полученныхъ имъ во время бунта отъ разныхъ лицъ, такъ что все это составило довольно полновѣсную тетрадь.

---

1) Москвитянинъ 1845 г. № 9.

«Сіятельнѣйшему графу
Высокопревосходительному и повелительному господину
генералъ-аншефу и трехъ Россійскихъ орденовъ кавалеру
Петру Ивановичу Панину
Гвардіи поручика Державина
Рапортъ.

«Въ ордерѣ вашего сіятельства господину генералъ-маіору и кавалеру князю Петру Михайловичу Голицыну повелѣвать изволите, чтобъ вопросить меня: «какимъ образомъ не случился я «быть при защищеніи поста своего въ городѣ Саратовѣ? какая «должность тамъ, отъ кого и съ какою командою мнѣ поручена «была; потомъ, для чего и куда и за сколько времени предъ злодѣй-«скимъ на помянутой городъ нападеніемъ, и съ какимъ числомъ «команды я отлучиться принужденъ былъ»; но въ ономъ же вашего сіятельства повѣленіи признаніемъ своимъ меня счастливить изволите за прогнаніе мое Киргизъ-Кайсаковъ. Сколь лестно для меня сіе признаніе, столь не чту я себя заслужившимъ онаго и до тѣхъ поръ не желаю его, доколь на вышеизображенные вопросы не поднесу моихъ, достойныхъ вашего сіятельства нижайшихъ донесеній; ибо за малости желать похвалы людей великихъ есть то же самое, что желать у нихъ украсть оную.

«Но дабы порядкомъ очистить всѣ сіи вопросы, а паче въ единое подвергнуть вашего сіятельствз воззрѣніе существо всей моей коммисіи, мою въ оной должность, мой постъ, мою команду, отъ кого я посланъ и наконецъ достигнуть до Саратовскаго обстоятельства, то разсудилъ я подробныя вашему сіятельству присовокупить изъясненія. Надежда, что патріотическій духъ не поскучитъ трудомъ разсмотрѣть ихъ въ тонкости, отважила меня предложить такое множество бумагъ.

«Главнѣйшій предметъ моей коммисіи состоялъ въ поимкѣ Пугачева, если бъ онъ по разбитіи своихъ скопищъ, бросился одинъ укрываться у друзей своихъ, яко въ гнѣздѣ и своемъ пристанищѣ на Иргизѣ, Узеняхъ, въ Малыковкѣ, въ Саратовѣ, или хотя и во всей округѣ здѣшней; всѣ сіи мѣста мой постъ и ни къ которому я не привязанъ. Копія подъ № 1 подтвердитъ сію истину, покажетъ отъ кого я посланъ и сколько у меня

команды. Чтожъ по ней исполнено въ разсужденіи дѣлъ тайныхъ во время осады Оренбурга, то все удостоено признанія бывшаго моего тогда главнаго начальника; и сіе бъ мнѣ было выхвалить себя, ежели бъ пріобщить всѣ милостивые его мнѣ о томъ ордера.

«Между тѣмъ временемъ, какъ его сіятельство князь Петръ Михайловичь Голицынъ шествовалъ сдѣлать злодѣю пораженіе подъ Татищевою, усердіе мое заставило меня съ примѣчаніемъ посмотрѣть на Иргизъ, яко на путь, ведущій къ Волгѣ, по котораго жительствамъ легко бъ отъ Яика злодѣи во внутренность здѣшнихъ провинцій еще тогда жъ пролиться могли. Справедливость примѣчанія онаго опослѣ подтверждена при ордерѣ князь Петра Михайловича письмомъ злодѣйскимъ подъ № 2. Вслѣдствіе сего какъ зналъ я, что посланныя на истребленіе силы были не очень достаточны, то и искалъ я средствъ, чтобъ безъ нихъ занять сіе мѣсто. Потому, пріѣхавъ въ Саратовъ, провѣдалъ я, что въ ономъ находится баталіонъ, три фузелерныхъ роты и болѣе пяти сотъ разныхъ казаковъ, чего и слишкомъ на то бъ достаточно было. Но какъ сіе мое мнѣніе не было угодно его превосходительству Астраханскому губернатору, бывшему тогда въ Саратовѣ, то донесъ я оное его высокопревосходительству покойному Александру Ильичу. Онъ его апробовать изволилъ и при ордерѣ подъ № 3 далъ свое предложеніе опекунской конторѣ объ отрядѣ ротъ ея по требованію моему, ибо онѣ были въ ея командѣ. Его превосходительство Астраханскій губернаторъ, какъ то видно и въ тайномъ моемъ наставленіи, хотя также былъ прошенъ, съ прописаніемъ посылки моей въ слѣдствіе именнаго указа, помогать мнѣ по всѣмъ моимъ требованіямъ; однако онъ всегда изволилъ находить въ томъ удовольствіе, чтобы во всемъ мнѣ отказывать. Многія его письма сіе свидѣтельствуютъ; матерію сію ввожу я для того, почему я, не имѣя команды, сдѣлался нѣкоторымъ образомъ диспозиторомъ военныхъ дѣйствій, и почему иногда кто считаетъ у меня бытіе оной, тотъ несправедливъ: поелику то со мной и часто случалося, что по моимъ мыслямъ приказывалось только нѣкоторымъ отрядамъ занимать свои посты, и кромѣ того взялъ было я единожды самъ собою дерзновеніе посланною изъ Сара-

това командою предварить свободу Яика, что̀ его превосходительство Астраханскій губернаторъ хотя также обращалъ въ тщету, но одобряетъ сіе мое усердіе приложенный здѣсь подъ № 4 ордеръ. Оная жъ вытребованная мною Саратовская команда какъ не допустила по письму злодѣйскому покушенія ихъ съ Яика, такъ и не была безъ дѣла; ибо, имѣвъ у себя своего командира, въ маѣ мѣсяцѣ воспрепятствовала злодѣйскимъ Калмыкамъ прорваться въ страну здѣшнюю. Сіе въ реляціяхъ и къ Ея Императорскому Величеству донесено было; однако и на оное ваше сіятельство въ своемъ мѣстѣ найти изволите писанное мнѣ отъ его превосходительства Астраханскаго губернатора поношеніе. Дабы не остаться жъ въ мысляхъ сихъ, что сія команда осталась у меня, то еще за два мѣсяца до сокрушенія Саратова возвращена она паки въ оный. Только оставлено мнѣ двадцать пять человѣкъ для караула по секретной моей коммисіи колодниковъ и для разсылокъ, которая была и есть нынѣ въ Малыковкѣ.

«Теперь, проминовавъ довольное пространство времени, когда злодѣй удаленъ былъ отъ странъ сихъ и когда моей коммисіи дѣйствовать на него далеко было въ Башкиріи, долженъ приступить я къ Саратовскимъ послѣднимъ обстоятельствамъ такимъ оброзомъ: когда варваръ отъ странъ Кунгура нагибался въ Казань, то писано мнѣ было подъ № 5, что якобы просилъ онъ своихъ сообщниковъ, дабы проводить его на Иргизъ. Тутъ предписаны мнѣ были паки по тайнымъ моимъ средствамъ наблюденія. Вслѣдствіе чего разрядивъ подлазчиковъ во всѣ мнѣ подозрительныя мѣста, просилъ его превосходительство генералъ-маіора и кавалера Павла Дмитріевича Мансурова, бывшаго тогда на Яикѣ, чтобъ позволилъ онъ стоявшимъ двумъ стамъ казакамъ на Иргизѣ очистить оной, дабы открытіемъ его обезпечить злодѣю надзираемыя мною, чаемыя его пристанища. Онъ сіе соизволилъ, и тѣмъ болѣе, что и ордеръ подъ № 6 поспѣшилъ, чтобъ казакамъ съ Иргиза сойти и расположиться въ Сызранѣ. Сказавъ по сему повелѣнію имъ постъ, поѣхалъ въ Саратовъ, чтобъ обвѣстить и тамъ предосторожность. Въ бытность мою въ ономъ 16 іюля получилъ Сызранской канцеляріи сообщеніе. Тамъ увѣдомлялся я, что Казань несчастлива.

Взявъ сіе, тотчасъ объявилъ господамъ Саратовскимъ начальникамъ и просилъ ихъ ужъ прямо къ пріятію заблаговременныхъ мѣръ пріуготовить себя при времени защитить свой городъ и встрѣтить храбро, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше варвара. Почему они 24 числа въ опекунской конторѣ учинили собраніе и, въ общемъ опредѣленіи подписавшись своими руками, заключили, что къ спасенію гражданскаго и казеннаго имущества сдѣлать полевое укрѣпленіе около провіантскихъ магазейнъ; а прочими силами стараться встрѣтить далѣе и поразить злодѣя. Присемъ, при случаѣ приближенія варвара, хотѣли они также разослать свои патрули, какъ и я изъ расположившихся въ Сызранѣ казаковъ въ силѣ ордера подъ № 6, обѣщалъ съ своей стороны учинить разъѣзды. Оное положеніе за справою конторскою отослалъ я моему главнокомандующему, какъ и рапортъ оной, что примѣчаю я въ Саратовѣ разногласицу; что одинъ по старшинству, другой по преимуществу чина военнаго и коменданта, каждый говоритъ свое; что потому потребенъ въ Саратовѣ единственный начальникъ. На сіе получилъ я отвѣтъ подъ № 7. Въ теченіе сего времени поспѣшилъ мнѣ подъ № 8 ордеръ, которымъ увѣдомлялся, что варваръ Пугачевъ перелѣзъ у Кокшайска Волгу и держитъ къ сторонѣ Курмыша. Я тотчасъ понялъ сего злодѣя оборотъ. Уповалъ я, что онъ будетъ въ сію область, почему тотчасъ поѣхалъ возвратно въ село Малыковку, чтобъ тамъ сдѣлать во-время учрежденіе, подтвердить народу въ силѣ наставленія проповѣдь и поставить сто человѣкъ казаковъ въ слободѣ сей, дабы занять разъѣздами ихъ отъ Сызрана до Саратова: ибо сего еще не можно было знать, на Саратовъ ли, Малыковку или Сызранъ злодѣй прорѣжетъ своимъ стремленіемъ. Сдѣлавъ сіе и приготовивъ вооруженныхъ крестьянъ для нижеизъясненнаго моего намѣренія, отправился паки въ Саратовъ, дабы посмотрѣть тамъ успѣховъ, которыхъ, по вышеизображеннымъ причинамъ, тогда жъ едва ужъ смѣлъ чаять; 30 числа іюля пріѣхалъ; а нашедши нерѣшимость, написалъ я подъ № 9 господину коменданту чувствительное сообщеніе и, при рапортѣ моемъ обо всѣхъ Саратовскихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, отослалъ его для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу Потемкину. До-

вольно бы и сего приватнаго подаянія моихъ совѣтовъ господамъ начальникамъ; однако, ежели кто хочетъ прямо усерденъ быть къ службѣ Ея Величества, тотъ не изъемлется отъ оной ни крайнимъ чувствіемъ своея жизни. Почему добился я съ господиномъ бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, что господинъ комендантъ, отрекшись прямо прежняго своего опредѣленія, но хотя не около провіантскихъ магазейнъ, а на горѣломъ городскомъ мѣстѣ однако согласился сдѣлать укрѣпленіе и назначилъ на планѣ своею рукою мѣсто. А потому должно было и на то согласиться. Сіе было вечеру, но поутру вышло новое явленіе, что онъ для эспланады никакъ построенныхъ лачугъ ломать не будетъ; ибо де жители ропщутъ. Всякаго ревностнаго тронетъ сія отговорка; а потому, пришедъ я въ магистратъ, записалъ въ журналъ купечеству, что ежели для пользы общественной и службы Ея Величества не токмо кто будетъ роптать за разломку своего строенія, но ежели покажетъ видъ неусердный къ своему долгу, тотъ яко измѣнникъ будетъ скованъ и отосланъ въ секретную коммисію. На сіе лучшее купечество и общество гражданъ благородныхъ собрались паки въ контору опекунства и обще, какъ-то баталіонные штабъ-офицеры и прочіе даже отставные, сдѣлали опредѣленіе, чтобъ не смотря на супротивленіе коменданта дѣлать ретраншаментъ паки около провіантскихъ магазейнъ и имѣть готовность къ отраженіе злодѣя заблаговременно, не допущая его до города. Въ сіе время, чтобъ поощрить народъ къ пріятію мужественнаго духа противъ варвара, сдѣлалъ я публикаціи, объявя награжденіе въ силѣ даннаго мнѣ наставленія тѣмъ, кто злодѣя поймаетъ, и просилъ собрать отъ народа подписки, чтобъ подъ смертною казнію никто не отважился приставать въ продерзкое скопище бунтовщиковъ. Сіе было съ моей стороны, что принадлежитъ до явныхъ способовъ истребить злодѣя; что жъ принадлежитъ до тайныхъ и цѣль свою на главное основаніе моей коммисіи имѣющихъ, то оныя какъ сущій мой долгъ оставлены не были. Посланы были отъ меня тайные лазутчики въ толпу злодѣя и изъ нихъ одинъ человѣкъ госпожи Карамышевой имѣлъ бы всеконечно сердце исторгнуть духъ нечестивца, ежели бъ паденіе Саратова не ускорило» (т. е. не предупредило)» его подвигъ;

но онъ освободилъ изъ когтей смерти многихъ дворянъ, и одинъ разсѣялъ болѣе двухъ сотъ мятежниковъ, переловя главныхъ, что, какъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, такъ и его сіятельству князю Петру Михайловичу извѣстно. Помянутую жъ журнальную мою магистратную записку, общее вторичное опредѣленіе, публикаціи и подписки отослалъ я паки для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу. На оное получилъ я подъ № 10 ордеръ, который читалъ въ присутствіи; но мало его почувствовали.

«Кажется, довольно изображенія и сего неустройства, но оно еще въ Саратовѣ сугубѣе было; когда все лучшее общество на вышепомянутое единодушно согласилось, тогда нашелъ комендантъ выиграть чернь въ помощь своему упрямству. Онъ, призвавъ полиціймейстера, сказалъ оному: кто хочетъ, пусть идетъ на работу; а кто не хочетъ, тотъ не принуждается. Симъ воздвиглась паки суматоха, и невѣрный народъ радъ былъ случаю не повиноваться приказаніямъ. Заводчиковъ я требовалъ по силѣ секретной коммисіи къ себѣ, но они не отпущены. Ежели сообщеніе мое въ воеводской канцеляріи цѣло, то ихъ имена извѣстны, а ежели нѣтъ, то отпуску у меня оному не имѣется. Должно сказать, что чрезъ сіе тогда жъ почти возгнетался огнь послѣ явившейся въ Саратовѣ измѣны. Сей комендантской поступокъ по рѣчамъ полицеймейстера и многихъ купцовъ у бригадира господина Лодыжинскаго записанъ въ конторскомъ его журналѣ; а я паки тотчасъ отрепортовалъ о немъ точно его превосходительству Павлу Сергѣевичу, прося его притомъ, какъ бывшаго тогда единственнаго непосредственнаго начальника, чтобъ онъ ускорилъ властію своею удержать падающій Саратовъ. На оное получилъ я ордеръ подъ № 11, но онъ уже не засталъ цѣлости Саратова. Зачѣмъ же господинъ комендантъ за посѣяніе сихъ раздоровъ не былъ арестованъ и народъ къ своему долгу не принужденъ силою, сіе остается отвѣчать старшимъ; а я ни могущества, ни команды, ни прямаго къ тому долга приступить не имѣлъ. Сверхъ того тотъ же день, т. е. августа 3 дня, получилъ я отъ коменданта сообщеніе подъ № 12; тамъ по повелѣнію ему господина губернатора приказывалось мнѣ объявить, что какъ я и упоминаемая въ ономъ какая-то моя

команда вовсе отрицается отъ помоществованія Саратову, и мнѣ приказывалось точно ѣхать на Иргизъ. По какимъ причинамъ его превосходительство губернаторъ располагать изволилъ, что злодѣй будетъ прежде на Иргизъ, а не въ Саратовъ и откуда онъ изволилъ изобрѣсть собственно всегда подначальства моего примкнуть имѣющую воинскую команду къ Саратову, то мнѣ никакъ не знакомо, а сіе есть извѣстно, что чрезъ оное сообщеніе *имѣлъ бы я благопристойный случай по повелѣнію его заблаговременно отдалиться отъ предстоящаго нашествія* разбойниковъ, ежели бъ когда нибудь ужасъ въ душѣ моей превосходилъ чувства должной моей ревности къ службѣ моей всемилостивѣйшей Государыни. Для сего единственно не внялъ я сообщенію сему; а по полученному изъ Петровска извѣстію, какъ о приближеніи злодѣя къ городу сему, такъ и о взбунтованіи тамъ прежде пришествія его народа, побудился я еще показать опытъ самоизвольной моей должности. Всѣмъ извѣстна есть сія истинна, что хищникъ Пугачевъ съ начала своего ухищренія ничего собственнаго къ ополченію своему не имѣлъ; а всегда усиливался чрезъ дремучку частныхъ нашихъ городскихъ начальниковъ, собственными жъ нашими силами. Для того предпріялъ я въ городъ Петровскъ предъ самымъ на него стремленіемъ съѣздить высвободить изъ тюрьмы содержавшихся командировъ, успокоить народный бунтъ, увезти казну, пушки, порохъ, а ежели не успѣю, то все оное побросать въ воду. Посему 4 августа выпросилъ отъ конторы опекунской въ конвой свой сто человѣкъ Донскихъ казаковъ подъ командою есаула Фомина; при чемъ согласился со мною ѣхать и Польской службы господинъ подполковникъ Гогель единственною своею волею. Такимъ образомъ, взявъ сей путь, велѣлъ деташаменту моему слѣдовать впередъ себя. Не доѣзжая пятнадцати верстъ до Петровска, встрѣтилъ я курьера, отъ коменданта посланнаго для развѣдыванія; онъ объявилъ мнѣ, что злодѣй въ тридцати верстахъ отъ города сего. Не взирая на сіе, какъ еще у меня былъ выигрышъ передъ злодѣемъ пятнадцать верстъ, то думалъ я успѣть совершить мое намѣреніе, для чего паки пустился въ путь. Отъѣхавъ пять верстъ, получилъ языкъ, что ужъ Пугачевъ вступаетъ въ городъ; тутъ я остановился, и казакамъ,

ѣдущимъ впереди, послалъ сказать, чтобъ они возвратилися, но они, всѣ вдругъ учинивъ бунтъ, хотѣли насъ схватить, а по неудачѣ стремглавъ предались варвару. Здѣсь признаться должно вашему сіятельству, что я, Гогель и есаулъ до Саратова спаслись бѣгствомъ, но и въ сей необходимости я не позабылъ своего долга. Тотчасъ съ пути отправилъ находящагося при мнѣ вѣрнаго мнѣ лазутчика, Малыковской волости крестьянина Андрея Абрамова, чтобъ онъ далъ знать стоящему въ селѣ Старыхъ Бурасахъ изъ Малыковки казачьему разъѣзду о приближеніи злодѣйскомъ, а самъ бы пробирался въ деташаментъ къ господину подполковнику Муфелю или графу Меллину и просилъ бы ихъ о скорѣйшемъ къ Саратову поспѣшеніи. Онъ первое исполнилъ, а втораго, за поимкою его въ селѣ Барнуковкѣ крестьянами, исполнить не могъ; казачій, стоящій въ Бурасахъ разъѣздъ, по сему извѣстію, долженъ былъ увѣдомить своего въ Малыковкѣ есаула Богатырева, а сей, собравъ прочіе свои разъѣзды, поспѣшить съ своими стами человѣками казаками въ Саратовъ. Такъ какъ собранные мои прежде помянутые вооруженные крестьяне, по сему извѣстію, туда жъ должны были приближаться, а они собраны были на то, чтобъ при вѣрныхъ моихъ лазутчикахъ разсѣять ихъ вездѣ въ отдаленности на дорогахъ, пролазахъ и скрытныхъ мѣстахъ вокругъ верстъ на пятьдесятъ и стеречь, ежели злодѣй будетъ разбитъ и побѣжитъ, то чтобъ поймать его; ибо сія есть доказанная истина, что хотя гдѣ искусство предводило, а храбрость дѣйствовала, и онъ нѣсколько разъ въ прахъ былъ разбитъ, однако вездѣ спасался бѣгствомъ, или за усталостію нашихъ коней, или за малочисленностію томныхъ нашихъ войскъ, объѣхать его и схватить не могущихъ. Мнѣ жъ какъ положено было ловить его, то какая хитрость при вооруженной толпѣ его, кромѣ сего вымысла, на него дѣйствовать могла, ежели въ толпѣ его находящіеся лазутчики ничего бъ не дѣлали? Ежели бъ сіи присмотрщики и невѣрны сдѣлались, то, будучи разсѣяны въ разныя мѣста, что тутъ отваживалъ я? ничего, кромѣ сорока или пятидесяти человѣкъ, уйти съ нимъ могущихъ, на которыхъ бы онъ наткнулся. Но должно возвратиться паки къ Саратову.

«Совершивъ несчастливой маршъ въ Петровскъ, возвратился

я паки въ Саратовъ 5 числа часу по полуночи въ 4-мъ, гдѣ по столь многимъ опредѣленіямъ и перепискамъ не нашелъ я никакой готовности, стоющей только сутокъ двоихъ при такомъ множествѣ народа, сколько имѣетъ Саратовъ. Сказавъ ставшееся со мною приключеніе, а видѣвъ отъ того вящшее замѣшательство, предложилъ я послѣдній мой совѣтъ, что понеже нашихъ деташаментовъ много что дни черезъ три ожидать за злодѣемъ въ слѣдъ должно, то чтобъ спасти казенное и партикулярное иждивеніе и удержать народъ отъ мятежа; ибо надлежащею обороною всего Саратовскаго выгорѣлаго пустаго мѣста никакъ защитить не можно было, въ полѣ же встрѣтить далѣе не шли, то бъ построить хотя изъ имѣющихся премножества кулей муки и извести небольшой городокъ и, тутъ собравшись съ жителями, ждать варвара. Когда сего не принято, тогда я уже не говоря ни слова ждалъ токмо Саратовскаго вождя готовности. Часу по полудни въ третьемъ выступили и баталіонныя и фузелерныя роты и казаки и стали шеренгами вдоль простертаго предлиннаго вала, ни фланговъ, ни редантовъ не имѣющаго, поперегъ Петровской дороги. Съ правой стороны была никакъ не укрѣпленная Соколова гора, могущая служить непріятелю батареею и ничѣмъ не занятой мостъ, спереди были рвы непріятелю вмѣсто отданы траншей, съ лѣваго боку отверстое поле; а сзади строеніе, служащее отступающимъ вмѣсто защиты, чтобъ невредимыми подъѣхать можно было къ фронту, пушки городовыя не на батареяхъ, на худыхъ лафетахъ безъ зарядныхъ ящиковъ, проткнуты въ одну сторону въ амбразуры узко прорытаго вала; не было расписано, гдѣ кому имѣть какой постъ и какое мѣсто и коликимъ числомъ кому защищать, что обыкновенно при отпорѣ городовъ водится. Жители безъ начальника и толпы безъ присмотра собирались, гдѣ хотѣли, и вреднымъ шептаніемъ укладывали мечты. За страхами тутъ я вообразилъ себѣ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакой древній воевода; нарядной былъ безпорядокъ! хотя Пугачевъ и грубіянъ, но какъ слышно, и онъ умѣлъ пользоваться всегда таковыми выгодами. Сего не довольно. Господинъ премьеръ-маіоръ Зоргеръ и секундъ Бутыркинъ сказали мнѣ, что городовыя пушки заколочены ядрами, и что ежели де бы мы сего не усмотрѣ-

ли, то, можетъ быть, со всѣми сіе случилось; я не говорю на мертвыхъ, а они живы. Услышавъ сіе, я ужаснулся! Пошелъ къ коменданту и спросилъ его съ учтивостію въ присутствіи бригадира и прочихъ объ ономъ; онъ отвѣчалъ, что это бездѣлица, и что это пушкари учившися изъ шалости сдѣлали.

«Здѣсь, я думаю, ваше сіятельство изволите остановиться и вопросить меня: не сего ли я струсилъ, испугался и убѣжалъ? хотѣлъ бы я донесть, что и это истина, что неимѣющему неподвижнаго поста, ни могущества, ни силы, ни собственной своей команды, поднявшему жителей на себя убѣжденіемъ къ долгу, огорчившему онымъ многихъ, высылаемому волею губернатора и хотѣніемъ коменданта вонъ; въ мѣстѣ, гдѣ я мимоходящій быть долгъ имѣлъ, гдѣ владычествовалъ безпорядокъ, а можетъ быть, между нижними чинами и заговоръ; гдѣ не приняли ни одного моего совѣта, что было другое дѣлать, какъ оттуда не удалиться? Однако я сего не сдѣлалъ. Имя офицера заставляло меня гордиться опасностью. Потому выпросилъ я у господина артиллерійскаго маіора Семанжа находящуюся безъ капитана роту и, принявъ ее въ свою команду, уже принялъ было и пароль, въ чемъ на него свидѣтельствуюсь. Сіе было наканунѣ Пугачева приходу. Послѣ сего поѣхалъ я съ нимъ господиномъ Семанжомъ къ господину бригадиру и уже то было ночью часъ по полудни 11-й, гдѣ я, пріѣхавъ къ квартирѣ его господина бригадира, получилъ отъ главнаго моего лазутчика секретной рапортъ подъ № 13. Въ немъ увѣдомлялся я, что собранные мои крестьяне, провѣдавши, что меня Донскіе казаки предали, то получа развратныя мысли, роптали и колебалися безъ моего присутствія идти въ Саратовъ, а какъ въ семъ городѣ имѣющіеся разнаго званія казаки отъ часу дезертировали, и мало становилось конницы; а я, кромѣ моего объявленнаго о крестьянахъ намѣренія, еще прежде обнадежилъ господъ начальниковъ, что въ подмогу имъ они и сто человѣкъ стоявшихъ въ Малыковкѣ казаковъ будутъ, то и почелъ я долгомъ изъ Саратова для сего отлучиться, чтобъ прибытіемъ своимъ ободрить ихъ, и ежели можно и несомнительно будетъ въ нихъ, то привесть въ Саратовъ; въ противномъ же случаѣ боялся я, чтобъ начинающій въ нихъ дѣйствовать ядъ возмущенія не обѣ-

сновалъ и до времени грубыхъ сердецъ ихъ, и чтобъ когда будутъ подходить къ Саратову и узнаютъ близкое съ ними стеченіе злодѣя, то бъ безъ предводителя осторожнаго не сдѣлали по образу казаковъ, какъ подъ Петровскомъ; а сіе уже бы подлинно единственная моя вина была, ежели бы я усилилъ злодѣя кучею полуторатысячною; ибо ихъ столько собрано было. Тогда-то можетъ бы быть сказали: я то и причиною, что Саратовъ погибъ. Сіе вмѣнилъ я въ собственной свой долгъ. Для сего, какъ сказалъ я выше, поѣхалъ я изъ Саратова и объяснилъ господину бригадиру и маіору, что я ѣду въ Малыковку; однако не сказалъ имъ, для чего ѣду точно; ибо услышавши о заворохѣ обѣщанныхъ имъ въ помощь крестьянъ, можетъ бы быть сіе повергло ихъ въ вящшее уныніе. Сказалъ же я имъ, что буду стараться послать встрѣчу идущему въ Сызранъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, и уже какъ уповаю онъ близко, то и самъ, можетъ быть, просить его о поспѣшеніи къ нему поѣду. Сіе разсѣвалъ я и вездѣ, чтобъ ободрить народъ. Такимъ образомъ выѣхалъ я изъ Саратова — часовъ за 15 до нападенія варвара на городъ оной. Послалъ дѣйствительно главнѣйшаго моего лазутчика Серебрякова къ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, который не доѣхалъ до его на Иргизской степи и съ сыномъ убитъ. Мнѣ отъ опасностей не выгоднѣе его было ѣздить токмо съ двумя для курьерскихъ посылокъ имѣющимися у меня гренадерами. Переѣхалъ за Волгу, ибо по нагорной сторонѣ уже проѣзжать нельзя было; изъ Малороссійской слободы, когда до свѣту мнѣ лошадей сыскать не могли, или паче, уже грубіянили, употребилъ я сіе время на написаніе рапорта къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу, а тамъ дѣйствительно я доносилъ, что я изъ Саратова выѣхалъ, и что ему предстоитъ всеконечно судьбина несчастія. Кто повѣритъ этому, что я Пугачева былъ общникъ и, приготовивъ ему скрытыя стези сорвать Саратовъ, самъ изъ него удалился? Ежели сего быть не могло, какъ же я навѣрное пророчить могъ, что онъ отъ мятежника разоренъ будетъ? Худой самый разумъ по единому зрѣлищу его дѣянія долженъ былъ того надѣяться и необходимо уповать. Се образъ, что

всѣ наши приключенія суть слѣдствія нашихъ собственныхъ распорядковъ.

«На другой день, т. е. 6 числа августа, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ по полудни въ 3-мъ часу къ Саратову пришелъ. Тогда мнѣ не о приведеніи въ него моихъ ратниковъ помышлять надлежало, но какъ бы имъ благопоспѣшно въ цѣлости нѣсколько обождать до свершенія прямо Саратовской судьбины; ибо они уже были отрѣзаны. Поѣхалъ было я къ нимъ, но на дорогѣ уже гораздо ночью получилъ встрѣчное извѣстіе, что Саратовъ взятъ измѣнами гражданъ, или нахальная злодѣйская злопрометчивость была виною скорому его рушенію, того я въ немъ за небытностью, какъ то уже и видно, сказать не могу. Но только я уже тогда пещись долженъ былъ о томъ, чтобъ совсѣмъ толь часто упоминаемыхъ крестьянъ возвратить и распустить. Зналъ я, что шумъ паденія Саратовскаго за собой повлечетъ сердца. Когда городъ не устоитъ, чего отъ силъ колеблющихся дожидаться должно? Такимъ образомъ чрезъ приказаніе удачно возвратилъ я рать свою въ свои домы; а съ казаками со стомя человѣками есаулу Богатыреву занимать наблюденіемъ въ селѣ Воскресенскомъ Сызранскую дорогу велѣлъ. Самъ же 7-е и 8-е число до половины все пробылъ близъ Саратова въ колоніяхъ, ибо мнѣ хотѣлось и коль нужно знать должно было, куда стремительный хищникъ кровожаждущій свой наклонилъ рыскъ: на Яикъ ли, какъ я о томъ предувѣдомленъ былъ, или внизъ рѣки Волги, дабы мнѣ о семъ точно и донесть его превосходительству Павлу Дмитріевичу. 8 числа въ полдень, будучи въ колоніи Паниной, получилъ я отъ посылаемыхъ подлазчиковъ извѣстіе, что партія Пугачева уже на луговой сторонѣ, и что посланы за мною нарочные, о чемъ и есть въ секретной коммисіи письменныя свидѣтельства, а изъ Малыковки тожъ увѣдомленъ я, что пагубныя и къ разбою склонныя души, узнавъ о разореніи Саратова, явной учинили бунтъ для грабежа своихъ зажиточныхъ сожителей и истребленія начальниковъ; почему тогда, приказавъ находившимся тамъ для караула 20 человѣкамъ фузелерамъ, прикрывъ сборную волостную денежную казну государскую и письменныя мои по секретной коммисіи дѣла, слѣдовать въ Сызранъ; а самъ, но уже будучи отрѣзанъ

ото всѣхъ, однимъ только своимъ лицомъ пріѣхалъ въ городъ; ибо со стороны луговой изъ колоніи я взялъ свой путь. Въ сіе жъ время казачій есаулъ Богатыревъ, будучи окружаемъ, долженъ былъ также ретироваться къ Сызрану; а на пути удачнымъ обманомъ, притворяся, что онъ и самъ мятежникъ, выманилъ изъ Малыковки отъ народа возмутителей и на дорогѣ ихъ перевязалъ. Какъ я въ пути съ вымыслу письменной послалъ по жительствамъ приказъ, чтобъ для корпусу его превосходительства Павла Дмитріевича пріуготовить великое множество подводъ, то симъ возмущеніе нѣкоторымъ образомъ бояся наложило на себя узду и невредимымъ оставило Богатырева; а слухъ о дѣйствительномъ пребываніи его превосходительствва Павла Дмитріевича и самымъ дѣломъ воздержалъ вихерь крамолы, стремящейся по слѣдамъ моимъ. 10-е число подалъ я его превосходительству Павлу Дмитріевичу о Саратовѣ рапортъ, а онъ тотчасъ и соизволилъ командировать Яицкихъ казаковъ подкрѣпить Богатырева и воспретить злу какъ нахальствующему пролиться къ Сызрану и Синбирску, такъ и на луговой сторонѣ на крайнія отъ Иргизу колоніи.

«Сіе есть, ваше сіятельство, сколько нибудь ясное описаніе коммисіи моей до паденія Саратова и исторія объ отлучкѣ отъ онаго; но чтобъ не изволили помыслить, что я многорѣчіемъ хотѣлъ затмить силу справедливости и не по важности мнѣ вышеизображенныхъ вопросовъ отвѣчалъ, то короче донесу: коммисія моя, по приложенному здѣсь наставленію, какая и отъ кого дана была, видима. Команды я не имѣлъ. Постъ мой былъ подвиженъ, гдѣ я заблагоразсужу. Въ Саратовѣ былъ я для объявленія награжденія за поимку злодѣя и проповѣди о неприлѣпленіи къ нему, для чего и собраны были отъ меня подписки подъ смертною казнію. Отлучился я отъ него, что услышалъ наклоненія къ бунту въ другомъ мѣстѣ, для меня важнѣйшемъ. Удалился я въ Сызранъ, что мнѣ уже не можно стало въ мѣстѣ безъ команды, гдѣ случился я, никакъ обойтися. За 15 часовъ я изъ Саратова выѣхалъ, не имѣвъ при тысячѣ человѣкъ близко войска никакой опасности» (т. е. опасенія), «кромѣ ихъ безпорядка. Зриге, ваше сіятельство, мой справедливый долгъ, а прочее, что я дѣлалъ, то изъ особливаго моего усердія

къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Императрицѣ, и что должно быть безчувственному, ежели смотрѣть равнодушно на гибель своего отечества и не прилагать крайнихъ силъ вымыслить ему помощь. Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ, что ежели ваше сіятельство къ чести моей прикажете нарядить судъ, то я и тогда оные представлю. Приказаніе вашего сіятельства о сихъ же отвѣтахъ и черезъ его превосходительство Павла Дмитріевича честь получить имѣлъ, но какъ я уже донесъ по приказанію его сіятельства князь Петра Михайловича чрезъ сіе, то и подвергаю сіи мои донесенія на милостивое вашего сіятельства разсмотрѣніе.

«Окончая съ подобострастіемъ отвѣты на вопрошаемое, осмѣливаюсь у вашего сіятельства просить извиненія, что я отважился прямо собою особѣ вашей поднесть мои изъясненія, или что прежде о коммисіи моей не поднесть глубочайше почтительнаго рапорта. На первое доношу, что правда сама собою предстоять дерзаетъ вездѣ, а на второе, что порядокъ службы того требовалъ, что я со дня вашего главнокомандованія о дѣлахъ моихъ доносилъ младшимъ по васъ начальникамъ. Пріявши въ первый разъ подъ команду свою въ полѣ отрядъ въ экспедицію Киргизовъ, гдѣ, бывъ яко важный предводитель, доносилъ объ успѣхахъ генералу, мнѣ поручившему сіе, а по возложенному на себя по наставленію дѣлу, гдѣ, бывъ яко коммисіонеръ, репортовалъ о чемъ должно было предсѣдателю секретной коммисіи.

«Теперь остается мнѣ только всенижайше доложить вашему сіятельству, что ежели начертанныя здѣсь истины изобразили мой сущій долгъ, то изреченное мнѣ благоволеніе вашего сіятельства за битву съ варварами теперь расширеннымъ принимаю чувствіемъ, и долженъ изъ внутренной похвалиться благодарности, что по нынѣшней коммисіи начавъ носить милости его превосходительства покойнаго Александра Ильича, имѣлъ ихъ въ счастіе отъ всѣхъ находившихся въ ней генераловъ, а вашимъ сіятельствомъ вѣнчалъ свое благополучіе.

«Подлинный подписалъ: Гвардіи поручикъ

Гавріилъ Державинъ».

5 октября 1774 года.

Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало на строгаго начальника это безконечное оправданіе мелкаго подчиненнаго, написанное съ явными претензіями на краснорѣчіе. Однакожъ графъ Панинъ удостоилъ отвѣчать Державину прямо отъ себя, притомъ тономъ не столько жесткимъ, сколько отчасти насмѣшливымъ, отчасти покровительственно-снисходительнымъ. Въ отвѣтѣ его отразился взглядъ вельможи и сановника 18-го вѣка на высокое значеніе чина и служебнаго старшинства: оцѣнивъ по письму Державина умъ его и дарованія, отдавая справедливость его проницательности и пылкому усердію, онъ не могъ простить смѣлости, съ какою молодой, маленькій по чину человѣкъ вмѣшивался въ распоряженія высшихъ и, какъ предполагалъ графъ Панинъ, по этому самому болѣе свѣдущихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ издѣвается надъ краснорѣчіемъ Державина и, забывая, что самъ онъ прежде велѣлъ благодарить его за Киргизскую экспедицію, забывая также добровольную попытку его итти въ Петровскъ, Панинъ говоритъ, что доказательствомъ ревности Державина будутъ служить одни только слова. Отчего же всѣ другіе генералы, начиная отъ Бибикова и до Суворова, такъ одобряли его распоряженія, отчего и Кречетниковъ, не смотря на прежнее пренебреженіе къ нему, въ нуждѣ просилъ его помощи, да наконецъ и самъ Панинъ началъ свои сношенія съ Державинымъ изъявленіемъ ему признательности за послѣднее дѣло?

Помѣщая здѣсь замѣчательный отвѣтъ Панина (CXXXVI), долгомъ считаемъ упомянуть, что онъ былъ уже напечатанъ въ въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844 г. (№ 9): редакція этой газеты получила его отъ внука храбраго коменданта, отъ Константина Карловича Бошняка, бывшаго въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Нерехтѣ (Костромской губерніи) [2]). Потомъ этотъ документъ былъ перепечатанъ и въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1850 г. (т. LXVIII).

---

2) Для полученія ближайшихъ свѣдѣній о Бошнякѣ я, въ началѣ нынѣшняго года, обращался съ покорнѣйшею просьбою письменно къ г. депутату Нерехтскаго дворянства инженеръ-поручику Александру Константиновичу Бошняку, но до сихъ поръ (въ маѣ мѣсяцѣ) еще не имѣлъ удовольствія получить отъ него отвѣта.

Мы заимствуемъ его изъ подлинной переписки Державина (№ CXXXVI).

«Ордеръ лейбъ-гвардіи господину поручику Державину.

«Рапортъ вашего благородія ко мнѣ, пущенный отъ 5 числа, со всѣми приложеніями я получилъ.

«По весьма великой его подлинно обширности, конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служеніи, можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдано ваше обо мнѣ благое заключеніе: я при полученіи его хотя уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся, но другую половину не оставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе.

«Къ сожалѣнію моему, по тому чистосердечію, которое я непремѣннымъ себѣ закономъ, особливо въ должностяхъ службы поставляю, принужденъ я вамъ симъ открыться: все онаго пространство ничего во мнѣ другаго не произвело, какъ примѣчаніе, что вы больше несчастливы нежели всѣ украсительныя слова въ ономъ рапортѣ вамъ послужили, потому что сколь подлинно, что они самыя выбранныя и довольно краснорѣчиваго искусства въ себѣ имѣютъ, но и то неоспоримая правда, что сколь ваши намѣренія, которыя вы тѣмъ краснорѣчіемъ изъясняли, ни были благи и усердны къ пользѣ отечества, но по несчастію вашему, для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣй вами не пойманъ. Всѣ тѣ мѣста были имъ похищены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти, вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, изъ чего обыкновенно болѣе происходитъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія онымъ. Я по такому моему о всемъ томъ вниманію и по нежеланію отступить отъ употребляемыхъ мною всегда по службѣ должности моей чистосердечія и откровенности, теперь и нахожу себя вынужденнымъ сказать вамъ сіе.

«Въ доказательство тому, что вы истинно желали положить и не щадить никакъ живота своего въ службѣ Ея Императорскаго Величества, вами воспріятой противу врага Ея и всей Имперіи, будутъ служить только одни слова; а комендантъ Саратовской имѣетъ то, что онъ не покидалъ своего города, защищалъ его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей измѣнѣ и передательствѣ (sic) къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вѣрнѣйшими и усерднѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами, прошелъ съ ружьемъ въ рукахъ сквозь всю столь много ужасающую злодѣйскую толпу, въ такую опять крѣпость, на которую злодѣй по примѣчанію устремлялся жъ, а не туда, гдѣ бъ онъ безопасенъ былъ; почему и представляется мнѣ, что гораздо легче сему коменданту предъ военной судъ явиться, еслибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленію вами желанія военнаго суда, ибо регулы военныя да и всѣ прочіе законы пріемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существительныя дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военной судъ.

«При томъ рекомендую, въ теперешнемъ моемъ начальствѣ надъ здѣшними войсками и тремя губерніями, не употреблять вамъ себя ни совѣтами, ни вещію ни въ какія дѣла, которыя вамъ точно отъ мѣстъ и персонъ, настоящую власть имѣющихъ, препоручены не будутъ, пылкость смѣлости вашей убавить, въ разсужденіяхъ, представленіяхъ и толкованіяхъ о дѣлахъ, вашей должности непрепорученныхъ, и къ чинамъ и заслугамъ выше вашего настоящаго состоянія; увѣрясь совершенно, что и при дарованіи небесъ самаго лучшаго разума, какъ къ краснорѣчію и къ представленію вообще въ хорошемъ видѣ потребны только наука и выборъ словъ, такъ насупротивъ, къ существительному произведенію безошибочно и съ вѣрностію дѣлъ, надобно напередъ испытаніе себя самого въ существительнѣйшемъ же дѣйствіи, къ чему и руководствуетъ болѣе всего практика, а потому добродѣтель и благоразуміе научаетъ, что въ неиспытанныхъ собою дѣлахъ меньше или и вовсе на себя не

надѣяться, но искать пріобрѣсти познаніе оныхъ чрезъ людей, въ практикѣ упражняющихся.

«Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей Великой Государыни и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь

Вашего благородія

вѣрной слуга

Графъ Петръ Панинъ».

Въ одномъ изъ ближайшихъ донесеній своихъ Императрицѣ, графъ Панинъ довелъ до ея свѣдѣнія между прочимъ переписку свою съ Державинымъ и представилъ цѣликомъ приведенный нами сей часъ ордеръ. Государыня, отвѣчая 20 ноября разомъ на восемь донесеній Панина, дала въ письмѣ своемъ слѣдующій отзывъ по этому предмету: «Касательно до дѣла поручика Державина и Саратовскаго коменданта нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія» (т. е. вознагражденія) [3]). Изъ этихъ словъ видно, что Панинъ не разъ просилъ за Бошняка. Припомнимъ, что онъ обѣщалъ донести Императрицѣ и о подвигѣ Державина противъ Киргизовъ (см. выше ордеръ Голицына, № CXXVII). Исполнилъ ли

3) Письмо Императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину. См. Чтеніе въ Общ. исторіи о древн. 1858 г. кн. II. — Бошнякъ дѣйствительно былъ награжденъ. Одинъ изъ офицеровъ, оставшихся при немъ во время нападенія Пугачева на Саратовъ, — Зоргеръ писалъ Державину отъ 26 марта 1775 г. (№ 147): «Уже извѣстно стало, что наша всемилостивѣйшая Государыня пожаловала Саратовскому коменданту, полковнику Бошняку 370 душъ, а женѣ его 2 т. руб., — ему за дѣло при нападеніи на Саратовъ злодѣя Пугачева, а ей потому что она жаловалась, что все потеряла при этомъ нападеніи».

онъ этотъ долгъ справедливости? сомнительно, потому что въ отвѣтѣ Государыни нѣтъ ни одного слова въ пользу Державина; а между тѣмъ въ томъ же письмѣ, нѣсколько прежде, читаемъ: «Ваши рекомендаціи о капитанѣ Галаховѣ, о маіорѣ Руничѣ, капитанѣ Повало-Швейковскомъ, поручикахъ: Москотиньевѣ, Ершовѣ и Голенищевѣ конечно мною уважены будутъ. Рунича велю опредѣлить въ армію, а прочіе награжденіемъ недвижимыхъ сравнены быть имѣютъ». Таково было начало невзгоды, которая долго преслѣдовала Державина.

Между тѣмъ Потемкинъ не разъ уже звалъ его въ Казань [4]). «Если можете такъ устроить, писалъ онъ ему между прочимъ (№ CXXXV), что и въ отсутствіе ваше съ Иргиза суевѣръ Филаретъ не избѣжитъ рукъ, то пріѣзжайте сами въ Казань, дабы могъ я съ вами переговорить.

«Привезите съ собою все, что до лучшаго открытія замысловъ врага можетъ быть, не забудьте также взять Филипова; я увѣдомляю ваше высокоблагородіе, что къ двадесятому числу отправлюся на Яикъ [5]), и такъ поспѣшите меня прежде видѣть, пока я не выѣду изъ Казани.» Поэтому Державинъ во второй половинѣ октября рѣшился ѣхать къ Потемкину, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представиться и Панину въ Симбирскѣ, куда можно было попасть безъ большашаго объѣзда. Державинъ откровенно сознается, что ордеръ графа «внушилъ молодому чувствительному къ чести офицеру желаніе ѣхать самому къ графу и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе.» [6]) Въ Запискахъ своихъ Державинъ подробно разсказываетъ свое свиданіе съ Панинымъ: какъ этотъ вельможа сперва холодно и сухо принялъ его, но, разговаривая съ нимъ съ глазу на глазъ, былъ тронутъ до слезъ, когда Державинъ на упрекъ, что мѣ-

---

4) Такъ и отъ 5 октября Потемкинъ писалъ Державину изъ Симбирска (№ CXXXIX): «По исполненіи сего имѣете возвратиться въ Казань. Впрочемъ употребите всю возможность доставить ко мнѣ извѣстнаго игумена Филарета: les grandes événement (sic) et des très fortes raisons требуетъ того; а если кто найдетъ его, обѣщайте награжденіе сто рублей и болѣе, да привезите съ собою Малыковскаго крестьянина Василія Иванова сына Попова».

5) Это намѣреніе осталось безъ исполненія.

6) Къ этому рѣшенію способствовало конечно и частное письмо князя Голицына отъ 15 сентября (№ 97) о продолжающемся неудовольствіи графа Панина.

шался не въ свое дѣло и дерзко обращался съ Саратовскимъ комендантомъ, возвразилъ: «Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ службѣ Государыни приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.» — Садись, мой другъ, я твой покровитель, сказалъ смягчившійся графъ, который, по словамъ князя Голицына, бывшаго въ то время также въ Симбирскѣ, недѣли двѣ при всякомъ случаѣ твердилъ, что онъ ждетъ отъ Императрицы повелѣнія повѣсить Державина вмѣстѣ съ Пугачевымъ. Дѣйствительно, при первомъ представленіи Державина, графъ Панинъ только спросилъ его, видѣлъ ли онъ Пугачева? Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ, отвѣчалъ офицеръ. Тогда графъ, какъ бы въ насмѣшку надъ безуспѣшными стараніями его поймать самозванца, приказалъ привести своего плѣнника, спросилъ его о здоровьи и обнадежилъ милостью Государыни. Но на другой день послѣ примиренія съ Державинымъ, Панинъ пригласилъ его къ обѣду и за столомъ много съ нимъ разговаривалъ. Вечеромъ опять всѣ собрались къ вельможѣ, и тутъ-то Державинъ испортилъ все дѣло одною необдуманною неловкостью: вмѣсто того, чтобы дождаться слѣдующаго дня и откланяться начальнику въ особой аудіенціи, онъ подошелъ къ графу, когда тотъ сѣлъ за карточный столъ, и сказавъ, что ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, спросилъ, не угодно ли будетъ что приказать. Разгнѣванный такою безцеремонностью, графъ отворотился и сухо отвѣчалъ: «нѣтъ». Прежнее нерасположеніе его къ Державину возобновилось, и уже навсегда.

Въ Казани онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что и Потемкинъ къ нему перемѣнился. Вѣроятно этотъ генералъ былъ болѣе всего недоволенъ тѣмъ, что не смотря на желаніе, выраженное имъ Державину (см. ордеръ № CXXII), Пугачевъ попалъ къ Панину, а не къ нему [7]). Сверхъ того «случилось, говоритъ Держа-

---

7) Причиною неудовольствія Потемкина Державинъ полагаетъ также и то, что на требованіе отъ него отчета въ Саратовскихъ дѣйствіяхъ отвѣчалъ не чрезъ этого генерала, а прямо отъ себя самому графу Панину; но изъ бумагъ не видно, чтобы еще и Потемкинъ писалъ Державину объ этомъ отчетѣ. Довольно было и

винъ, небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаемъ былъ генералу», и это увеличило между ними охлажденіе. По этимъ ли обстоятельствамъ или подъ вліяніемъ мнѣнія графа Панина, только несомнѣнно, что Потемкинъ дѣйствительно уже не прежними глазами смотрѣлъ на Державина. Онъ даже, подобно Панину, потребовалъ отчета въ дѣйствіяхъ Державина, какъ видно изъ слѣдующаго рапорта послѣдняго отъ 16 ноября, поданнаго Потемкину въ Казани (№ 82): «По повелѣнію вашего превосходительства, данное мнѣ наставленіе отъ его высокопревосходительства покойнаго генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, а притомъ какъ его, такъ и прочихъ генераловъ присланные ордера, при семъ приложить же честь имѣю. Что же почему исполняемо мною было, то слѣдуетъ экстрактомъ. Ежели ваше превосходительство заблагоразсудить изволите подлинные приложенные здѣсь ордера оставить у себя, то я прошу о пожалованіи мнѣ съ нихъ копій, или списавъ, оригинальные возвратить повелите» [8]). Къ этому рапорту было приложено и «Сокращеніе коммисіи поручика Державина», которымъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ. Тогда же Потемкинъ далъ Державину ордеръ о вторичной поѣздкѣ на Иргизъ. Вотъ онъ (№ CXXXVII): «По открывшимся дѣламъ и допросу злѣйшаго изверга и самозванца Емельки Пугачева извѣстной раскольническаго Мечетнаго монастыря настоятель Филаретъ оказался весьма важнымъ. Ваше высокоблагородіе имѣете для сего отправиться въ Малыковку, и поелику вамъ тамошнія мѣста и жители извѣстны, поелику обстоятельства и свойства живущихъ тамо людей вы открыть могли, употребите всевозможное раченіе сыскать сего главнѣйшаго сообщника и руководца самозванца. Я не предписываю вамъ на сіе никакихъ предположеній; усердіе ваше, доказанное въ произведеніи данной вамъ коммисіи отъ покойнаго г. генерала-аншефа Александра Ильича Бибикова, заслуживая всю справедливость похвалъ, обнадежи-

---

того, что князь Голицынъ и Мансуровъ требовали, чтобъ онъ къ каждому изъ нихъ доставилъ свой рапортъ для препровожденія къ графу Панину.

8) При этомъ-то случаѣ въ рукахъ П. С. Потемкина могли остаться нѣкоторыя бумаги, которыхъ недостаетъ въ тетрадяхъ Державина.

ваетъ меня въ полной силѣ, что не упустите вы въ семъ случаѣ умножить вашу ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества и тѣмъ подадите новой способъ мнѣ засвидѣтельствовать предъ священнымъ Ея Величества престоломъ ваши услуги. Я нужнымъ почитаю упомянуть, что не щадите ни трудовъ, ни денегъ къ развѣдыванію о его укрывательствѣ, дабы какимъ бы ни было способомъ его схватить удалось; для сего повелѣлъ я выдать вамъ 300 руб., изъ которыхъ можете лазутчикамъ давать приличныя награжденія, наблюдая однакожъ весьма, чтобы льстясь наградою не было таковыхъ, которые обманомъ проводить искали, и для того рекомендую вамъ прилежно разсматривать свойство тѣхъ, которыхъ къ сему употребите.

«А чтобы прикрыть предметъ вашего пребыванія, потщитесь удостовѣрить жителей, что присланы для того только, чтобъ каждый приходилъ съ чистымъ раскаяніемъ, въ прежнее повиновеніе шелъ съ лучшею надеждою къ вамъ явиться, яко къ повѣренному отъ секретной коммисіи, весьма извѣстной въ народѣ, и что имѣете повелѣніе возвращающихся въ жилища свои безъ наказанія и безвозвратно въ ихъ домахъ оставлять съ покоемъ, давая имъ только билеты; объявляйте, что повсюду таковые жъ коммисіонеры разсылаемы будутъ, дабы всякое подозрѣніе отвлещи. Симъ способомъ уповательно привлечете вы и сего злодѣя явиться въ обители; между тѣмъ обратите все вниманіе свое на сію обитель и, если возможно, кого изъ раскольничьихъ иноковъ обѣщаніями заманить, паче же казначея его Фадея старайтесь привлечь ко услугамъ вамъ въ сказанномъ дѣлѣ.

«Впрочемъ обнадеживаю васъ, что исполненіе сіе съ успѣхомъ весьма будетъ благоугодно Ея Императорскому Величеству, и вы, исполняя долгъ свой съ большею ревностію, большаго воззрѣнія Монаршаго учините себя достойнымъ».

Державинъ въ слѣдствіе этого новаго порученія собирался уже въ путь, но, разъѣзжая по городу въ суровое и сырое время года, схватилъ горячку, которая надолго задержала его въ Казани. Еще онъ не выздоровѣлъ, когда Императрица приказала Потемкину ѣхать въ Москву для уча-

стія въ допросѣ Пугачеву [9]). Наконецъ, вѣроятно, въ началѣ марта 1775 г. Державинъ поправился и ему подтверждено было ѣхать въ Саратовъ и другія близъ Иргиза лежащія мѣста [10]). Онъ приписалъ это непріязни Потемкина, потому что, говоритъ онъ, «для поиска Филарета отправлены были уже гласно отъ графа Панина военныя команды и слѣдовательно тайный его поискъ въ той странѣ едва ли былъ и нуженъ». Это было для Державина тѣмъ больнѣе, что прочіе офицеры, находившіеся въ секретной коммисіи, тогда же отпущены были въ Москву. «Такимъ образомъ, сказано въ его Запискахъ, онъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 въ колоніяхъ праздно.... Въ іюнѣ получилъ онъ отъ генерала Потемкина ордеръ, повелѣвающій ему явиться къ полку, который находился, какъ и весь дворъ, давно уже въ Москвѣ [1])». Здѣсь память явно измѣнила Державину, потому что подлинный ордеръ Потемкина, призывающій его въ полкъ, подписанъ 17 февраля и полученъ Державинымъ 29 марта. Потемкинъ писалъ (№ CXXXVIII): «Въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, полученнаго мною 12 числа сего мѣсяца, повелѣно мнѣ всѣхъ гвардіи господъ офицеровъ послать въ полки; почему и имѣете ваше высокоблагородіе отправиться сюда какъ наискорѣе возможно, по прибытіи жъ явиться въ полку, а въ дежурство отъ меня объ ономъ указѣ представлено».

Возможно, что Державинъ послѣ этого ордера получилъ другой, который предписывалъ ему продлить свое пребываніе на Волгѣ, но изъ его бумагъ этого не видно [2]). Какъ бы ни было,

---

9) Въ письмахъ Екатерина II къ князю М. И. Волконскому сказано: отъ 20 декабря 1774 г. «Я отправляю обратно въ Москву П. С. Потемкина», а отъ 7 января 1775 г. «Изъ письма вашего отъ 26 декабря усмотрѣла я о пріѣздѣ въ Москву генералъ-маіора Потемкина». Москвит. 1845, № 9.

10) Капитанъ Вильгельмъ писалъ 24 февраля Державину въ Казань, что его съ часу на часъ ожидаютъ въ Малыковкѣ.

1) Императрица выѣхала изъ Царскаго села 16 января (черезъ 6 дней послѣ казни Пугачева), 22 числа была во Всесвятскомъ, а 25-го имѣла въѣздъ въ Москву. См. СПб. Вѣдом. 1775 года.

2) Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1775 г. (№ 11), изъ Мечетнаго монастыря, Вильгельмъ изъявляетъ сожалѣніе о предстоящемъ отъѣздѣ Державина, но вмѣстѣ и надежду, что онъ скоро возвратится.

Въ письмѣ отъ 6 мая, изъ колоніи Панинской (№ 146), жена капитана Вильгельма прощается съ Державинымъ, такъ какъ онъ писалъ ея мужу, что уѣзжаетъ на другой день, 7 числа.

онъ прибылъ въ Москву не прежде іюля мѣсяца, не задолго до празднованія мира съ Турціею (которое происходило 10 числа). Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные имъ большею частію въ колоніяхъ, онъ имѣлъ довольно досуга для литературныхъ занятій, и тогда-то конечно писалъ онъ свои Читалагайскія оды.

Въ проѣздъ чрезъ Казань, на пути въ Москву, онъ тамъ почти не останавливался; не только городской домъ его матери, но и имѣнія ея, какъ Казанскія, такъ и Оренбургскія, были разорены, сама старушка, едва спасшаяся изъ рукъ Пугачевцевъ, была сокрушена горемъ, и свиданіе ея съ сыномъ не было радостно послѣ столькихъ потерь и въ виду лишеній, которыя оба могли предвидѣть въ будущемъ.

Въ Москвѣ Державинъ увидѣлъ себя въ неблагопріятныхъ служебныхъ обстоятельствахъ: въ его полку были новые начальники, вовсе его незнавшіе — графъ (вскорѣ князь) Г. А. Потемкинъ и маіоръ Ѳедоръ Матвѣевичь Толстой. Оба приняли его безъ всякаго вниманія — потому, думаетъ Державинъ, что первый слышалъ о немъ холодные отзывы своего родственника, Павла Сергѣевича, а послѣдній предубѣжденъ былъ наговорами своего любимца, офицера Цурикова, который еще до командировки Державина былъ съ нимъ въ ссорѣ. Велѣно было «числить его при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей посылки». А тутъ, какъ нарочно, встрѣтился еще одинъ непріятный случай. Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ; такъ какъ въ отсутствіи его графъ Потемкинъ измѣнилъ строевой порядокъ, то нашъ офицеръ, не зная этого, и скомандовалъ невѣрно; такая ошибка тѣмъ болѣе была сочтена непростительною, что «рота, наряженная въ караулъ, была на щегольство Потемкинымъ по его вкусу въ новый мундиръ одѣта и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхо оконъ, должна была заходить повзводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, провинившійся офицеръ не въ очередь назначенъ на палочный караулъ». Конечно и всякой другой, на мѣстѣ Державина, былъ бы чувствительно

оскорбленъ такимъ униженіемъ послѣ роли, которую онъ игралъ во время Пугачевщины, послѣ уваженія, какое ему оказывали значительныя лица въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Тѣмъ больнѣе должно было быть это униженіе для пылкаго, честолюбиваго, самонадѣяннаго Державина, который справедливо хвалился своею чрезвычайною ревностію въ порученномъ ему дѣлѣ и приписывалъ себѣ большія въ немъ заслуги. Прибавимъ къ тому финансовое стѣсненіе, въ которомъ находился Державинъ; къ дурнымъ, и безъ того уже, домашнимъ его обстоятельствамъ, присоединилось еще то, что человѣкъ, за котораго онъ когда-то поручился въ дворянскомъ банкѣ, Алексѣй Николаевичь Масловъ, не только не платилъ своего долга казнѣ, но и скрылся совершенно, такъ что Державинъ обвиненъ былъ въ подложномъ ручательствѣ и банковое взысканіе обращено на него; а такъ какъ собственнаго его имущества на удовлетвореніе претензіи казны было недостаточно, то и имѣніе матери его было взято подъ опеку.

Покровителей у Державина не было; тѣ, которые во время опаснаго бунта такъ высоко цѣнили его содѣйствіе, такъ выхваляли его и обнадеживали своимъ предстательствомъ предъ Императрицей—Потемкинъ и Голицынъ, забыли его услуги и свои обѣщанія, отступились отъ него, когда увидѣли нерасположеніе къ нему Панина. Тогда у Державина мелькнула надежда пріобрѣсти новаго покровителя. Проѣзжая чрезъ Свіяжскъ, услышалъ онъ отъ тамошняго воеводы, что съ нимъ желаетъ познакомиться въ Москвѣ князь Щербатовъ, — не тотъ, который былъ недавно его начальникомъ, а Михаилъ Михайловичь, герольдмейстеръ, дѣйствительный камергеръ, уже извѣстный тогда въ литературѣ тремя первыми томами своей исторіи и изданіемъ журнала Петра Великаго. Такое желаніе со стороны знатнаго и довольно высоко стоявшаго лица крайне удивило Державина. Явясь къ князю въ Москвѣ, онъ узналъ причину этого приглашенія, не менѣе для него лестную: Щербатовъ, получивъ отъ Императрицы для храненія въ государственномъ архивѣ донесенія Державина, пожелалъ лично узнать офицера, который распоряжался и писалъ такъ энергически. Это обстоятельство показываетъ намъ, что Императрица читала не только

отвѣтъ графа Панина на приведенный нами въ своемъ мѣстѣ подробный отчетъ Державина, но и самый этотъ отчетъ, а сверхъ того вѣроятно и нѣкоторые другіе рапорты его, можетъ быть и письма Бошняку: бумаги эти были конечно представлены Екатеринѣ Панинымъ вмѣстѣ съ жалобами его на Державина. Князь Щербатовъ принялъ послѣдняго очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ его несчастливымъ и прибавилъ: «Графъ П. И. Панинъ страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ» и т. п. — Какъ громъ поразило это Державина, сознается онъ въ своихъ Запискахъ. Естественно, что онъ тутъ же выразилъ надежду на покровительство новаго и единственнаго своего доброжелателя, который, какъ онъ предполагалъ, могъ помочь ему оправдаться предъ Государыней. «Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Щербатовъ: я не въ силахъ подать вамъ какой либо помощи: графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противуборствовать никакъ не могу». Державинъ возвратился домой съ растерзаннымъ сердцемъ и излилъ свое горе слезами.

Однако жъ онъ вскорѣ ободрился и, рѣшась дѣйствовать смѣлѣе, просилъ маіора Толстаго представить его графу Потемкину; когда же тотъ отговорился отъ этого, то онъ 11-го іюля написалъ своему главному начальнику (будущему князю Таврическому) слѣдующее письмо (№ 112):

«Въ кончинѣ его высокопревосходительства Александра Ильича скончался мой покровитель. Ежели есть надежда, то она въ главномъ моемъ начальникѣ, и это въ вашемъ сіятельствѣ.

«Исполняя мой долгъ, когда бы я произвелъ и наивеличайшія отечеству услуги, то и тогда бы я въ награду себѣ просить не отважился. Но ежели были со мной въ одной коммисіи: Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ, и получили нынѣ за труды свои Высочайшую милость, то я нахожу себя предъ ними обиженнымъ. Я еще смѣю себя наиболѣе поставить имъ въ сравненіе потому, что я въ трудахъ своихъ не имѣлъ ни одного помощника и чрезъ цѣлой почти годъ, бывши въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ одинъ въ опасностяхъ. Доставилъ нужныхъ людей секретной комми-

сіи. Сдѣлалъ диверсію отъ пролитія изъ Уралу [3]) злодѣямъ къ Волгѣ. Отвратилъ набѣгъ Калмыкъ отъ селеніевъ Иргизскихъ. Прикрылъ колоніи отъ расхищенія Киргизцовъ, и, разбивши ихъ, отнялъ у нихъ плѣну около 1000 человѣкъ колонистовъ одними собранными мною мужиками. Первый далъ всюды извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Отъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ съ начала сей экспедиціи, за всѣ мои дѣла имѣю похвальные ордера. Сверхъ же того въ Казани и въ Оренбургскомъ уѣздѣ лишился всего своего имѣнія, даже мать моя была въ полону. Я два раза чуть не былъ въ рукахъ Пугачева. Потерялъ все, а пользоваться Монаршею милостію, взять изъ новоучрежденныхъ банковъ денегъ не могу, потому что я подъ деревни мои долженъ въ банкѣ.

«Вотъ обстоятельства подъ командою вашего сіятельства служащаго офицера. Для чего я обиженъ предъ ровными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени своему».

Съ этимъ письмомъ Державинъ самъ поѣхалъ къ Потемкину, въ деревню Черную грязь, гдѣ Императрица жила въ небольшомъ домикѣ: тамъ помѣщался и Потемкинъ. Ворвавшись къ графу на перекоръ камеръ-лакею, который стоялъ у дверей уборной, онъ подалъ свое письмо. Графъ, прочтя бумагу, сказалъ, что доложитъ Государынѣ. Еще два раза Державинъ являлся къ Потемкину, который сначала успокоивалъ его обѣщаніями, но наконецъ «отскочилъ съ негодованіемъ» и ушелъ къ Императрицѣ.

Между тѣмъ Державинъ долженъ былъ хлопотать и у Голицына, чтобъ казна возвратила ему издержки за продовольствіе войска, которое въ 40,000 подводъ жило у него недѣли двѣ въ Оренбургской деревнѣ. Ему слѣдовало тысячъ до 25, но онъ съ большимъ трудомъ выпросилъ у князя квитанцію только на 7 т. руб., «и то» прибавляетъ Державинъ князь согласился «изъ особливаго къ нему благорасположенія».

Для полученія этихъ денегъ надо было явиться въ провіантскую капцелярію въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время оттуда писали, что по порученію за Маслова положено описать

3) Здѣсь имя Уралъ употреблено уже вмѣсто Яика, отмѣненнаго указомъ 15 января 1775 г.

въ казну все имѣніе Державина и самого его лично требовать къ отвѣту, то «оставя всякое исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ въ исходѣ сентября въ Петербургъ», хлопотать по своему дѣлу.

Здѣсь онъ старался склонить судей помедлить исполненіемъ упомянутаго опредѣленія и въ тоже время обзаводился хозяйствомъ и одеждою изъ выданныхъ ему казною 7 т. руб., такъ какъ этой суммы далеко не достало бы на уплату долга Маслова и притомъ онъ надѣялся, что собственное его имѣніе будетъ освобождено отъ взысканія. Болѣе 2 т. пошло на уплату собственнаго его банковаго долга. Когда почти вся сумма была издержана, Державинъ «рѣшился поискать счастья въ игрѣ» и на оставшіеся у него послѣдніе 50 руб. выигралъ до 40 т. Но это счастіе было не продолжительно. Вѣроятно оно начало уже измѣнять ему, когда онъ счелъ нужнымъ напомнить Потемкину его обѣщанія и отправилъ къ нему въ Москву письмо отъ 27 октября 1775 г. (№ 113): «Когда бы я не имѣлъ въ твердое упованіе вашего сіятельства слова, то бы уже и рѣшился положить, что я ни благоволенія Монаршаго, ни вашего предстательства не достоинъ. Всѣ получили награжденіе: морейскіе наши офицеры обошли меня чиномъ, въ Московскомъ бунтѣ служившіе получили милость, разоренные поправились, бывшіе со мною въ Пугачевскомъ дѣлѣ и тѣ награждены, которые ничего отличнаго не дѣлали. Словомъ, изливающая рука щедроты, кажется уже не находитъ болѣе ущедрять кого. Остался развѣ порокъ, да я другой не награжденъ. Но я, разбирая мою совѣсть и находя себя ни въ чемъ не виннымъ, еще осмѣливаюсь чрезъ сіе внушить вашему сіятельству всенижайшее мое прошеніе: исходатайствуйте мнѣ когда не награду, то въ разсужденіи моего разоренія справедливость. Ежели я обвиняюсь, будьте мой судья. Ежели я обношусь отъ кого, будьте въ Бога защитителя моего! Я никого кромѣ васъ не имѣю. Терзаетъ меня стыдъ, что я, будучи подъ особливымъ высокимъ начальствомъ вашего сіятельства, не могу по сію пору предъ тѣми похвалиться моею справедливостію, которые менѣе меня трудились. Терпѣть, ожидая просто добра, есть уповать; а надежда вѣчно съ нами. Терпѣть невинному, ожидая, по право-

судію, удовлетворенія, есть страдать; а быть въ мукѣ и минуту тягостно. Для того я изъ Петербурга дерзаю утруждать симъ письмомъ: отдѣлите время на снисхожденіе мнѣ».

Отвѣта не было. Вскорѣ дворъ возвратился изъ Москвы. Державинъ продолжалъ играть и «можно было бы выиграть несравненно превосходныя суммы», но «фортуна перемѣнилась». Между тѣмъ онъ возвратился и къ литературнымъ своимъ занятіямъ, и въ началѣ 1776 г. напечаталъ въ типографіи академіи наукъ «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Средства къ изданію этой книжки Державинъ нашелъ конечно въ выигранныхъ имъ деньгахъ, которыхъ стало даже на уплату въ банкъ 20 т. р. за Маслова. Вообще счастливая игра въ карты очень поправила положеніе Державина. Не касаясь здѣсь нисколько литературнаго значенія Читалагайскихъ одъ, замѣтимъ только ту сторону ихъ, которая имѣетъ связь съ его біографіею. Напечатавъ ихъ безъ имени, онъ едва ли думалъ этимъ способомъ обратить на себя вниманіе Государыни и другихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Оригинальныя пьесы въ стихахъ, которыми онъ воспѣваетъ Екатерину и Румянцова, помѣщены въ концѣ и содержатъ нѣсколько весьма смѣлыхъ для того времени стиховъ, напримѣръ:

Внемлите, князи всей вселенной;
Статуи безъ достоинствъ, вы!

или:

Емелька съ Катилиной, змѣй,
Разбойникъ, распренникъ, грабитель,
И царь, невинныхъ утѣснитель,
Равно вселенной всей злодѣй.

Впрочемъ, хотя восхваленіе царствующей особы могло быть просто вызвано духомъ стихотворства, пущеннаго въ ходъ Ломоносовымъ, однакожъ возможно, что изданіе Читалагайскихъ одъ было и дѣйствительно попыткою выдти въ люди стихами. Но обстоятельству, что большую часть книжки составляютъ переводы изъ трудовъ вѣнценоснаго писателя и притомъ союзника Екатерины, нельзя кажется придавать особеннаго значенія [4]):

4) Надо имѣть въ виду, что сочиненія Фридриха II пользовались тогда великою славой и переводить ихъ на разные языки было въ модѣ. В. Майковъ пе-

нѣмецкій переводъ стихотвореній Фридриха II, служившій Державину подлинникомъ, вѣроятно попался ему въ руки случайно [5]) у колонистовъ, между которыми онъ жилъ не разъ во время Пугачевщины. Можетъ быть, къ переводу этой книги способствовало и то, что Державинъ находилъ въ ней мѣста, имѣвшія примѣненіе къ его собственнымъ обстоятельствамъ. Таковы пьесы: на порицаніе (или вѣрнѣе на клевету) и на постоянство (вѣрнѣе на твердость).

Г. А. Потемкинъ впалъ на короткое время въ немилость и долженъ былъ жить подальше отъ двора: онъ поселился въ Новгородѣ. Это обстоятельство было благопріятно для Державина потому, что поубавило спѣсь и въ маіорѣ Толстомъ, который держался Потемкинымъ. Въ Петровъ день 1776 г. рота Преображенскаго полка, по обыкновенію, была наряжена на караулъ въ Петергофъ. Попасть въ этотъ караулъ считалось почетнымъ, и Державинъ выпросился туда. При баталіонѣ гвардіи, наряженномъ для этого караула, командированъ былъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка Ѳедоръ Яковлевичь Олсуфьевъ, человѣкъ честный и доброжелательный. Державинъ, потерявъ всю надежду на Потемкина, просилъ у Олсуфьева позволенія подать чрезъ него письмо Императрицѣ. Олсуфьевъ согласился. Письмо это напечатано въ Запискахъ Державина (стр. 113) и повторяетъ, только пространнѣе, то, что было уже изложено въ письмахъ къ обоимъ Потемкинымъ. Смыслъ его, говоря сокращенно, былъ такой: Я бы никогда и не думалъ просить награжденія за исполненіе долга, еслибъ не получили наградъ другіе офицеры, трудившіеся въ одно время со мной и потому же порученію. Слѣдовательно я въ немилости; но это несправедливо, потому что я сдѣлалъ вотъ то-то и то-то. Сравнивъ все это съ дѣлами моихъ товарищей, вижу, что я несчастливъ. Князь

ревелъ стихами Военную науку изъ книги Безпечный философъ, соч. Фридриха II. По словамъ Бантыша-Каменскаго, и Бибиковъ перевелъ эту поэму, которая вновь была переведена прозою еще и въ 1817 г. Дм. Вороновымъ.

5) Эта догадка подтвердилась. Г. Буличь передалъ мнѣ купленный имъ въ Казани, на рынкѣ, экземпляръ Нѣмецкаго перевода стихотвореній Фридриха, напечатаннаго въ 1760 г. и, какъ несомнѣнно изъ сличенія многихъ мѣстъ, — служившаго Державину подлинникомъ для нѣкоторыхъ изъ его Читалагайскихъ одъ. На этой книжкѣ надписано имя хозяина ея «Карла Христофоровича Вильмсена», который во время Пугачевщины переписывался съ Державинымъ (№ 11).

Потемкинъ, къ которому я обращался въ Москвѣ, обнадежилъ меня вашимъ благоволеніемъ, обѣщалъ мнѣ награду. Но съ тѣхъ поръ пошелъ уже другой годъ. «Представляется мнѣ, кончаетъ онъ, что не нахожусь ли за что подъ гнѣвомъ человѣколюбивой и справедливой Монархини. Мысль сія меня умерщвляетъ, Государыня! Ежели я преступникъ, да не попуститъ вины моей или заслуги болѣе долготерпѣніе Твое безъ воздаянія.»

Приложивъ къ этому письму упомянутые въ немъ ордера, Державинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ съ ними въ Петергофъ, гдѣ жила тогда Императрица, и подалъ эти бумаги статъ-секретарю у принятія прошеній Александру Андреевичу Безбородко, который тогда только входилъ въ силу. По возвращеніи двора въ Петербургъ, Безбородко объявилъ Державину, что Государыня, принявъ милостиво его письмо, приказала спросить, какого награжденія онъ желаетъ. Державинъ, не будучи уже въ нуждѣ, отвѣчалъ, что когда служба его удостоена Всемилостивѣйшаго вниманія, то онъ ничего уже не желаетъ и доволенъ всѣмъ, что получитъ, что не ему назначать мѣру щедротъ Государыни.

Однакожъ дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода до возвращенія Г. А. Потемкина, въ концѣ года, изъ Новгорода. Разъ, въ декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ и съ ротою стоялъ во фрунтѣ по Милліонной улицѣ, Потемкинъ прислалъ за нимъ ординарца. «Государыня приказала спросить васъ, сказалъ онъ, чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?» Державинъ отвѣчалъ было ему то же, что и Безбородкѣ. «Вы должны непремѣнно сказать, возразилъ Потемкинъ.—Когда такъ, отозвался Державинъ, то за производство дѣлъ по секретной коммисіи желаю быть награжденнымъ деревнями наравнѣ съ сверстниками моими, гвардейскими офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему вызову, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника. — «Хорошо, сказалъ князь, вы получите». Къ несчастію Державинъ, выходя, встрѣтилъ за дверьми маіора Толстаго, который, разспросивъ его о предметѣ разговора съ Потемкинымъ, приказалъ ему подождать и, возвратясь чрезъ четверть часа отъ князя, сказалъ:

«Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года: вамъ по старшинству достанется въ капитанъ-поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковникомъ.» Итакъ Державину приходилось еще ждать. Въ день новаго года (1777) онъ по порядку произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. «Прошелъ и январь, а о обѣщанной наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней.» Наконецъ въ началѣ февраля, Потемкинъ, проходя мимо толпы просителей въ своей пріемной, замѣтилъ Державина и сказалъ бывшему тутъ же правителю своей канцеляріи, Ковалинскому, сквозь зубы: «Напиши о немъ докладную записку». Ковалинскій, не зная въ чемъ дѣло, былъ въ затрудненіи и просилъ самого Державина составить записку: тотъ исполнилъ это и выразилъ въ своей бумагѣ желаніе, чтобы его перевели полковникомъ въ армію. Но Ковалинскій черезъ нѣсколько дней объявилъ ему, что князь не одобрилъ этого доклада, по внушенію Толстаго, будто Державинъ къ военной службѣ не способенъ, почему и велѣно заготовить другую записку о выпускѣ офицера въ статскую службу. Державинъ протестовалъ, опираясь на то, что онъ представляется къ наградѣ за военныя дѣйствія. Но князь не согласился на его просьбу и по вторичному докладу Ковалинскаго. Тогда Державинъ, по порученію послѣдняго, написалъ новую записку, которая сохранилась въ его тетрадяхъ (№ 115): «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было разсмотрѣть просьбу л.-г. Преображенскаго полка капитанъ-поручика Державина, которою онъ утруждалъ о награжденіи его за его службу въ прошедшее народное возмущеніе, и какъ мнѣ благоволили Ваше Величество препоручить оное, чтобъ донесть Вамъ, какого награжденія онъ достоинъ и спросить его желаніе, то я на сіе Вашего Императорскаго Величества повелѣніе донести всеподданнѣйше имѣю. Онъ, капитанъ-поручикъ Державинъ, въ разсужденіи производимыхъ имъ разныхъ секретныхъ довѣреній и коммисій, во весь продолжавшійся мятежъ былъ и отправлялъ должность свою съ особливымъ прилежаніемъ, подвергаясь неоднократнымъ опасностямъ, за что и достоинъ награжденъ быть въ сравненіе съ тамъ же бывшимъ полковникомъ Мавринымъ, который получилъ 400 душъ въ Польшѣ. Но еще

какъ онъ Державинъ, изъ особливаго своего усердія и своею волею набравъ людей, защитилъ всѣ луговыя Саратовскія колоніи и спасъ болѣе 1000 человѣкъ плѣна, то за сію службу, по мнѣнію моему, нахожу я его достойнымъ награжденія чиномъ, а какъ онъ желаніе имѣетъ изъ гвардіи выдти и продолжать Вашего Императорскаго Величества службу у дѣлъ штатскихъ [6]), то какъ всѣ капитанъ-поручики, поступающіе въ капитаны (?), награждаются полковниками, то и ему Державину, ежели благоволенія Вашего Императорскаго Величества будетъ, дать сей чинъ не излишне» [7]).

Въ слѣдствіе этой записки, Державинъ указомъ 15-го февраля пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и въ то же время получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Обозрѣвъ такимъ образомъ всѣ обстоятельства жизни Державина по участію его въ мѣрахъ къ усмиренію Пугачевскаго бунта, постараемся теперь оцѣнить его дѣятельность въ эту эпоху и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, по его поступкамъ, его тогдашнюю нравственную физіономію.

Просматривая кипу бумагъ, составляющихъ далеко не полную переписку его во время Пугачевщины, мы прежде всего поражены неутомимою его дѣятельностью: ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, онъ предусматриваетъ нужды и вовремя увѣдомляетъ о нихъ кого слѣдуетъ, предлагаетъ и вызываетъ мѣры осторожности, сносится безпрерывно съ разными начальниками, пишетъ днемъ и ночью рапорты, ордера и частныя письма, разсылаетъ часто въ одинъ день по нѣскольку бумагъ, идетъ самъ добровольно на встрѣчу опасностямъ, которыхъ легко могъ бы избѣжать, словомъ дѣлаетъ гораздо болѣе, нежели сколько собственно былъ обязанъ дѣлать по своему назначенію. Напримѣръ, онъ достаетъ себѣ военную команду; когда же ему болѣе не даютъ вооруженныхъ людей, то онъ собираетъ нѣсколько сотъ крестьянъ и идетъ съ ними

6) Въ подлинникѣ противъ слова «штатскихъ» собственноручное примѣчаніе Державина: «ибо въ военную службу записка таковая же была княземъ Потемкинымъ неопробована».

7) Въ концѣ этой бумаги приписка Державина: «Таковой докладъ поданъ отъ князя Григорія Александровича Потемкина, когда Государыня велѣла спросить мое желаніе и какого я по его разсужденію награжденія достоинъ».

отыскивать бунтующія шайки. Неудивительно, что при такой рѣшительности и энергіи во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, Державинъ умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые часто искали помощи въ немъ, какъ будто въ равномъ себѣ по власти. Неудивительно также, съ другой стороны, что Державинъ тѣми же свойствами надѣлалъ себѣ враговъ между мѣстными властями и жителями: вспомнимъ его отношенія къ Кречетникову, Денисову, Бошняку, къ Тишину и вообще къ Малыковскому населенію. Онъ не опасался, что эти отношенія могутъ повредить ему, какъ и дѣйствительно случилось, ибо только жалобамъ главныхъ изъ этихъ лицъ можно приписать гнѣвъ Панина противъ него, а Панинъ поселилъ нерасположеніе къ нему и въ самой Императрицѣ. Мы уже выше показали, почему за неуспѣхъ въ поимкѣ Пугачева нельзя винить Державина. Неудачу же въ отысканіи Филарета самъ онъ объясняетъ тѣмъ [8]), что этотъ инокъ не могъ возвратиться въ свой скитъ, потому что, по распоряженію генерала Волкова, на Иргизѣ стоялъ для поимки бѣглыхъ гусарскій эскадронъ. За тѣмъ нельзя, сохраняя полное безпристрастіе, не подтвердить свидѣтельства Державина, что онъ способствовалъ къ огражденію Иргизскихъ селеній и заволжскихъ колоній отъ окончательнаго разоренія Калмыками и Киргизами, доставилъ въ руки правительства нѣсколько важныхъ преступниковъ и возвратилъ болѣе тысячи плѣнныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потратилъ очень мало казенныхъ денегъ (не болѣе 600 р.), два раза снабдилъ войско Мансурова и Муфеля провіантомъ и спасъ Малыковскую казну отъ разграбленія. Сверхъ того Державинъ нѣсколько разъ производилъ допросы и казни, писалъ воззванія къ народу и первый извѣстилъ правительство о поимкѣ Пугачева (см. Сокращеніе его коммисіи, № 110 и письмо къ Императрицѣ).

Слѣдовательно Державинъ имѣлъ полное право считать себя обиженнымъ, когда другіе офицеры, сдѣлавшіе менѣе его, были награждены, онъ же одинъ оставленъ безъ вниманія. Настойчивость, съ какою онъ послѣ добивался признанія своего

---

8) См. сокращеніе коммисіи поручика Державина № 110.

права на награду, требуетъ снисхожденія; ни воспитаніе Державина, ни тогдашнее общество не могли внушать благороднаго самоотверженія, которое одно могло бы примирить его съ несправедливостью. Много ли и теперь людей, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ остались бы равнодушными къ своей пользѣ, много ли ихъ даже между строгими судьями и порицателями Державина? и всѣ ли они имѣли бы въ такомъ случаѣ его твердость и рѣшительность, а особенно ту искренность, съ какою онъ разсказываетъ намъ всѣ средства, имъ употребленныя для достиженія цѣли?

Впрочемъ справедливость все-таки не вполнѣ была оказана Державину: его признали неспособнымъ къ военной службѣ. Мы находимъ напротивъ, что судя по всему его образу дѣйствій во время Пугачевщины, онъ могъ бы сдѣлаться превосходнымъ военнымъ начальникомъ и что еслибъ вмѣсто тайныхъ поисковъ, ему поручили самостоятельную команду надъ сильнымъ отрядомъ, то онъ совершилъ бы чудеса храбрости: либо положилъ бы голову свою, либо схватилъ бы Пугачева. Его горячая заносчивость, нескромность, даже необузданность бросаются въ глаза, но за то ни одинъ поступокъ его не даетъ повода сомнѣваться въ его честности и добросовѣстности, и онъ совершенно правдиво говоритъ въ запискѣ, поданной П. С. Потемкину: «Свидѣтельствуюсь тѣми жительствами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я свои труды безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса и безъ всякаго кому либо притѣсненія, не взирая на то, что я къ тому самою нуждою принужденъ быть долженъ былъ». Мы видѣли, что онъ писалъ Казанскому губернатору Бранту о необходимости строгихъ мѣръ противъ лихоимства и взяточничества. Та же идея занимала потомъ гонителя его, графа Панина; доказательствомъ тому служатъ слова Екатерины въ письмѣ къ этому вельможѣ: «Я молю Бога, чтобъ предложеніе ваше судебнымъ мѣстамъ и прочимъ употребленнымъ людямъ о взяткахъ и пристрастномъ правосудіи въ нихъ произвело дѣйствіе полезное и поправительное, но думаю, что для удержанія поползновенія на нѣкоторое время можно будетъ сдѣлать гдѣ ни на есть, примѣръ наказаніемъ винов-

наго» [9]). На словахъ, въ перепискѣ своей, Державинъ иногда, по духу времени, льстилъ своимъ начальникамъ, но на дѣлѣ онъ держалъ себя съ ними безукоризненно; въ его поведеніи вовсе не видно придворной тонкости, скорѣе напротивъ проглядываетъ юношеская неопытность и необдуманность; вспомнимъ, какъ неловко онъ поступилъ, когда вздумалъ уѣхать отъ Панина. Къ тому же роду ошибокъ принадлежитъ и то, что онъ, узнавъ о выдачѣ Пугачева, не поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ прежде всѣхъ графа Панина. По усмиреніи бунта, онъ не подносилъ стиховъ своимъ начальникамъ, въ которыхъ имѣлъ надобность, а началъ писать эпистолу въ честь Михельсона, гдѣ только мимоходомъ говоритъ о заслугахъ князя П. М. Голицына, П. С. Потемкина и графа П. И. Панина; но онъ и этой эпистолѣ не далъ хода, напечатавъ въ «Читалагайскихъ одахъ» только стихи въ честь умершаго Бибикова. Мы указали въ Запискахъ его одно или два мѣста, не во всей точности согласныя съ подлинными документами; но Записки эти писаны Державинымъ въ старости, теперь же мы говоримъ о другой эпохѣ его жизни: характеръ Записокъ постараемся окончательно оцѣнить въ своемъ мѣстѣ.

---

[9]) Чт. въ Общ. Древ. и Ист. 1858 г. Кн. 2.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стран. 22-й: *вм.* 26 Марта *должно быть:* 21 Марта.

На стран. 117-й: *вм.* Отъѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ *должно быть:* По увѣренію Пугачева при окончательномъ допросѣ, онъ оставилъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I (стр. 15).

Тайное наставленіе господину подпорутчику Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Державину.

Вы отправьтесь отсюда въ Саратовъ и потомъ въ Малыковку, гдѣ о пребываніи вашемъ наружно объявляйте, что посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія марширующихъ съ Дону казаковъ подъ командою полковника Денисова и гусарскихъ эскадроновъ подъ командою маіора Шевича, сюдажь марширующихъ, и для закупки провіанта на здѣшній корпусъ, когда онъ къ Оренбургу достигнетъ. Прикрывъ ваше прямое дѣло подобіемъ правды, а въ самомъ дѣлѣ посылка и поручаемая коммиссія въ слѣдующемъ состоять имѣетъ:

1) Извѣстно, что вора и злодѣя Пугачева гнѣздо прежде произведенія его злодѣйства было селеніи раскольническія на Иргизѣ, а потому и не можно думать, чтобъ онъ и нынѣ каковыхъ либо друзей, сообщниковъ, или по крайней мѣрѣ знакомцовъ тамъ не имѣлъ. Вѣроятно быть кажется и то, что онъ по сокрушеніи его подъ Оренбургомъ толпы и по разсѣяніи ея (что дай Боже) въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ — Узенѣ въ тамошнихъ мурчугахъ или у раскольниковъ. Вамъ понятна важность сего злодѣя поимки. Для того вы скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ обратите все удобь возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ таковомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или по крайней мѣрѣ чрезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣй поимки избѣгнуть не могъ. Обѣщаніи (?) награжденія, какъ уже отъ меня объявлены, другія

ли какія возмездіи обѣщать тому или тѣмъ можете, кто способствовать и въ руки ваши сего злодѣя доставить можетъ; къ чему заблаговременно людей пріискать и пріуготовить искуснымъ и скрытнымъ образомъ надлежитъ. Ибо открытіе сего все дѣло уничтожить можетъ. А потомъ:

2) Доколѣ къ поимкѣ злодѣя случай не приспѣетъ, употребите вы все ваше стараніе о томъ, чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную межъ ими связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей Ея Императорскому Величеству нашей Всемилостивѣйшей Монархинѣ будетъ. А сіи извѣстіи какъ ко мнѣ, такъ и марширующимъ по Самарской линіи господамъ генералъ-маіорамъ князю Голицыну и Мансурову съ вѣрными людьми доставлять имѣете, ведя о тайномъ дѣлѣ (переписку?) посредствомъ цыфирнаго ключа, которой вамъ ввѣряется.

3) Чтобъ доставить въ толпу къ злодѣю надежныхъ людей и вѣдать о его и протчихъ злодѣевъ дѣяніяхъ, не щадите вы ни трудовъ, ни денегъ, для чего и отпускается съ вами четыреста рублевъ изъ екстраординарной суммы, въ которыхъ по возвращеніи вашемъ отчетъ дать можете. Чтобъ въ случаѣ надобномъ дѣлано было вамъ и отъ васъ посланнымъ всякое вспоможеніе, для того снабжаетесь вы письмомъ пребывающему въ Саратовѣ господину Астраханскому губернатору Кречетникову, а къ Малыковскимъ дворцовымъ управителямъ открытымъ ордеромъ. Вы воспользуетесь тѣмъ тогда, когда нужда вамъ во вспоможеніи отъ того или другаго настоять будетъ. Для сысканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ.

4) Неуставайте наблюдать всѣ людей тамошнихъ склонности, образъ мыслей и понятіе ихъ о зломъ самозванцѣ и всѣ способы употребляйте къ объясненію обманутыхъ и колеблющихся, что онъ не только самозванецъ, но злѣйшій государственный злодѣй и измѣнникъ. Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстануть и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщеніи и обманы Пугачева и его сообщниковъ.

5) Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человѣкъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководите-

лемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно. Ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются.

Въ протчемъ я полагаясь на искуство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей.

Александръ Бибиковъ.

Марта 6-го дня
1774 года.
Казань.

II (стр. 15).

Ключь тайнописи, приложенный къ инструкціи Бибикова Державину.

(См. ниже таблицу на особомъ листѣ.

III (стр. 22). Образчикъ цыфирнаго письма.

Ордеръ Лейбъ-гвардіи господину подпорутчику Державину.

Репортъ вашъ отъ 13 марта я получилъ. Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженіи производятъ во мнѣ особливое удовольствіе. 225, 31 *) — по увѣдомленію господина генералъ-маіора князя Голицына находится 138—44, 14.—270, 31.—20, 19, 10, 31—49, 31—14, 10, 24, 30, 11, 14 **), уповаю будетъ тамо 25-го сего мѣсяца. Я на благоразуміе ваше полагаюсь, что не упустите вы неусыпно стараться 176—248—24, 14, 10, 11, 23, 31—121—68, 14—20, 19—126, 14—116—9, 18, 11, 13, 10, 6 ***), въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я

*) Пугачевъ.

**) Въ Илецкой крѣпости, и корпусъ подъ Оренбургъ идущій...

***) Развѣдать не уйдетъ ли злодѣй по разореніи его гнѣзда.

къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Естьли же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ.

Александръ Бибиковъ.

Марта 21 дня
1774 года.
95, 14 *).

IV (стр. 144).

Сокращеніе коммисіи Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку порутчика Державина.

Отъ Его Высокопревосходительства покойнаго господина генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова изъ Казани 29 декабря 1773 года по занятіи злодѣями Самары былъ я командированъ въ городъ оный, какъ для изслѣдованія Самарскихъ жителей въ прикосновеніи ихъ къ бунту, такъ и по соединеніи съ господиномъ подполковникомъ Гриневымъ и маіоромъ Муфелемъ секретно примѣтить ихъ самихъ, ихъ офицеровъ и команды. Изъ Самары по выгнаніи злодѣевъ, былъ на сраженіи подъ Алексѣевскою крѣпостью и ходили подъ Красной яръ за калмыками, гдѣ къ онымъ писано было отъ меня увѣщеваніе, которое въ письмѣ къ Александру Ильичу удостоено было высочайшаго благоволенія.

По возвращеніи изъ Самары, по приказанію Его Высокопревосходительства дѣлалъ я журналъ какъ всѣмъ высочайшимъ повелѣніямъ, теченію всѣхъ дѣлъ, всѣмъ рапортамъ къ Александру Ильичу, всѣмъ его приказаніямъ и всей его диспозиціи, что мнѣ все одному было повѣрено.

Въ мартѣ мѣсяцѣ приказавъ вышеписанное производство оставить запечатанное до возвращенія моего, послалъ онъ меня въ сторону рѣки Иргиза имѣть наблюденіе о поимкѣ Пугачева, ежели онъ скрытно прибѣжитъ туда. Будучи тамъ, взялъ я такія средства, что всѣ подшатавающіеся къ мѣстамъ тѣмъ попадались на мои обзоры. Чрезъ лазутчиковъ отослалъ я письмо къ Уральскому коменданту, чтобъ какъ можно отсиживался и ждалъ скораго прибытія нашихъ войскъ. По письму злодѣйскаго начальника Толкачева, тогда какъ

---

*) Кичуй.

всѣ наши войски прошли подъ Оренбургъ, хотѣли изъ Уралу бунтовщики пролитія по теченію Иргиза на нагорныя провинціи къ покоренію ихъ, то я сдѣлалъ разгласками и вытребованіемъ изъ Саратова команды отъ того имъ заблаговременно диверсію. Во время Ставропольскихъ калмыкъ обороту отъ Самарской линіи, моею диспозиціею та команда прикрыла отъ нихъ какъ селенія Иргизскія, такъ и иностранныя колоніи. Во время дальняго преслѣдованія тѣхъ калмыкъ подполковникомъ Муфелемъ зашелъ онъ за ними въ степь такъ, что у него не стало провіанта, и онъ бы долженъ былъ возвратиться, то я всему его деташаменту доставилъ провіантъ такъ сказать собственный, ибо выпросилъ у партикулярнаго человѣка. Во время подхожденія Пугачева къ Саратову былъ отъ меня посланъ лазутчикъ для истребленія его, но какъ ему по препятствіямъ въ толпѣ у него быть не удалось, то однако онъ подговоря съ собою нѣсколько (человѣкъ?), разбилъ злодѣйскую шайку въ трехъ стахъ состоящую, освободилъ нѣсколько дворянъ отъ смерти, и перевязавъ ея атамановъ представилъ нашимъ генераламъ. Саратовъ удержать напрягалъ я всѣ свои силы, колико мое усердіе, присяга и должность повелѣвали. Почему же я въ сіе дѣло вошелъ, имѣю неопровергаемыя причины и доказательства. Но чтобъ сказать короче, то тогдашнія мои старанія имѣли бы конечно свою пользу, городъ бы и цѣлая область не погибла, ежели бъ прочіе мнѣ отвѣтствовали. Я и теперь не обинуяся хочу осужденія, ежели я вступилъ не въ свое дѣло, ежели я помѣшалъ кому что дѣлать, и ежели найдусь въ чемъ нибудь тутъ виноватымъ. По выѣздѣ за должность изъ Саратова, спасъ я отъ расхищенія Малыковскую казну. Распустилъ собранныхъ крестьянъ чтобъ не умножить толпы Пугачева. Провѣдавъ его оборотъ, пріѣхалъ въ Сызранъ и донесъ о всемъ Его Превосходительству генералу Мансурову. Въ тожъ время, какъ Саратовской господинъ комендантъ и прочіе пробивались внизъ по Волгѣ подъ защищеніе Царицына, то я область имъ ввѣренную спасъ отъ расхищенія Киргисъ-кайсаковъ и разбивъ ихъ съ мужиками, отнялъ у нихъ плѣнъ, исключая русскихъ, колонистовъ однихъ около тысячи человѣкъ, и что они Киргизцы были подъ знаменами Пугачевскими въ не маломъ количествѣ, и Саратову вторичная была опасность, о томъ свидѣтельствуютъ рапорты подполковника Савельева къ князю Голицыну. При отбитіи плѣна отбилъ я скотъ и имѣніе плѣнныхъ; но что непокорыстовался я по праву завоевателей ни чѣмъ, на то имѣю квитанцію. Во время обращенія Пугачевскаго отъ Чернаго яру на Узени, стерегъ я его неусыпно въ степи, и кажется, ежели бы опредѣлено

было кромѣ его сообщниковъ поймать его, то бы моихъ посланныхъ не миновалъ. Когда-жъ его поимали, то первый я репортовалъ о томъ Его Превосходительству Павлу Сергѣевичу и потомъ Его Сіятельству князю Петру Михайловичу, а отъ нихъ уже и далѣе сіе извѣстіе дошло. По семъ рапортѣ въ силѣ ордеровъ разбиралъ я колодниковъ по дѣлу Пугачева, въ Малыковкѣ и по винамъ ихъ по тѣмъ ордерамъ наказалъ, а допросы ихъ по пріѣздѣ въ Казань отдалъ въ секретную коммисію. Также при семъ случаѣ возвращалъ я пажить пограбленныхъ злодѣями, что можно видѣть изъ реестровъ, подписанныхъ тѣми пограбленными, что кому возвратилъ. Потомъ доставилъ я тѣхъ людей въ коммисію, которые надобны были къ распутанію связи происхожденія Пугачева; но только однако искомаго Филарета, и по вторичной о немъ данной мнѣ коммисіи, сыскать не могъ, и сіе можетъ быть для того, что онъ не могъ притти въ свой скитъ, потому что на Иргизѣ, въ силѣ повелѣнія Его Превосходительства генерала Волкова, выискиваетъ бѣглыхъ стоявшій тамъ съ эскадрономъ гусарскій штабъ-офицеръ.

Между бунтовъ и опасностей всю сію коммисію исполнялъ я безъ малѣйшаго въ трудахъ своихъ помощника, одинъ, и имѣю отъ всѣхъ генераловъ похвалу; также свидѣтельствуюсь тѣми жительствами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я ихъ безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса, и безъ всякаго кому какого либо притѣсненія, не взирая на то, что я къ тому самою нуждою принужденъ бы долженъ быть; ибо я лишился въ Казани всего иждивенія движимаго, а въ Оренбургскомъ уѣздѣ, не говоря о грабежѣ злодѣями, лишился того, что состоянію моему очень важно, ибо свидѣтельствовать можетъ то Его Сіятельство князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, что весь транспортъ, идущій съ провіантомъ къ Оренбургу, что сдѣлаетъ всѣхъ болѣе 20,000 подводъ, былъ недѣли двѣ весь на моемъ коштѣ, съѣлъ меня и разорилъ въ пользу отечества на голову.

V.

Историческая записка о Пугачевѣ, вложенная въ тетрадь рапортовъ Державина (№ 75, писана рукой писаря).

Бывшій извергъ Пугачевъ, донской казакъ Зимовенской станицы *), уроженецъ отъ простаго казака обыкновеннаго, а не изъ лучшихъ, то есть отличныхъ казаковъ. Походъ его былъ въ молодыхъ лѣтахъ, примѣрно не свыше 20 лѣтъ, въ Прусскую семилѣтнюю войну въ полку полковника Донскаго Туроверова, а въ 1767 году, когда открылась война и съ Турками, былъ онъ во второй арміи въ полку полковника Кутенникова и до сей войны послѣдней, а опослѣ Прусской семилѣтней за воровство въ станицѣ, при полномъ сборѣ **), наказанъ по обрядамъ казачьимъ плетьми.

Въ 1769 году по указу военной коллегіи велѣно изъ Дону командировать на поселеніе въ Таганрогъ и въ Азовъ по пяти сотъ семей, и тогда возобновились сіи крѣпости, до сего впустѣ лежащія. Правленіе Донское, получа указъ военной коллегіи, исполненіемъ приступило таковымъ: командировать на то поселеніе казачьи семьи изъ людей, неугодныхъ обществу, а почетныхъ тою высылкою освободить, сдѣлало предписанія по всему войску, то есть во всѣ станицы ***), соображаясь по числу въ станицахъ семей, въ станицу Зимовенскую, гдѣ извергъ Пугачевъ состоялъ жительствомъ, 6-ти семей, ибо она не въ большомъ количествѣ противъ прочихъ и теперь есть. Предписано было, если изъ таковыхъ семей есть въ походѣ, дала бъ станица знать Правленію, для выпуска изъ похода къ соединенію семейства на поселеніе. Станица бывшая Зимовенская нарядила 6 семей таковыхъ, кои имъ въ обществѣ не надобны были, какъ за воровство и другое нетерпимое въ жительствѣ людей. Пугачевъ тогда состоялъ въ полку Кутенникова въ арміи, предводительствуемой Панинымъ, по увѣдомленію Донскаго правительства былъ онъ изъ полку выпущенъ и данъ ему билетъ явиться въ Таганрогъ къ своему семейству. Онъ туда не явился и гдѣ шатался неизвѣстно, но чрезъ годъ пойманъ въ станицѣ Зимовенской за подговоръ людей бѣжать на Терекъ. Забили его въ колодки и отправили въ городъ Чер-

---

*) Станица по донскому названію, по общему смыслу селеніе.

**) Сборъ есть сходка. Плетьми наказываютъ человѣка неуважительнаго по обрядамъ донскимъ, а другимъ дѣлаютъ пеню, надѣются, что онъ заслужитъ.

***) На Дону 118 станицъ казачьяго роду.

каскъ *), гдѣ Правленіе Донское состоитъ, и съ дороги онъ Пугачевъ бѣжалъ и безъизвѣстно пропалъ, только извѣстно, что онъ былъ на рѣкѣ Волгѣ въ разбоѣ, на которомъ пойманъ и посаженъ въ Казани въ острогъ; болѣе же обстоятельнаго свѣдѣнія злодѣяній его уже извѣстно, когда обнаружилось сего изверга Пугачева важное названіе Самозванца. Станица Зимовенская просила себя изъ того мѣста переселить въ другое и переименовать ее другимъ названіемъ **), а домъ его сожженъ, скотина побита и брошена въ рѣку Донъ, братъ его родной хотя и не былъ скверности той участникомъ, переименованъ другою фамиліею; жена его и сынъ малолѣтной сосланы по повелѣнію главнаго начальства въ Соловетскіе и названія теперь Зимовенской станицы нѣтъ, а именуется съ переселеніемъ Потемкинскою.

VI (стр. 45).

Письмо Державина къ Бранту ***).

Hoch gebohrner
Hoch gebietender

gnädiger Herr!

Die Order Euer Excellenz worinnen hochdieselbe mir anzeigen, wie Unser allergnädigste Monarchin Euer Excellenz den Vorsitz bey der geheimen Commission in Kasan allergnädigst anvertrauet, habe die Ehre zu erhalten gehabt. In Ansehung meiner mir anvertraueten Commission, werde nicht ermangeln, alles nothwendige Euer Excellenz unterthanigst anzuzeigen. Da ich aber Euer Excellenz mit der gröste Ehrerbietung hochachte, und bei denenselben viele Großmuth und Menschenliebe bemerket, so habe bey dieser Gelegenheit denenselbe nachamen, und ohne Euer Excellenz Erlaubniß Leute nicht unglücklich machen wollen; dahero ich mir die Ehre gebe, mich mit diesen Briefe vors erste zu erklären, und als denn wenn Euer Excellenz befehlen, so werde der gewöhnlichen Ordnung nach, entweder bey Euer Excellenz, oder bey der geheimer Commission Folgendes raportiren.

---

*) Городъ Черкаскъ отъ Зимовенской станицы разстояніемъ болѣе 200 верстъ.

**) Названа Потемкинскою и переселена отъ прежняго мѣста за четыре версты.

***) Здѣсь сохранено во всей точности правописаніе подлинника.

Zu Herstellung der Ruhe in hiesiger Gegend, ist jetzo gar nichts nöthig. Gott sey dank, es ist hier, so viel ich bemerke, alles still, nur muß (wenn ich Euer Excellenz unterthanigst anzeigen darf) der gewaltsamen Dieberey, oder deutlicher zu sagen, den beständigen Geld= Erpreßungen, welche die Kräfte der Menschen fast gäntzlich erschöpft, Einhalt gethan werden. In den geheimen, von Ihro Excellenz des wohlseligen Alexander Ilisch mir gegebenen Instruction, stehet unter andern geschrieben, daß ich die Meynung der Menschen erforschen soll etc. So viel ich also bemerket, so verursachet diese Geld=Erpressung das gröste Murren der Leute, denn ein Jeder, der das geringste mit Ihnen zu thun hat, beraubet sie, dieses macht den leichtgläubigen Pöbel bey seinen schlechten Verstande unzufrieden, und wenn ich frey sprechen darf, dieses unterstützet die Seuche, welche anjetzo in unsern Vaterland tobet. Ich will mich hierüber anjetzo nicht weitläuffiger erklären; wenn aber Euer Exc. befehlen, so werde nicht unterlaßen, laut der mir anvertrauten Commission, den schuldigsten Raport gehörigen Orts abzustatten.

Ansonst habe die Ehre mit den grösten Respect zu beharren

Euer Excellenz

unterthanigster Diener

Gabriel Derschavin.

Malikofka
D. 4 Juy 1774.

LBMr'29

Ключь тайнописи, данныя Бибиковымъ державину (стр. 15 и 103).

| | | |

LBMr'29

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111